

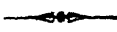
66
29 784

БИБЛИОТЕКА

ПУТЕШЕСТВІЙ.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ I.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЯПОНИЮ.

9

ТОМЪ I.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Дмитріева.

1854.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЯПОНИИ.

1

Монголия. Хану (Хан-Кона)

ГОРА ФУЗМ (ФУЗМ-СИМА)

Лендинг

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЯПОНИИ

ИЛИ

ОПИСАНІЕ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРІИ,

ВЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ, ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ,

Ф. Зибольда,

ДОПОЛНЕННОЕ СВѣДѢНІЯМИ И ИЗВѢСТІЯМИ ИЗЪ КЕМПФЕРА,
ФИННЕРА, ДѢФА, ШАРЛЬВУА, ГРАФА ГОГЕНДОРНА, КРУЗЕН-
ШТЕРНА, ТУНБЕРГА, ТИТСИНГА, ВАРЕНИУСА И ДР.

ПЕРЕВОДЪ

В. М. Втрова.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1854.

ПЕЧАТАТЬ НЕ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 15-го Іюня 1853 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

2007067067

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ЯПОНИЮ.

ПЕРЕѢЗДЪ ИЗЪ БАТАВІИ ВЪ ЯПОНИЮ.

Когда Голландіи были возвращены владѣнія ея въ Остѣ-Индіи, правительство предписало политическимъ и торговымъ начальствамъ своихъ колоній всѣми мѣрами поощрять науки и искусства. Образованность распространилась подѣ просвѣщеннымъ покровительствомъ генераль-губернатора, барона Фанъ-деръ-Капеллена, колоніи ожили, и всѣ учрежденія, содѣйствующія ихъ преуспѣянію, стали развиваться съ новою силою.

Профессоръ Рейнвардтъ, доктора Куль и фонъ-Гассельтъ, и послѣ нихъ докторъ Блумъ, изслѣдовали острова Сондскіе и Молуккскіе. Первый возвратился въ Нидерланды съ богатою коллекціею; Куль сдѣлался жертвою своего рвенія, а послѣдніе два занимались обслѣдованіемъ острова Явы, когда прави-

тельство голландскихъ колоній обратило вниманіе на Японію.

Уже въ теченіе многихъ лѣтъ не получали никакихъ важныхъ свѣдѣній объ этой странѣ. Мореплаваніе Голландцевъ приостановилось со времени послѣднихъ войнъ, а японское правительство рѣшительно не допускало кораблей другихъ державъ.

Послѣ Кемпфера только Тунбергъ, докторъ при голландскомъ посольствѣ въ Іедо, объѣхалъ внутренность Японіи (1775—1776 г.) и собралъ свѣдѣнія о мѣстности и свойствахъ почвы. Исаакъ Титсингъ, президентъ голландской торговли въ Японіи, собралъ (въ 1780 — 1784 г.) чрезвычайно — любопытныя замѣчанія объ этой имперіи и о нѣкоторыхъ сосѣднихъ державахъ. Онъ вывезъ въ Европу значительное собраніе этнографическихъ предметовъ, а сверхъ того нѣсколько рисунковъ, относившихся до естественной исторіи. Но сочиненія и собранія его лишились всей своей ученой цѣнности, по случаю его смерти, послѣдовавшей въ Парижѣ въ 1812 году.

Тилезіусъ и Лангсдорфъ, совершившіе съ Крузенштерномъ путешествіе вокругъ Свѣта съ 1803 по 1806 г., не могли завести важныхъ сношеній въ Японіи и оказать услугъ естественнымъ наукамъ, а Головинъ, будучи въ плѣну, могъ только разсказать свои походы, съ немногими случай-

ными замѣчаніями, которыя ему удалось сдѣлать во-время невольнаго странствованія по Японіи.

Вотъ что было извѣстно объ Японіи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. По недостаточности и скудости этихъ открытій можно судить, какими затрудненіями и препятствіями окружены ученые розысканія въ Японіи, и изъ того, что сдѣлано Кемпферомъ, Тунбергомъ, Титсингомъ, легко вывести, сколько трудовъ еще осталось совершить, особенно по части физики, географіи и исторіи племенъ.

Рѣшившись увеличить торговыя сношенія съ Японіею, голландское правительство въ то же время задумало основать нѣсколько учреждений, полезныхъ распространенію наукъ. Но расположеніе японскаго правительства на счетъ подобныхъ предпріятій было такъ мало извѣстно, что нельзя было принять рѣшительныхъ мѣръ. Однакожъ, всѣ знали, что многіе Японцы очень уважаютъ европейскія знанія и что большая часть націи склонна къ просвѣщенію и живетъ съ Голландцами въ Децимѣ въ добромъ согласіи. Издавна эти племена показывали любовь къ медицинѣ, физикѣ и математикѣ, и по любви ли къ наукѣ или по какимъ другимъ причинамъ, всегда принимали ученыхъ отлично, особенно докторовъ голландской факторіи. Доктора, по званію и занятіямъ своимъ, на-

ходили возможность входить въ самыя короткія сношенія съ туземцами. Въ Нагазакі и по дорогѣ въ Іедо, они пользовались большими привиллегіями, и особенною милостію въ странѣ, гдѣ за иностранцами смотрятъ неумолимо-строго.

Децимская факторія требовала значительныхъ улучшеній, какъ въ торговомъ отношеніи, такъ и во внутреннемъ ея устройствѣ. Однакожъ, нельзя было надѣяться развитъ торговлю доставленіемъ ей бѣльшей свободы; почему прежде всего слѣдовало правительству голландской Индіи изучить основательно торговлю Японіи, ея жителей, учрежденія и политику, природу и произведенія почвы. Притомъ же весьма важно было поддержать Японцевъ въ высококомъ мнѣніи о Голландцахъ и ознаменовать себя не только превосходнымъ выборомъ статей торговли, но и добрымъ порядкомъ въ веденіи дѣлъ. Чтобы Японцы могли составить себѣ вѣрное понятіе о просвѣщеніи, искусствахъ и наукахъ Европы, слѣдовало сохранить и поддержать доброе согласіе между факторіей и сосѣдними жителями. Этимъ средствомъ надѣялись побѣдить главнѣйшія препятствія, останавливавшія торговлю, заставить японскія власти выслушать безъ отвращенія предположенія о союзахъ, и даже смягчить ихъ строгіе запретительные законы.

Полковникъ Стюрлеръ, воинъ и отличный государственный мужъ, назначенъ начальникомъ голландскаго заведенія въ Японіи.

Мы сейчасъ сказали, что медицина и физика, двѣ науки, въ которыхъ Японцы мало успѣли, пользуются у нихъ особеннымъ уваженіемъ, и доктора наслаждаются свободою болѣе, чѣмъ другіе члены факторіи, и болѣе другихъ могутъ содѣйствовать успѣху этого заведенія. Поэтому поручили меду производить, на разныхъ пунктахъ Японіи, физическія наблюденія, думая такимъ образомъ обезпечить успѣхъ политической цѣли и доставить новыя данныя естественной исторіи и этнографіи.

Такова была мысль правительства голландской Индіи, когда оно предложило мнѣ, въ качествѣ медика и естествоиспытателя, сопровождать полковника Стюрлера. Съ радостію воспользовался я благопріятнымъ случаемъ, который доставлялъ мнѣ возможность достигъ цѣли путешествія моего въ Индію. Являсь во дворецъ Буйтенцоргъ, гдѣ жилъ генераль-губернаторъ, баронъ фанъ-деръ-Капелленъ, я имѣлъ честь представить этому знаменитому покровителю наукъ планъ изслѣдованій, въ которомъ изложилъ средства, казавшіяся мнѣ лучшими и вѣрнѣйшими.

Умѣренный климатъ высокихъ мѣстъ острова Явы скоро поправилъ мои силы, исто-

щенныя недавною болѣзнію; почерпая въ предстоящемъ путешествіи новую жизнь, я ждалъ отъѣзда съ нетерпѣніемъ.

20 мая 1823 года я воротился изъ Буйтен-цорга въ Батавію. Правительство позволило мнѣ купить въ этомъ городѣ все нужное для путешествія и ученыхъ изысканій въ Япо-ніи. Въ такомъ отдаленіи отъ Европы, мнѣ посчастливилось найти физическіе и математическіе инструменты и самыя необходимыя книги. Я добылъ электрическую машину большаго размѣра, воздушный насосъ и гальваническій снарядъ, которымъ надѣялся возбудить любопытство этого любознательнаго народа, показывая ему употребленіе и дѣйствіе этихъ инструментовъ. Особенно пріятно мнѣ поблагодарить жителей Батавіи за просвѣщенное участіе, съ какимъ они приняли вѣсть о моемъ путешествіи. Мнѣ дѣятельно помогали въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, со всѣхъ сторонъ ободряли и поздравляли меня; такая общая симпатія къ моему предпріятію удвоила мое мужество и усердіе, подавъ мнѣ блистательнѣйшія надежды въ будущемъ.

Корабли, назначенные въ эту экспедицію (*),

(*) Голландское правительство торгуетъ съ Японіей на голландскихъ купеческихъ корабляхъ, и съ этою цѣлію нанимаетъ ихъ; ежегодно отправляются въ эту страну два корабля, а если вывозъ мѣди не значителенъ, то одинъ.

Drie Gezusters, (Три сестры) капитанъ Якометти, и *Onderneming*, капитанъ Лельсъ (Lelsz), стояли на рейдѣ въ Батавіи. Оттуда обыкновенно отправляются въ Японію въ іюнь мѣсяцѣ, желая воспользоваться юго-восточными муссонами, которые дуютъ въ китайскихъ и японскихъ моряхъ въ это время года, и притомъ въ первую четверть луны, чтобы войти въ проливъ Банка ночью. На этотъ разъ, исполненіе формальностей задержало насъ, и часто — отлагаемый отъѣздъ нашъ назначили наконецъ на 28 число іюня. Полковникъ Стюрлеръ выбралъ корабль *Drie Gezusters*; мы перебрались на него 27 я. вечеромъ.

Множество друзей проводили насъ въ море; но съ берега поднялся вѣтеръ и принудилъ ихъ воротиться въ портъ. Мѣсто, гдѣ мы стояли на якорѣ, находилось отъ него на разстояніи пѣлой географической мили; возвратный путь шлюпокъ былъ затрудненъ отмелями и волнами, которыя поднималъ вѣтеръ. Онѣ отправились къ берегу; шумъ весель и послѣднія прощанія, сто разъ повторенныя, нарушили безмолвіе ночи.

Совершенно измученный приготовленіями къ долгому пребыванію въ странѣ, гдѣ никакъ нельзя достать самыхъ необходимыхъ для европейскихъ жителей предметовъ, я отдохнулъ на кораблѣ при благодѣтельной вечерней прохладѣ. Но быстрый переходъ

отъ дѣятельности къ бездѣйствію, безпечное состояніе, въ которое поставленъ человѣкъ на кораблѣ, недостатокъ сообщеній его съ внѣшнимъ міромъ, невольная бездѣйственность, непремѣнно ведутъ его къ глубокимъ размышленіямъ и позволяютъ душѣ его, переходящей отъ страха къ надеждѣ, питаться мечтами о будущемъ.

Уже девять мѣсяцевъ жилъ я далеко отъ Европы; пять изъ нихъ провелъ я въ плаваніи по безпредѣльному океану, и наконецъ счастливо добрался до цѣли странствованія. Еще незнакомый съ тропическимъ солнцемъ, я заплатилъ дань жгучему климату тяжкою болѣзною; потомъ, по званію медика, вытерпѣлъ много непріятностей. Теперь я видѣлъ совершенно неожиданный исходъ изъ этого званія, и случайно достигъ цѣли моей поѣздки въ Индію: я могъ побывать въ единственной странѣ, въ самомъ дальнемъ уголкѣ, куда проникли дѣти Европы! Но въ этой странѣ подозрительная азійская политика старается удалить ихъ отъ всякаго сообщенія и съ жителями и съ самою почвою. Тамъ Кемпферъ, самый терпѣливый и настойчивый изъ путешественниковъ, воскликнулъ: «*Quid non mortalia pectora cogis, auri sacra fames!*» Тунбергъ жаловался горько на непомѣрную строгость законовъ. Лангсдорфъ, какъ самъ сознался, искалъ философическихъ утѣшеній въ стаканѣ

пунша. Даже русскій посланникъ покорился требованію, несообразному съ его достоинствомъ. Но знаменитые примѣры терпѣнія и восторженности, показанные путешественниками-натуралистами, воспламеняли отвагу юнаго ихъ сподвижника, который по необъяснимому влеченію стремился въ эти мѣста, гдѣ почитатели его науки могутъ принести новыя жертвы на ея алтарь.

(28 іюня.) Мы подняли якорь на разсвѣтѣ; въ пять часовъ оба корабля отправились въ путь, провожаемые пальбой съ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Острый и металлическій свистъ снастей, ровные крики матросовъ, поднимающихъ паруса, приказанія капитана, ясно слышимыя во всей этой суматохѣ и тотчасъ же повторяемыя офицерами; все это движеніе, вся жизнь, сосредоточенная на палубѣ, производитъ на незанятаго зрителя странное впечатлѣніе, а прекрасный видъ Батавіи, раскрывающійся подъ утреннюю зарю, располагаетъ его душу къ самымъ глубокимъ впечатлѣніямъ. Когда суда, окружающія васъ, принимаютъ участіе въ этомъ оживленномъ движеніи, когда звуки ихъ колоколовъ сливаются съ *тунгъ-ло*, призывающимъ къ молитвѣ экипажи китайскихъ кораблей, вы чувствуете волненіе, которое нельзя передать словами.

Да, отплытіе корабля такая эпоха, кото-

рая изображается въ памяти путешественника неизгладимыми чертами; она памятна даже въ ту счастливую минуту, когда падающій якорь отгоняетъ воспоминанія о радостяхъ или горестяхъ, испытанныхъ въ морской жизни.

Въ 10-ть часовъ послѣдовалъ сильный ударъ вѣтра, а за нимъ совершенная тишь. Такіе внезапные удары нерѣдки въ Индійскомъ-Океанѣ, вблизи берега, особенно ночью, въ эпоху сѣверо-западнаго муссона; ихъ сопровождаютъ сильныя грозы. Часто эти удары предвѣщаются едва замѣтными облаками, которыя даютъ знать опытному моряку, что надобно убавить парусовъ. Боясь, чтобы теченіе при совершенной тишинѣ не унесло насъ на западъ, мы бросили якорь на 17-ти брассахъ глубины, у юго-западнаго берега острова Эдама. Сосѣдніе острова: *Алк-маръ, Энкюйзенъ, Лейденъ, Горнъ, Амстердамъ*, вмѣстѣ съ *Эдамомъ* представляли въ этотъ прекрасный вечеръ очаровательное зрѣлище.

(29 іюня.) Корабли, отправляющіеся въ Японию, получаютъ приказаніе идти по одному и тому же пути. Такое распоряженіе благоразумно, потому-что Японское и Китайское моря очень опасны, но оно представляетъ два неудобства: когда корабли не равны на ходу, быстрый долженъ ждать медленнаго, и оба рискуютъ разбиться одинъ

о другой. Нашъ корабль начальствовалъ, и потому въ 4 часа утра подалъ сигналъ сняться съ якоря. Въ полдень, мы увидѣли на юго-западѣ *Тысячу острововъ* (*Poulo-Seribou*), изъ которыхъ мы мимоходомъ могли насчитать тридцать. Сзади насъ рисовалась на горизонтѣ гора Галыгота въ Бантамскомъ округѣ острова Явы. Къ вечеру мы увидѣли островъ *Нордерб-Вахтеръ* и мысы Суматры. Во всю ночь не останавливались.

(30 июня.) Горы на Явѣ и Суматрѣ не видны; все наше вниманіе обращено на острова *Люсипара* и *Банка*, которые скоро должны показаться на горизонтѣ.

(1 июля.) Въ 7-мъ часовъ, мы увидѣли на сѣверо-востокѣ берегъ; считали его островомъ *Люсипарой*, но скоро узнали, что это только возвышеніе на островѣ Банка. Потомъ мы различили и *Люсипару*, на западѣ, въ разстояніи 4-хъ морскихъ миль; въ то же время, на сѣверо-западномъ горизонтѣ показывался самый низкій берегъ Суматры. *Люсипара* тянется отъ него къ сѣверу длиною почти на цѣлую морскую милю. На одномъ концѣ этого острова холмъ, а на другомъ мысъ; весь островъ покрытъ кустарникомъ и защищенъ поясомъ изъ утесовъ. Онъ лежитъ подъ $8^{\circ} 13'$ южной широты и $103^{\circ} 50'$ восточной долготы. Островъ необитаемъ. Отмели, песчаные мели и подводные камни,

едва замѣтные и наполняющіе входъ въ Банксій проливъ, затрудняютъ плаваніе въ немъ ночью, когда путь не освѣщенъ луннымъ свѣтомъ. Поэтому мы бросили якорь въ 3-хъ миляхъ отъ Люсипары на ВСВ.

(2 іюля.) Мы входимъ въ Банксій проливъ по берегу Суматры и продолжаемъ путь, придерживаясь берега, на глубинѣ отъ 5 до 7 брассовъ. Берегъ Суматры низокъ и покрытъ роскошною растительностію. Вышина деревьевъ изумительна; издали кажется, что они подстрижены пожницами. У мыса Лалари, на островѣ Банка, мы встрѣтили такое сильное теченіе, что въ часъ мы совершили болѣе доброй нѣмецкой мили. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, море очень желто; это объясняется мѣстными причинами, относящимися къ глубинѣ или къ свойству земли.

Огромная стада рыбъ плыли мимо насъ, и тамъ, гдѣ прозрачность воды позволяла намъ видѣть дно, мы могли различить шпагъ (*xiphius*) и морскихъ орловъ (*myliobates*) огромной величины. Къ вечеру мы дошли до оконечности *Пермизанга* и бросили якорь у Суматры, на 5 брассахъ глубины.

(3 іюля.) Едва прошли мы мимо оконечности *Пермизанга* и втораго мыса Суматры, какъ вытерпѣли ударъ вѣтра съ сѣверо-запада; въ ту же минуту явился на сѣверѣ горизонта смерчъ (*trombe*) и представилъ въ

продолженіе нѣсколькихъ мгновеній прекрасное, но страшное зрѣлище (*).

Вдали показалась гора *Марасъ*, орошаемая заливомъ *Клабатъ*, внутри острова Банка. Вечеромъ мы опять бросили якорь.

(4 іюля.) На разсвѣтѣ мы опять пустились въ путь и черезъ нѣсколько часовъ увидѣли песчаную мель и утесъ *Карангъ-Корамъ*, которые остались отъ насъ на разстояніи географической мили. На этихъ отмеляхъ лежалъ островъ брига, который недавно тутъ разбился. Скоро мы прошли мимо 4-й оконечности Суматры и увидѣли устье рѣки Палембанга.

Эта величественная рѣка острова Суматры течетъ изъ горъ, отдѣляющихъ Палембангъ отъ Бенкулена на западѣ и юго-западѣ, и въ

(*) Метеоръ пролетѣлъ такъ быстро, что нельзя рѣшить къ какимъ смерчамъ принадлежалъ онъ, къ водянымъ или вѣтрянымъ. Имѣвъ случай, во время переезда изъ Голландіи въ Батавію, наблюдать оба эти явленія, мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ, потому что водяные смерчи извѣстны, а вѣтряные, т. е. производимые вихремъ (*tourbillons*), напротивъ того, почти не описаны. Въ 1822 году, 24 декабря, близъ Мыса Доброй Надежды, намъ удалось вполнѣ разсмотрѣть эту игру природы. Вѣтеръ, дувшій въ продолженіе нѣсколькихъ дней съ сѣверо-востока, вдругъ переѣнился, и началась буря на западѣ, съ вихремъ отъ сѣверо-востока. Всѣ эти противные вѣтры съ ревомъ вырывали глубокія пропасти въ морѣ; поднимаемые ими волны били вверхъ пѣною, потомъ на минуту образовали водяные столбы, которые вертѣлись на сво-

теченіи своемъ принимаетъ воды многихъ значительныхъ рѣкъ.

Скоро мы вышли на высоту города Мунтока и прошли въ 5-ти или 6-ти брассахъ надъ отмелью, которая тянется отъ востока на западъ передъ его рейдомъ. Вечеромъ мы остановились передъ фортомъ, и полковникъ Стюрмеръ сошелъ на берегъ съ капитаномъ нашего корабля, чтобы ускорить доставку партіи олова, которую мы должны были взять къ себѣ на корабль. Вечеръ былъ неподобный. Свѣжій вѣтеръ приносилъ къ намъ благоуханный воздухъ съ берега; мы съ наслажденіемъ любовались этимъ прелестнымъ берегомъ Банка, котораго столица живописно расположена на Менумбингскомъ скатѣ.

Около каждаго жилища роскошная и разно-

емъ основаніи, а изъ вершины выбрасывали снопы, распадавшіеся брызгами.

На сѣверо-востокѣ мы видѣли 8 такихъ колоннъ; онѣ вертѣлись въ нашу сторону. Самая близкая проходила съ страшнымъ ревомъ, въ разстояніи четверти мили отъ насъ, когда буря, превратясь въ ураганъ, бросила на насъ другую таную же колонну и за нею еще двѣ. Всѣ онѣ подходили съ трескомъ, котораго передать не возможно; одна изъ нихъ разсыпалась предъ нашимъ бугшпритомъ, и корабль былъ склоненъ на сторону съ такою силою, что весь экипажъ сиблило съ ногъ. Кромѣ силы вѣтра, мы не замѣтили ни грома ни молніи, и вовсе не слыхали сѣрнаго запаха, о которомъ рассказываютъ другіе путешественники

образная растительность; на холмахъ великолѣпныя лѣса, на вершинахъ горъ тоже. Выше уровня этихъ вѣковыхъ лѣсовъ поднимаются гигантскія пальмы, возвышающія прелесть пейзажа. Веселые домики и красивыя крыши фортговъ, блестящія подъ лучами солнца, составляютъ удивительный контрастъ съ отдаленными возвышенностями, которые нечувствительно исчезаютъ въ нѣжной прозрачности горизонта. Не нужно говорить, какъ нетерпѣливо желали мы сойти въ эту прекрасную страну и сколько надѣялись насладиться на островѣ Банка.

(5 июля.) Превосходное утро. благопріятствовало нашимъ намѣреніямъ, и мы вышли на берегъ. Когда море низко, то очень трудно добраться до берега въ шлюпкахъ; ихъ останавливаютъ отмели болѣе, чѣмъ во стѣ шагахъ отъ берега; приходится взлѣзать на плеча крѣпкаго матроса или садиться въ наланкинъ, несомый Малайцами. Берегъ около Мунтока состоитъ изъ болотъ. Въ этомъ небольшомъ городкѣ, расположенномъ на скатѣ некрутаго холма, живутъ только Малайцы и Китайцы.

Тотчасъ по прїѣздѣ я пошелъ отыскивать доктора Фрице (Fritze) и засталъ его въ хлопотахъ около больныхъ. Мунтокская больница построена на здоровомъ мѣстѣ, на возвышенной плоскости, открытой вѣтрамъ съ

земли и съ моря. Залы выстроены изъ дерева, и все зданіе въ одинъ этажъ, просторно и несуро. Въ этомъ заведеніи порядокъ и чистота удивительныя; кроватей сто, но число больныхъ рѣдко доходитъ до 60-ти. Наичаще встрѣчающіяся болѣзни суть: поносы, поврежденіе печени (*hépatites*), язвы на ногахъ, особый родъ лишая (*herpes*) и, какъ послѣдствія, водяная и чахотка. Докторъ Фрице показалъ мнѣ нѣсколько Малайцевъ, которымъ произведена ампутація дня за два до моего прибытія. Одному больному ампутація произведена вслѣдствіе запущенныхъ нарывовъ, которые повредили пальцы на ногахъ и ножную кость. Членъ былъ уже въ здоровомъ положеніи, операція была произведена 12 іюня и можетъ служить доказательствомъ, что раны заживаютъ у Индѣйцевъ скорѣе, чѣмъ у жителей Европы. Сверхъ того я замѣтилъ нѣсколько случаевъ сифилитической болѣзни и воспаленія глазъ. Въ полдень резидентъ на островѣ Банка, г. де-ла-Фонтенъ, показывалъ мнѣ цитадель, которая слишкомъ просторна для гарнизона, хотя уже значительно уменьшена. Новопостроенная казарма очень мнѣ понравилась. Подобныя зданія всегда должны быть очень просторны въ тропическихъ странахъ, гдѣ надобно особенно заботиться о свободномъ теченіи воздуха, чтобы сохранить солдатъ

отъ убійственнаго дневнаго жара, не подвергая ихъ ночной прохладѣ. На слѣдующій день назначили намъ отъѣздъ, а потому мы не могли осмотрѣть главной достопримѣчательности острова Банка, его оловянныхъ рудниковъ. Гг. Крауфордъ и Горсфилдъ, осмотрѣвшіе ихъ, сообщили нѣкоторыя о нихъ подробности (*).

Позже рудники эти обозрѣлъ г. Діаръ, сообщившій свои наблюденія голландскому правительству. Генералъ-губернаторъ Фандеръ-Капелленъ доставилъ намъ любопытный и важный документъ объ оловянныхъ рудникахъ: рапортъ г. де-ла-Фонтена составленный по порученію начальства (**).

Стоило бы напечатать его цѣликомъ, но недостатокъ мѣста и порядокъ этого журнала дозволяютъ намъ представить только извлеченіе. Рапортъ начинается историческимъ обозрѣніемъ постепеннаго развитія рудниковъ, съ открытія ихъ до 1823 г. Факты изложены ясно и обсуждены дѣльно; по части улучшенія разработки, представлены полезныя мѣры, внушенныя автору его соб-

(*) См. исторію Индійскаго Архипелага (History of the Indian Archipelago by John Crawfurd, 1820.)

(**) Rapport omtrent de tinminen van Banka (рапортъ объ оловянныхъ рудникахъ на островѣ Банкѣ); 1824 г. въ рукописи.

ственнымъ опытомъ. Потомъ слѣдуетъ описаніе новыхъ рудниковъ и главнѣйшихъ жилъ, ихъ формы, образы разработки, очищеніе руды и построеніе хижинъ (hutties). Г. де-ла-Фонтенъ оканчиваетъ рапортъ полезными замѣчаніями о службѣ и обязанностяхъ горныхъ инспекторовъ и работниковъ, объ ихъ содержаніи, образѣ жизни и нравахъ. Подробное описаніе мунтоскихъ рудниковъ, съ таблицею, представляющею ихъ производительную силу и даваемые ими ежегодные доходы, придаетъ еще болѣе статистической цѣнности этому важному труду. Мы выпишемъ изъ него самые замѣчательные факты. Необходимость быть краткими, заставляетъ насъ цитовать отрывками.

Г. де-ла-Фонтенъ придерживается того мнѣнія, что около 1710 г., частицы растопленного олова, найденныя послѣ пожара, довели до открытія этого металла на островѣ Банкѣ. Тогда Палембангскій султанъ началъ работы, которыя были причиною переселенія на островъ множества китайскихъ семействъ. Эти колонисты-промышленники, подъ наблюденіемъ одного изъ чиновниковъ султана, начали разработку по всему острову. Въ первое время, горные Китайцы брали мины по контрактамъ, пользуясь за то нѣкоторыми привилегіями, но впослѣдствіи султанъ, понявъ лучше свои

выгоды, предпочесть производить разработку на свой собственный счетъ и учредить для управления работами особыхъ агентовъ, называвшихся *Тико* (Ticos) и пользовавшихся огромною властью; они представляли султана и имѣли право жизни и смерти надъ Китайцами, которымъ даже не позволено было приносить жалобы. Тико присутствовали обыкновенно въ Палембангѣ, а обязанность ихъ исполнялась помощниками, известными у Китайцевъ подъ именемъ Конгси (Kongsî, Kongdsü, господинъ). Туземцы Банка, называемые орангунонгами (orangunong, горцы), управлялись особымъ *джерангомъ* (Djerang).

Въ эпоху владычества на Банкѣ палембангскаго султана, работы управлялись слѣдующимъ порядкомъ: вблизи минъ устроивалось зданіе, въ которомъ жили конгси и большая часть китайскихъ горцевъ; это зданіе въ тоже время служило магазиномъ для складки състныхъ припасовъ и мѣстомъ храненія рабочихъ инструментовъ; такая предосторожность была необходима, потому что пираты, непрерывно разбѣзжавшіе около Банка, часто нападали на островъ. Каждый мѣсяцъ рудокопы и работники, занимавшіеся въ домахъ очищеніемъ металла, получали впередъ, въ счетъ жалованья, деньги и състные припасы, иногда въ такомъ количествѣ, которое превышало слѣдующую имъ плату.

Въ такомъ случаѣ, рудокопы, составляя одну промышленную корпорацію, отвѣчали другъ за друга.

1-го іюня, китайскаго лѣтосчисленія, подводились итоги, и каждый работникъ получалъ плату, сообразно количеству олова, добытаго въ теченіе года изъ руды. При этомъ большая часть работниковъ оставалась еще въ долгу передъ правительствомъ, между тѣмъ какъ конгси и ихъ довѣрители тѣко, на которыхъ обыкновенно возлагались обязанности доставлять съѣстные припасы и инструменты, имѣли огромныя выгоды; часто также конгси вели контрабандную торговлю оловомъ; понятно, что въ такомъ случаѣ они должны были дѣлиться съ работниками, чрезъ которыхъ передавалось олово. При разработкѣ минъ менѣе богатыхъ, деньги и припасы выдавались впередъ только старшимъ работникамъ, подъ ихъ исключительную отвѣтственность. Цѣны олова были различны, смотря по богатству мины. Вообще надобно удивляться, что при подобномъ управленіи, допускавшемъ столько произвола, встрѣчается еще нѣкоторое сродство въ ходѣ операцій.

При производствѣ работы для открытія новыхъ минъ, работникамъ назначалось вознагражденіе, называвшееся *тянь* (tyan); въ

случаѣ же не успѣха, конгси принимаютъ всѣ убытки на свой счетъ.

Оловянные рудокопни въ провинціяхъ Мунтокѣ, Рангамѣ, Белу (Belu) и Клебатѣ, также руды въ Блинью, Сунгей-Ліатѣ, Тампилангѣ, Панкаль-Пинангѣ, Маравангѣ и Жебюсѣ, открытыя во время владычества палембангскаго султана, доставили, какъ думаютъ, огромное количество олова. Около 40 лѣтъ послѣ ихъ открытія (1750), онѣ доставляли до 66,000 пиколей, а 30 лѣтъ спустя 30,000 пиколей. По условію, заключенному въ 1771 г. между голландскою Остъ-Индскою-Компаниєю и султаномъ палембангскимъ, послѣдній обязался ежегодно доставлять 25,000 пиколей. Когда Англичане овладѣли островомъ, 17-го мая 1812 г., руды давали еще до 10,000. Причины уменьшенія производительности ихъ разныя; главная заключается въ истощеніи самыхъ богатыхъ рудниковъ, а къ этому надобно еще прибавить отсутствіе порядка и дурное направленіе работъ, злоупотребленіе привилегій, нарушеніе условій и отсутствіе средствъ защиты противъ нападенія пиратовъ.

Овладѣвъ островомъ Банка, Англичане ввели новую систему разработки, а для наблюденія за ходомъ ея назначили особыхъ инспекторовъ. Обязательство Китайцевъ изъ Кантона 1587 г., а также многочисленные

розыски стали ежегодно увеличивать количество добываемого металла (*). По удостоверенію майора Курта (Court), рудники привосили

Въ 1813 году	7,299	пикол.	8 $\frac{1}{2}$	каттис.
— 1814 —	19,149	—	36 $\frac{1}{4}$	»
— 1815 —	25,190	—	40	»
— 1816 —	26,670	—	76 $\frac{1}{2}$	»

Послѣ уступки острова Банки Голландіи, 2 декабря 1816 г., рудники до отреченія отъ престола палембангскаго султана (1820—21 г.) давали столько же металла, потому что система управленія работами оставалась та же самая, какая была принята Англичанами. Война остановила разработку въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и соразмѣрно этому уменьшалось добычаніе олова. Но въ 1822 г. опять получено 3,323,487 фунтовъ или 26,587 пик., и въ 1823 г. 27,058 пик. или 3,382,317 фунтовъ.

Олово находятъ почти по всему острову Банка и потому Радемахеръ (**) былъ правъ, называя этотъ островъ *горю оловяннаго песку*. Вездѣ найдены богатые жилы и открыты мины. Англійское правительство раздѣлило Банку на семь провинцій (дистриктовъ), и раз-

(*) M. H. Court. Exposition of the relations of the british government with the Sultan and state Palembang etc.

(**) Рѣчи, произнесенныя въ Батавской Академіи Наукъ и Искусствъ, т. III стр. 83.

дѣленіе это сохранилось до настоящаго времени (1888 г.). Названія провинцій слѣдующія: Мунтокъ, Жебюоъ, Блияа, Сунгей-Ліатъ, Мараванъ, Панкаль-Пинангъ и Тобо-али. Полковникъ де-Фонтенъ представилъ генералъ-губернатору планъ острова съ указаніемъ провинцій, центральныхъ мѣстъ ихъ и положенія самыхъ значительныхъ рудниковъ, которые осматривалъ во время своей поѣздки по острову въ 1823 г.

Въ 1822 году провинція Мунтокъ подраздѣлена на двѣ: Панкаль-Пинангъ и Коба. Опуская подробности о разработкѣ рудъ и трудахъ и обязанностяхъ людей, управляющихъ этимъ дѣломъ, что занимательно только для правительства Индій, бросимъ бѣглый взглядъ на горцевъ, ихъ жизнь, нравы и обычаи. Они по большей части Китайцы и изъ нашего разсказа можно получить понятіе объ этомъ народѣ, который, распространяясь по всей Восточной-Индіи, становится колонистомъ вездѣ, куда призываетъ его трудъ; дѣятельность его въ торговлѣ и промышленности по истинѣ удивительна, хотя нельзя не признать его чувственности и эгоистическаго и расчетливаго ума.

Работники каждаго рудника составляютъ настоящее семейство; начальникъ предпріятія считается главою семейства. Кто не работаетъ въ самомъ рудникѣ, у того какое-

нибудь особенное ремесло; тотъ поваръ, другой садовникъ, третій закупаетъ припасы, четвертый рубить дрова. На зарѣ, барабанъ призываетъ работниковъ къ занятіямъ; обыкновенно поваръ исправляетъ должность барабанщика. Они завтракаютъ, потомъ идутъ на работу; запоздавшіе платятъ штрафъ. Два человѣка остаются караульными на ночь въ рудникѣ; они отвѣчаютъ за всякое несчастіе, если сигналомъ не позвали товарищей на помощь. Имъ порученъ надзоръ за скотиною; они же бьютъ тревогу въ случаѣ проваловъ или появленія воровъ. Работаютъ съ половины шестаго до 11 часовъ утра; потомъ отдыхаютъ полтора часа и опять принимаются за дѣло. Въ 3 часа рабочіе обѣдаютъ и послѣ обѣда работаютъ до вечера. Показывая распредѣленіе дня ихъ, мы хотимъ выставить дѣятельность этихъ людей, перенесенныхъ въ чужой край, подъ тропики, и на островъ, извѣстный по убійственному климату, а особенно въ болотистыхъ равнинахъ и просѣкахъ. Порядокъ и миръ не нарушаются въ этомъ семействѣ, состоящемъ изъ 60 или 80 рабочихъ; ссоры очень рѣдки. Такое согласіе зависитъ отъ начальника, который почти всегда человѣкъ разсудительный и трудолюбивый. Холостые живутъ въ особомъ деревянномъ домѣ, женатые помѣщены отдѣльно въ такихъ же домахъ. У

каждаго рудника построено красивое зданіе, роскошно убранное и тщательно поддерживаемое; не рѣдко оно покрыто тонкими цыновками и крашеными коврами. Тутъ и храмъ, и сельская расправа, и арсеналъ, и столовая; называютъ его *Кунгъ-ши*. На алтарѣ стоитъ изображеніе *Лаоцю*, которъй всего чаще представляется на картинкѣ яркими красками. Передъ нимъ горитъ неугасимый огонь и курится еиміамъ; при входѣ въ храмъ стоитъ священное дерево, около котораго кладутъ приношенія.

Пища горныхъ Китайцевъ самая умѣренная; обыкновенныя блюда: рисъ, овощи, сухая и соленая рыба; однакожъ, они часто ѣдятъ дичь, дикую свинью, оленину, и много пьютъ *сю*, крѣпкаго напитка, приготовленнаго изъ риса. Женатыя ведутъ особыя хозяйства, а холостые обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ. Казенные магазины даютъ имъ въ кредитъ, черезъ смотрителей, рисъ, соль, масло, табакъ, желѣзо, сталь и хлопчатую бумагу, т. е. главнѣйшіе предметы привоза.

Въ заведеніяхъ на островѣ Банка справляютъ главнѣйшіе китайскіе праздники. Новый годъ (*тинъ-ніенъ*), приходящійся въ февралѣ, и праздникъ *фонарей*, въ октябрѣ, справляются религіозно; много ѣдятъ, пьютъ и играютъ. Кромѣ этихъ праздниковъ бываютъ и случайные: открытіе новаго рудника,

сватьбы работниковъ, возвращеніе ихъ на родину, и проч.

(6-го іюля). Я провелъ вчерашній вечеръ посреди милаго семейства доктора Фритце, и ему обязанъ свѣдѣніями объ островѣ Банка, которыхъ самъ не успѣлъ бы собрать, потому что жилъ здѣсь недолго.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И СТАТИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА

ОСТРОВА БАНКА.

Положеніе и пространство. Островъ Банка находится на востокъ отъ Суматры подъ $102^{\circ} 51' - 104^{\circ} 32'$ восточной долготы, и подъ $1^{\circ} 28' 30'' - 3^{\circ} 6'$ сѣверной широты. Отъ Суматры онъ отдѣляется проливомъ Банка, шириною отъ 8 до 18 морскихъ миль. Островъ длиною въ 30 географическихъ миль, шириною отъ 9 до 15; поверхность его содержитъ 36,701 квадратную милю. (Расчетъ этотъ сдѣланъ докторомъ Мюльдеромъ по новѣйшимъ картамъ).

Топографія. На островѣ много холмовъ и нѣсколько высокихъ горъ; высочайшія изъ нихъ состоятъ изъ гранита; на другихъ, гранитъ прикрытъ слоями желѣзной руды. Почва вообще камениста: на низменныхъ мѣстахъ встрѣчается черноватая земля; она просто засохшій илъ. Внутри острова,

около горъ, множество обширныхъ равнинъ, по которымъ текутъ ручьи и потоки. Въ дождливую пору потоки стремительно изливаются въ море и уносятъ песокъ и обломки утесовъ, которыми засоряются ихъ устья; поэтому они не судоходны. Роскошная растительность, густые лѣса, вѣчно зеленые, покрываютъ горы и равнины, которыхъ видъ со стороны моря очарователенъ и составляетъ рѣзкую противоположность съ гладкимъ берегомъ Суматры.

Горы и мысы. Главнѣйшія горы на островѣ Банка суть: *Гунонгъ-Марассъ*, *Гунонгъ-Пайангъ* (гора Св. Павла) и *Менумбингъ*. Последняя—важный пунктъ для морехода; она видна въ морѣ на значительномъ разстояніи. Всѣ эти горы, за исключеніемъ *Марасса*, не выше 1500 футовъ надъ уровнемъ моря. На островѣ нѣтъ слѣдовъ вулканическихъ изверженій, хотя землетрясенія случаются довольно часто.

Мысовъ много; но бесполезно было бы исчислять ихъ имена, потому что они не представляютъ ничего особенно любопытнаго.

Воды. Банка богатъ источниками, ручьями и потоками, которые, стекая на равнины по скату холмовъ, становятся рѣками, но бѣльшею частію исчезаютъ въ береговыхъ пескахъ. На восточномъ берегу двѣ рѣки судоходны, *Сунгей-Мундо* и *Сунгей-Банка-Котта*; прочія очень мелки въ устьяхъ. На островѣ

нѣтъ озеръ, но много болотъ, которыя въ дождливую пору значительно распространяются.

Заливы. Заливы *Клабатъ*, *Жебюсъ*, *Сунгей-Ліатъ*, *Маравангъ* и *Панкаль-Пинангъ* образуютъ превосходные порты. Глубокія и широкія губы, находящіяся при устьяхъ рѣкъ, даютъ пристанище пиратамъ и контробандистамъ въ эпоху дождей и прилива.

Климатъ. Хотя островъ находится почти подъ тропиками, однакожъ климатъ его довольно умѣренный. Ночи прохладны, и днемъ термометръ не поднимается выше 88° по Фаренгейту. Береговые и морскіе вѣтры, правильно смѣняясь, освѣжаютъ суда, стоящія на рейдѣ и въ заливахъ. Дожди часты только съ мая до августа, во время юго-восточнаго муссона; съ ноября до февраля, падаютъ сильные дожди съ бурями; каждый вечеръ блещетъ молнія. Между муссонами погода очень непостоянна; на сушѣ дождь и засуха смѣняются безпрестанно, а на морѣ часто тишь уступаетъ мѣсто бурѣ и неправильнымъ вѣтрамъ. Вообще климатъ здоровый, за исключеніемъ провинціи Мунтокъ и болотистыхъ частей западнаго берега.

Произведенія. Кромѣ олова, главнаго богатства острова, есть желѣзные рудники въ уѣздахъ *Панкаль-Пинангъ*, *Пако*, *Банка-Котта*, и въ горахъ *Пермизангъ*; они давали пре-

восходное желѣзо во времена палембангскаго султана, но теперь ихъ бросили. Недавно найдены серебряные рудники въ мунтокскомъ округѣ, а золото встрѣчается, хотя рѣдко, въ странѣ *Панкаль-Инангъ*. Радемахеръ увѣрялъ, что бливъ *Сунгей-Пу́та* находятъ бриліанты, но это вѣроятно былъ горный хрусталь, потому что оловянные жилы всегда доставляютъ этотъ минералъ самой высшей красоты.

Весь островъ, такъ-сказать, покрытъ одною рощею и производитъ лѣсъ отличнаго качества; однакожъ, Молукскіе острова и внутренность Суматры, въ этомъ отношеніи, можетъ быть, выше острова Банка. На немъ растутъ самыя рѣдкія деревья, и въ числѣ ихъ черное. Изъ плода *меніалина* извлекаютъ сахаръ, а масло изъ плодовъ *пенаги*. Дерево *ting-al-itans*, вышиною въ 120 футовъ, даетъ резину, а изъ коры *sema* и *tin-gie* островитяне готовятъ краску, черную и прочную, и красятъ ею хлопчатую бумагу и свои рыболовные сѣти.

Г. де-ла-Фонтенъ, въ своемъ донесеніи, говоритъ о 50-ти разныхъ сортахъ орѣховаго дерева; иныя изъ этихъ деревьевъ вышиною въ 100 и 120 футовъ, а въ діаметръ отъ 4 до 5-ти футовъ. Это превосходное строевое дерево годно и для производства посуды. Древесный уголь, столько необходимый

для заводовъ, превосходнаго качества. Многія деревья и растенія даютъ отличнѣйшіе плоды, напримѣръ, кокосовые орѣхи, адамовы яблоки и ананасы. Кофейное дерево растетъ хорошо, и прежде на этомъ островѣ было довольно перцу, хлопчатой бумаги (карас), имбирю, табаку и сахарнаго тростника. За исключеніемъ послѣдняго, который вырастаетъ слишкомъ высоко и даетъ не столько соку, сколько явскій, можно было бы возобновить обработку этихъ статей торговли съ выгодною. Удивительно, какъ эта почва, столь плодоносная въ естественномъ положеніи, неблагодарно платитъ за трудъ земледѣльца. Нынѣ заботятся единственно о рисѣ, хотя и его воздѣлываютъ неукусно. Для хорошаго сбора земледѣльцы должны имѣть ежегодно свѣжія поля, и съ этою цѣлію рубятъ или сожигаютъ лѣса, которые оттого скоро портятся. Картофель растетъ плохо, а наши хлѣба и овощи поднимаются едва на нѣсколько дюймовъ отъ земли и тотчасъ вянутъ.

Олени наполняютъ лѣса; свиньи, маленькія дикія козы, родъ тигра-кошки, бѣлка и черепокожные встрѣчаются рѣже. Большія летучія мыши перелетаютъ черезъ проливъ Банка, съ одного берега на другой. Намъ показалось, что птицъ мало; здѣшнія породы сходны съ породами Суматры; на юго-восточномъ берегу встрѣчаются птичьи гнѣзда,

изъ которыхъ готовится вкусное блюдо. На островѣ водятся маленькія ядовитыя змѣи; желчь другихъ змѣй, которыя побольше, считается Китайцами за лекарство.

Берега доставляютъ множество рыбы; на берегу *Клабатъ* собираютъ знаменитую морскую траву *агаръ-агаръ*. Конскихъ заводовъ нѣтъ у туземцевъ; только Европейцы держатъ для удовольствія и пищи, лошадей, рогатый скотъ и буйволовъ. Бараны и козы не могутъ жить на островѣ. Въ пныхъ мѣстахъ ѣдятъ свиней и собакъ, но туземцы считаютъ ихъ нечистыми. Здѣсь выкармливаютъ куръ, утокъ а иногда гусей; но часто страшная смертность поражаетъ живность и ея не было бы безъ подвоза изъ Палембанга. *Орангъ-унонг* ищутъ въ лѣсахъ меду и воску и принуждены уступать ихъ своимъ начальникамъ за безцѣнокъ.

Народонаселеніе. Оно состоитъ изъ островитянъ, называемыхъ *Орангъ-гунонгами*, или *Орангъ-даратъ*, изъ китайскихъ и малайскихъ промыслениковъ и изъ китайскихъ горцевъ. Къ этимъ тремъ классамъ можно прибавить четвертый *Орангъ-лаутъ*, т. е. моряковъ и прибрежныхъ жителей, и пятый, состоящій изъ невольниковъ. Всего 22,000 жителей. Въ прежнее время, когда процвѣтали рудники, народонаселеніе доходило до 60 или 70,000

душъ. Уменьшеніе его произошло отъ междоусобной войны.

Увѣряютъ, что *Орангъ-гунонги* происходятъ отъ Явайцевъ; но не такъ велики и стройны; цвѣтъ кожи нѣсколько темнѣе. Они говорятъ языкомъ Сондскихъ острововъ, и вообще грубы и просты, застѣнчивы и послушны, мирны и умѣренны, безпечны и не преданы игръ и опиуму.

Орангъ-гунонги ведутъ кочевую жизнь, но никогда не выходятъ изъ своего округа. Непросвѣщенные начальники управляютъ своевольно, и только наружно повинуются голландскимъ резидентамъ. Они не могутъ казнить смертію, но наказываютъ штрафами. Прибыль отъ такой выгодной юстиціи, *тибанъ* (лихоимство съѣстными припасами и другими статьями торговли), и тяжелыя, налагаемые ими работы,—вотъ главные источники ихъ богатствъ.

Думаютъ, что эти горцы придерживаются исламисма; но у нихъ нѣтъ ни жрецовъ, ни религіозныхъ церемоній. Въ каждомъ *кампонгѣ* старшій по лѣтамъ и опытности отправляетъ богослуженіе и называется *кетипомъ*. Люди эти очень суевѣрны; если кто заболѣетъ въ ту минуту, какъ срубаютъ дерево, то оно считается заколдованнымъ и не убирается: никакими средствами нельзя заставить ихъ докончить работу.

Браки совершаются очень просто. Женихъ и невѣста, по взаимному согласію, просятъ дозволенія у начальника племени; потомъ ударяются лбами въ присутствіи свидѣтелей, день проводятъ въ пиршествѣ и свадьба кончена. Какъ и въ Явѣ, женихъ приноситъ приданое невѣстѣ, но оно обыкновенно не очень значительно.

Прежде, погребая *Орангъ-гунонга*, хоронили съ нимъ и часть его имущества, превративъ его въ золото и серебро; но частое разграбленіе могилъ заставило бросить этотъ обычай.

Китайцы и Малайцы, занимающіеся мелочною торговлею, живутъ общинами. Они внесли на островъ свою природную дѣятельность. Всею промышленностію и даже небольшою торговлею своею островъ обязанъ ихъ труду и предприимчивому уму. Они ведутъ жизнь суровую и скромную, иногда даже во всемъ отказываютъ себѣ.

Всѣ они небогаты; однакожъ, между ними нѣтъ нищихъ, потому-что они помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. Число Европейцевъ, т. е. чиновниковъ правительства и солдатъ гарнизона, простирается отъ 5 до 600.

Произведенія, промышленность и торговля. Главное занятіе жителей острова разработка рудниковъ; потомъ идутъ рыбная ловля, рубка лѣса, земледѣліе и скотоводство. Промы-

шленость занимает много рукъ; число кузнецовъ и плотниковъ значительно. Механическія искусства не развиты; только въ Мунтонѣ женщины выдѣлываютъ шелковыя и хлопчато-бумажныя матеріи, или вышиваютъ золотомъ и занимаются рукодѣліемъ. Обращеніе денегъ не быстро, хотя голландское правительство ввозитъ значительныя суммы; часть ихъ тратится на жизненные потребности; другую зарабатываютъ Китайцы, прачуть и при случаѣ отсылаютъ на родину. Орангъ-гупонги дѣлаютъ себѣ украшенія изъ монетъ, и чтобы не потерять ихъ, зарываютъ въ землю: такимъ образомъ, значительныя суммы выходятъ изъ оборота или даже вовсе исчезаютъ.

Жаль смотрѣть, въ какомъ бѣдномъ положеніи находятся промышленность и торговля, въ какой нищетѣ живутъ островитяне, при богатыхъ средствахъ острова. Бѣдность происходитъ отъ того, что Голландцы поддерживаютъ монополію, продолжавшуюся и во время владычества Англичанъ.

Исторія. Когда Европейцы проникли въ моря Индіи, островъ Банка привлекъ ихъ вниманіе, не по богатству своему, а потому, что мимо его шелъ путь въ Малакку, Сіамъ, Китай и Японію.

Линсхотенъ, отличный мореходъ XVI вѣка, называетъ на картѣ своей этотъ островъ —

Хинабата, а въ описаніи своего путешествія именуетъ его Банга. Вервикъ называетъ его *Синапатъ*. Впрочемъ, въ то время, вѣроятно, всѣ называли этотъ островъ именемъ Банка. Въ 1668, Компанія Голландской-Индіи приняла его подъ свое покровительство; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ перешелъ въ руки палембангскаго султана. Въ 1710 г., когда открыта первая руда олова, явились Китайцы по приглашенію султана, и Банка приобрѣлъ нѣкоторую важность. Въ 1777 г., компанія купила монополію рудниковъ отъ тогдашняго султана. Онъ вступилъ на престолъ помощію Голландцевъ; однакожъ одинъ изъ его наслѣдниковъ, неблагодарный человекъ, приказалъ перерѣзать всѣхъ Голландцевъ, жившихъ въ Палембангѣ, и даже резидента. Англичане отмстили за вѣроломство, овладѣвъ Палембангомъ, и назначили новаго султана (брата прежняго), который въ 1812 году трактатомъ уступилъ Англіи острова Банка и Биллитонъ. Тогда назвали Банка *островомъ Герцога Йоркскаго*. Въ 1816 г. возвратили его Голландіи.

Раздѣленіе, топографія. Нынѣ островъ раздѣленъ на 9 рудниковъ. У островитянъ и мѣстныхъ властей сохранилось прежнее раздѣленіе на двѣ части, *Денати* и *Бацію* (земли князьковъ и начальниковъ племенъ).

Небольшой городъ Мунтокъ, неправильно

называемый Англичанами *Мунтоу* или *Мюнтоу*, — столица острова, мѣстопробываніе голландскаго резидента и штабъ-квартира гарнизона. Главныя зданія красиво расположены на платформѣ. Въ Мунтокѣ также живутъ Китайцы и Малайцы. Первые занимаются торговлею и промышленностію, послѣдніе рыбною ловлею. Въ 1823 г. населеніе города состояло изъ 2,676 душъ. Есть школы для Китайцевъ и Малайцевъ. Но городъ считается нездоровымъ, потому-что въ немъ свирѣпствовала эпидемія.

(6 іюля.) Вмѣстѣ съ докторомъ Фритце, я прогуливался поутру около Мунтока, но сигнальная пушка призвала меня на корабль. Мнѣ очень было жаль разстаться съ островомъ, на которомъ я жилъ такъ пріятно. На кораблѣ я провелъ въ бездѣйствіи цѣлый день, который могъ бы употребить съ пользою на розысканія.

Морскія путешествія на купеческихъ судахъ похожи на поѣздки въ дилижансахъ и вагонахъ. Спѣшатъ доставить васъ въ назначенное мѣсто какъ можно скорѣе. Дѣйствительно, такъ называемые опытные капитаны ничто иное, какъ почтари. Главныя достоинства тѣхъ и другихъ — аккуратность и превосходное знаніе мѣстности. Острова, мысы и гавани для однихъ тоже самое, что столбы, станціи и гостинницы для другихъ. Въ

ихъ глазахъ самые замѣчательные предметы проходятъ незамѣченными: такъ велика сила привычки! Но какъ тяжело, съ такими путеводителями, положеніе путешественника, который силится пробить новую тропинку на ученомъ поприщѣ.

(7 іюля.) Сегодня утромъ мы вышли изъ рейда. Чтобы не попасть на подводный камень *Фредерикъ-Гендрикъ*, мы идемъ вдоль берега, на глубинѣ 6 или 7 брассовъ, и оставляемъ за собою гору *Калианъ*.

(8 іюля.) Мы проходимъ между *Пуло-Тужу* (семи-острововъ) и *Пуло-Тоя*.

(9 іюля.) Проходимъ мимо острова *Линга*, замѣчательнаго въ этнографическомъ отношеніи. Его древніе обитатели, потомки малайскихъ племенъ, выходцы изъ Суматры, сохранили до-сихъ-поръ, во всей чистотѣ, физиономію, языкъ, нравы и обычаи тѣхъ племенъ, которыя потомъ разсѣялись по всему архипелагу индійскому. — На многочисленныхъ островахъ, окружающихъ Лингу и Бинтангъ, живутъ морскіе разбойники; вотъ почему эти мѣста очень опасны для судовъ съ небольшимъ экипажемъ.

(10 іюля.) Совершенная тишь остановила насъ подъ 0° 45' сѣверной широты и 103° 10' восточной долготы.

Затишье, страшное моряку, который всегда призываетъ попутные вѣтры на помощь своей

дѣятельности, очень пріятно для любителя естественной исторіи. Множество предметовъ, прежде покрытыхъ поднимающимися волнами, обнаруживаются на поверхности моря и привлекаютъ его наблюдательный взоръ. Онъ видитъ безчисленные стаи рыбъ, которыхъ преслѣдуютъ хищныя морскія птицы. Акула, въ сопровожденіи своего спутника, вертится около корабля. Прожорливый спаръ охотится за летучими рыбами, которыя шныряютъ надъ поверхностію моря; тропическая гальціона летаетъ около мачтъ и быстрый *фрегатъ* мчится въ безпредѣльность.

Ежедневно сцены эти измѣняются, смотря по времени года и климату. Солнце, поднимаясь надъ горизонтомъ и опускаясь въ величественномъ молчаніи, золотитъ облака; между небомъ и землею часто ничего не видно, кромѣ этихъ золоченыхъ облаковъ, которыя привлекаютъ и обманываютъ глазъ, представляясь горами.

(11 іюля.) Затишье страшное, нѣтъ даже вѣтерка. Море гладко, какъ зеркало; одна-кожъ не неподвижно; оно движется медленно, тяжело покачивая корабль.

(12 іюля.) Такая же тишь. Погода безподобная. Жаръ становится несноснымъ, и термометръ доходитъ до 84° 86' по Фаренгейту, въ тѣни. Барометръ, нетерпѣвшій важныхъ измѣненій съ тѣхъ-поръ, какъ мы

прошли черезъ заливъ Банка, стоитъ 29" 9". Прохлада утренниковъ и вечеровъ вознаграждаетъ насъ за палящее полуденное солнце, а ночной вѣтерокъ немного подвигаетъ корабль.

Во время затишья, мы имѣли случай наблюдать и ловить морскихъ змѣй, которыхъ очень много въ здѣшнихъ водахъ. Часто они неподвижно лежали на водѣ; потомъ мы видѣли, какъ онѣ протягивали голову, шевелили хвостомъ, плавали надъ волнами нѣсколько минутъ, съ тысячью изворотами, исчезали въ глубинѣ моря и потомъ опять показывались на нѣкоторомъ разстояніи. Почти всегда онѣ плавали медленно. Морская змѣя, чаще встрѣчаемая подъ 1° 29' сѣверной широты и 103° 11" восточной долготы называется *hydrophyde pélamide* (*); она длиною въ полтора или два фута. Я поймалъ одну сѣтью, а на кораблѣ *Предпріятіе* поймали ведромъ змѣю съ желтыми пятнами, удивительной красоты. Эта порода очень рѣдкая въ этихъ моряхъ; изъ множества пеламидовъ, мною видѣнныхъ, я замѣтилъ только одну желтую змѣю. Но говорятъ, что онѣ чаще

(*) Отличный натуралистъ Шлегель, который изучалъ и распредѣлялъ по классамъ змѣй, видѣнныхъ нами въ моряхъ Китая и Японіи, сообщилъ общее описаніе морскихъ змѣй въ превосходномъ своемъ сочиненіи: *Опытъ о змѣяхъ*.

встрѣчаются на западномъ берегу Борнео. На нашемъ кораблѣ хранили одну желтую змѣю въ спиртѣ, пойманную на рейдѣ Понтіана.

Пелагида принадлежитъ къ ядовитымъ змѣямъ. Едва вытаскиваютъ ее изъ воды, какъ она замираетъ; матросы дотрогивались до нея безнаказанно. Множество рыбъ (родъ большихъ *scomberes*), морскихъ ласточекъ и дорадь тоже привлекли наше вниманіе.

(13 іюля.) Вечеромъ, мы увидѣли на сѣверо-востокѣ южный островъ группы Анамбе, и на сѣверѣ островъ Седла (*Saddle Island*). На слѣдующее утро представились намъ и прочіе острова Анамбе.

(17 іюля.) Мы подѣ 6° 46' сѣверной широты и 103° 3' восточной долготы. Видѣли огромную морскую черепаху, *chelonina viridis*. Впослѣдствіи, подѣ 29° сѣв. шир., мы видѣли много этихъ животныхъ; японскіе рыбаки часто ловятъ ихъ при берегахъ Кіузіу, даже подѣ 33° сѣв. шир.

(18 іюля.) Утромъ мы увидѣли Пуло-Кондоръ, на сѣверо-западѣ, на разстояніи 24 морскихъ миль, и встрѣтили китайскій корабль, называемый джонкою, *yang tschuan*, (на южномъ китайскомъ языкѣ, *yong-schon* или *thong shon*), что значитъ морское зданіе. Эти суда, тяжело и грубо построенныя, величиною съ нашъ купеческій корабль, въ 500 или 600 тоннъ. По устройству они кажутся больше

нашихъ купеческихъ судовъ, но везутъ товаровъ въ половину менѣе. Кромѣ просторной палубы, галереи и каюты, которая служитъ и храмомъ, путешественнику на нихъ мало простора; однакожъ джонки не рѣдко перевозятъ отъ 300 до 800 Китайцевъ, которые бѣгутъ изъ отечества искать счастія на Явѣ. На джонкахъ, вообще содержимыхъ нерадиво и нечисто, двѣ толстыя и тяжелыя мачты; составлены онѣ изъ нѣсколькихъ кусковъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ. Паруса изъ бамбуковыхъ цыновокъ такъ же грубо отдѣланы, какъ и мачты. Якори деревянные. Купеческіе китайскіе корабли имѣютъ свои названія или имена, какъ наши, и экипажъ отъ 90 до 100 человѣкъ. Для дальнихъ перѣѣздовъ берутся лоцманы изъ Португальцевъ, живущихъ въ Макао; въ прочихъ случаяхъ дѣйствуютъ лоцмана китайскіе, управляющіеся компасомъ и знаніемъ мѣстности береговъ и острововъ. Китайскія суда часто гибнутъ въ индійскихъ моряхъ; они такъ медленно уменьшаютъ паруса на гротъ-мачтѣ, что всегда подвержены опасности быть опрокинутыми сильнымъ вѣтромъ.

Пуло-Кондоръ группа острововъ, изъ которыхъ самый значительный длиною въ 2. географическія мили, шириною въ полторы. Его легко узнать по огромной горѣ въ 1,800 футовъ вышиною.

(19 июля.) На разсвѣтѣ, мы увидѣли островъ Пуло-Санати. Малайское его имя означаетъ, что берегъ его издали имѣетъ форму китайскаго башмака. Мы видѣли множество морскихъ птицъ, въ томъ числѣ альбатроса китайской породы (*diomedea fuliginosa*), величиною съ гуся. Еще не распредѣлили по семействамъ и классамъ этихъ огромныхъ морскихъ птицъ, о которыхъ упоминали уже мореходцы XVI вѣка, подъ именемъ *alcatraz*. Это названіе ошибочно передѣлано въ принятое нынѣ *альбатросъ*. Птицы эти часто слѣдятъ за кораблемъ по цѣлымъ недѣлямъ, оставляютъ его на нѣсколько дней и потомъ опять преслѣдуютъ. Я разшибъ крыло одной изъ нихъ и узнавалъ ее по висѣвшимъ перьямъ. Нѣсколько недѣль сряду я видѣлъ, что она слѣдуетъ за кораблемъ.

Голодъ гонитъ этихъ прожорливыхъ птицъ по стопамъ путешественника; разсѣкая ихъ, я находилъ у нихъ въ желудкѣ остатки съѣстныхъ припасовъ съ корабля.

(20 июля.) За кораблемъ тянется уже нѣсколько времени огромная рыба, длиною до 20 футовъ. Цвѣту она темносѣраго; судя по большимъ плавательнымъ перьямъ на спинѣ, ее слѣдуетъ причислить въ породѣ сѣверныхъ кацеровъ. Видны два большія отверстія, которыми она вбираетъ воздухъ, съ сильнымъ храпомъ, но она выбрасываетъ мало воды.

(21 июля.) Насъ постигла обыкновенная ласточка; на гротъ-мачтѣ поймали *сулу*.

(22 июля.) Море очень высоко; это значить, что мы на Маклесфильдской отмели. Наши наблюденія подтверждаютъ эту догадку ($16^{\circ} 18'$ сѣв. шир. и $110^{\circ} 57'$ вост. долготы). Англійскій корабль Маклесфильдъ присвоилъ себѣ это открытіе въ 1710 г.; но прежде этого времени отмель была уже извѣстна и Голландцамъ, подъ именемъ *Rooyuart* (Красная Земля.) Такое названіе дано ей, потому что она состоитъ изъ кораллового утеса, превосходнаго розоваго цвѣта. По увѣренію Горесбурга, отмель простирается отъ $15^{\circ} 17'$ до $16^{\circ} 21'$ сѣв. шир.; ширина ея отъ востока на западъ около 70 морскихъ миль. Большая часть на 25, 50 и 80 футовъ подъ водою; въ немногихъ мѣстахъ глубина имѣетъ только 8 футовъ, а менѣе не бываетъ. Отмель эта со временемъ можетъ быть очень опасна, потому что дно ея состоитъ изъ коралла.

(24 июля.) Едва не наткнулись на утесъ Пратасъ; но успѣли пройти мимо его благополучно; съ палубы видѣли мы ту коралловую отмель, которую посѣщалъ капитанъ Россъ.

(25 июля.) Уже нѣсколько дней горизонтъ покрытъ тучами и поднимается сильный вѣтеръ.

Съ іюня до августа, въ Китайскомъ морѣ, въ Формозскомъ проливѣ и Японскомъ заливѣ дуютъ довольно свѣжіе юго-западные вѣтры, а на западѣ и юго-западѣ случаются грозы съ проливнымъ дождемъ. Иногда вѣтры такъ сильны, что превращаются въ страшные ураганы, называемые *тифонами*. Китайцы называютъ такіа бури *taifung*.

(26 іюля.) Утромъ, идя на сѣверо-западъ, мы увидѣли китайскіе корабли, а вечеромъ, проходя мимо двухъ низкихъ острововъ *Она-засъ*, увидѣли берега Китая.

(27 іюля.) На разсвѣтѣ, мы замѣтили на юго-востокѣ, на растояніи 24 миль, высокій берегъ, и убѣдились, что это сѣверо-западная оконечность острова Формозы. Печально мы смотрѣли на этотъ берегъ, названный первыми его открывшими мореходами *ilha fermoza*, за его красоту и удивительное положеніе. Какую плодоносность показываетъ вулканическое образованіе холмовъ и горъ, покрытыхъ богатѣйшею растительностію! Какъ утѣшительна картина его жителей и произведеній, въ первое время его открытія! И мы потеряли эту драгоцѣнность, и стала она послѣднимъ убѣжищемъ китайскаго князя! Нельзя не пожалѣть о роковомъ соединеніи ошибокъ, обмановъ и коварствъ, которое причинило эту потерю, ничѣмъ неизвиняемую. Объ островѣ имѣемъ мы нѣкоторыя

свѣдѣнія отъ Голландцевъ и Французскихъ миссіонеровъ, бывшихъ тамъ въ 1714 г.; Мальтъ-Брюнъ, описывая его, почерпалъ свои свѣдѣнія изъ голландскихъ источниковъ, а Клапротъ изъ китайскихъ. Вотъ драгоцѣнное поле для физики, географіи и исторіи, а оно вовсе неизвѣстно.

(28 іюля.) Утромъ, намъ представилась сѣверная оконечность Формозы. Во весь день, мы видѣли цѣлыя стаи рыбъ, птицъ, альбатросовъ и морскихъ змѣй; все это вилось около насъ или летало надъ нашими головами. Въ то же время мы видѣли множество бабочекъ; это обстоятельство тѣмъ страннѣе, что мы находились, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцати географическихъ миляхъ отъ земли. Другія животныя, не столь занимательныя и пріятныя, поселились на самомъ кораблѣ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, корабль намъ крейсировалъ въ индійскихъ моряхъ и возилъ дрова и сахаръ. Скорпіоны, тысяченожки и другіе гады посѣщали насъ, но всего болѣе мучила насъ моль (*blatta orientalis*), водившаяся во всѣхъ частяхъ корабля и распространявшая невыносимое зловоніе. Ничѣмъ нельзя было истребить ихъ. Ловили ихъ въ фарфоровыя вазы, до половины наполненныя водою и облитыя по бортамъ краснымъ виномъ съ сахаромъ. Зато вездѣ разставили эти западни.

(29 июля.) Лопманъ поймалъ багромъ морскую змѣю въ четыре фута длиною; это славная добыча. Мы уже нѣсколько дней замѣчали ее, и разсмотрѣвъ, убѣдились, что это — *hydrophis striata*. Кромѣ змѣй этого рода и пеламиды, въ моряхъ Китайскомъ и Тунгъ-гай, живетъ *hydrophis columbina* (*platurus fasciatus*); но она чаще встрѣчается у береговъ острововъ *Лиу-Киу*; тамъ ее ловятъ, сушатъ и отсылаютъ въ Китай и Японію, гдѣ она считается превосходнымъ специфическимъ средствомъ.

(4 августа.) Вечеромъ видѣли мы на сѣверо-востокъ землю, которую считали островами *Меаксима*.

(5 августа.) При жесточайшемъ вѣтрѣ вытерпѣли сильную бурю и спасли Японцевъ съ разбитаго корабля (*).

Знакомство съ Японцами не могло не быть намъ пріятнымъ; обстоятельство, что мы спасли японской экипажъ, было очень важно, потому что должно было расположить японское правительство въ нашу пользу.

Мы узнали, что люди, спасенные нами, изъ южной провинціи острова *Киузиу*, которая называется *Сацума*, и что они возвращались съ острововъ *Лиу-киу* съ грузомъ риса, сахара и другихъ товаровъ, принадлежав-

(*) Описаніе этого случая помѣщено ниже.

шихъ правительству; противные вѣтры унесли ихъ на западъ. Когда мы встрѣтили этотъ корабль, на немъ не было уже ни парусовъ, ни мачтъ, ни якорей; все это отняла у нихъ буря, свирѣпствовавшая за нѣсколько дней, которую и мы вытерпѣли съ 1-го по 4-е августа.

Въ полдень мы находились подъ $31^{\circ} 20'$ южн. широты и $126^{\circ} 4'$ вост. долготы. Термометръ внезапно упалъ и предсказалъ перемѣну въ атмосферѣ. Скоро горизонтъ покрылся мрачными тучами; сѣверовосточный вѣтеръ безпрерывно усиливался. Предвидя бурю, мы тотчасъ поворотили нашъ корабль, поспѣшно убрали паруса, несмотря на порывы вѣтра, который рвалъ веревки. Буря грозила страшною бѣдою, и положеніе наше въ этихъ неизвѣстныхъ моряхъ было очень опасно, какъ отъ быстроты теченія, такъ и отъ близости земли.

Но буря еще не достигла полнаго развитія, потому-что барометръ упалъ съ $29'' 5'''$ до $28'' 2'''$. Вѣтеръ бѣшено рѣвелъ, и волны, поднимаясь на значительную высоту, ударили въ бока корабля и качали его. Ночью буря еще усилилась; невозможно было держаться на палубѣ; голоса не было слышно въ нѣсколькихъ шагахъ; рупоръ издавалъ невнятные звуки, а волны отличались отъ тучъ только бѣлыми своими гребешками. Молодые

матросы принуждены были сойти съ палубы и уступить мѣсто людямъ болѣе крѣпкимъ и привыкшимъ къ опасности. Въ 11-ть часовъ, начался ужасный ураганъ, *taifung*, съ проливнымъ дождемъ, который какъ градъ падалъ на людей и скоро сталъ невыносимымъ. Море безпрестанно переливалось чрезъ палубу; унесло шлюпки, бочки съ водою и все, что тутъ было поставлено, даже паранетъ штирборда. Нерѣдко весь корабль оставался подъ водою; иногда вся передняя часть корабля погружалась въ море, и мы уже думали, что она никогда не поднимется. Мачты гнулись съ страшнымъ скрипомъ, и весь остовъ корабля дрожалъ вмѣстѣ съ ними. Тогда мы брались за топоры и готовились срубить мачты, думая, что безъ этой мѣры корабль не устоитъ противъ такого урагана. Къ удивленію нашему, въ трубахъ воды было только на 16 дюймовъ.

Внутри корабля мы столько же должны были бороться съ бѣшеннымъ вѣтромъ, сколько и наши храбрые матросы, которые на палубѣ сражались съ бурей, съ отчаяннымъ мужествомъ. Куда ни приклонишь голову, вездѣ было страшно. Въ каютѣ и въ комнатахъ привязали мебель и домашнюю утварь, но безпрерывныя потрясенія корабля сбрасывали все съ мѣста: онъ то ложился на бокъ,

то поднимался на страшную высоту, то опускался въ преисподнюю. Къ этимъ безпрерывнымъ потрясеніямъ присоединился еще недостатокъ воздуха и свѣта. Каждый изъ путешественниковъ искалъ, за что бы уцѣпиться, и въ ту минуту, какъ онъ надѣялся отдохнуть, его поддержка перепрыгивала въ другой уголъ каюты, и самъ онъ падалъ на сосѣда. Иногда истощеніе заставляло насъ вздремнуть на нѣсколько минутъ, и мы видѣли во снѣ кораблекрушеніе и гибель. Потомъ скрипъ корабля и стукъ валовъ о корабль напоминали намъ настоящее наше положеніе, и намъ оставалась одна надежда, что мы скоро увидимъ свѣтъ дневной. Таково было наше положеніе, когда капитанъ вошелъ въ каюту и бросился на полъ съ живымъ отчаяніемъ, не отвѣчая на вопросы наши. Такой поступокъ человѣка, котораго мы знали за безстрашнаго моряка, произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе; нельзя уже было сомнѣваться въ плачевной участи, которая насъ ожидала, и надежда отлетѣла отъ насъ. Въ такомъ положеніи, неизвѣстность хуже смертной казни; я собралъ послѣднія силы и пошелъ по лѣстницѣ. Отворивъ дверцу, я встрѣтился съ ураганомъ; онъ ревѣлъ и въ первую минуту поражалъ такъ, что ничего нельзя было ни слышать, ни видѣть. Надобны были неимоверныя уси-

лѣя, чтобы не упасть, или не оторваться отъ предмета, за который держался. Молніи разрывали темную ночь; при свѣтѣ ихъ волны разбивались въ дребеаги и бросали пѣну свою на обнаженную палубу. Уже привязали рудь. На палубѣ все дышало пустотой и отчаяніемъ; на мачтахъ одинъ забытый парусъ. Третья часть палубы постоянно находилась подъ водою: высокіе валы перекатывались чрезъ нее, и часто казалось, что корабль плыветъ подъ водою. Случались и минуты покоя; но онѣ были еще страшнѣе, потому что ураганъ возвращался съ новымъ бѣшенствомъ и нападалъ внезапно и порывисто на людей, находившихся на палубѣ: положеніе ихъ становилось чрезвычайно опаснымъ. Я сошелъ съ палубы, уступивъ неотступнымъ просьбамъ матросовъ. Мысль, что въ случаѣ гибели корабля мнѣ придется бороться съ смертію вмѣстѣ со множествомъ людей, наполнявшихъ каюту, казалась мнѣ невыносимою. По этому я пошелъ въ свою комнату и бросился на постель, предавъ себя во власть судьбы и несясь мыслями къ тому, что было мнѣ драгоцѣнно въ отечествѣ. Отъ истомленія я заснулъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока упромъ меня не разбудили.

(16 августа.) Буря все еще свирѣдствовала, но порывы вѣтра уменьшились. Барометръ поднялся до 28" 1"', и море, поднимавшееся

до облаковъ, представляло при свѣтѣ утренней зари зрѣлище необычайно красивое; барометръ еще поднялся до 29" 3"; вѣтеръ уменьшился. Въ полдень мы повернулись и пошли къ островамъ *Мезима*.

Мои товарищи по путешествію и Японцы вышли на палубу, и удовлетворивъ любопытству, успѣли дышать свѣжимъ воздухомъ; между тѣмъ неутомимые матросы трудились надъ поправкою корабля. Нельзя вообразить, какіе тяжелые труды переносятъ эти люди во время сильныхъ бурь; иногда непостижимо, какъ они остаются живы.

Отчаяніе и усталость оставили на нѣкоторыхъ лицахъ такіе страшные слѣды, что я едва могъ узнать ихъ. Буря утихла и барометръ поднялся до 29" 5". Ночью шелъ проливной дождь съ громомъ и молніею.

(7 августа) На разсвѣтѣ, мы увидѣли группу острововъ *Мезима*, вечеромъ, высоты японскаго берега, а потомъ разсмотрѣли мысъ *Номо* на В. С. В., на разстояніи 24-хъ морскихъ миль. Проливной дождь, неперестававшій до самой ночи, заставилъ насъ опасаться близости земли и удалиться отъ нея, лавируя подъ малыми парусами.

(8 августа.) Мы убѣдились, что ночью вѣтеръ отнесъ насъ столько къ сѣверу, что

намъ невозможно при слабомъ юговосточномъ вѣтрѣ войти въ заливъ Нагазаки. Какъ острова Мезима указываютъ на юго-западный берегъ Японіи, такъ важенъ и мысъ Номо, для опредѣленія входа въ этотъ заливъ. Мы хотѣли бросить якорь, но не нашли глубины менѣе 80 или 90 брассовъ.

(9 августа.) Утромъ подъѣхали корабли съ японскими чиновниками; они привезли намъ бумаги отъ начальника голландской торговли въ Децимѣ. Въ бумагахъ содержались общіе вопросы объ имени корабля и капитана, о количествѣ и качествѣ людей, съ нами находившихся. Мы тотчасъ подняли сигнальный флагъ, который былъ намъ данъ въ Батавіи, съ особенными наставленіями на счетъ стоянки у японскихъ береговъ,—и привѣтствовали голландское знамя, которое развѣвалось на островѣ *Иво-Сима* (Iha dos cavallos, островъ Двухъ-Коней). Знамя это было выставлено на высотѣ, чтобы указать намъ на островъ и на входъ въ гавань. Наконецъ намъ удалось обогнуть сѣверную оконечность острова; тутъ нѣсколько японскихъ чиновниковъ и переводчиковъ взошли къ намъ на палубу, для принятія нашихъ бумагъ и нѣсколькихъ заложниковъ. Они извѣстили насъ, что чиновникъ высшаго чина, носящій титулъ главнаго баніюзи, и депутаты факторіи сейчасъ пріѣдутъ къ намъ. Со

времени известной исторіи англійскаго военнаго корабля Федонъ, капитанъ Педлю (*Pel-
lew*), въ 1808 г., японское правительство принимаетъ мѣры и беретъ заложниковъ и отвозить ихъ въ Дециму, прежде чѣмъ войдутъ на корабль японскій начальникъ и члены голландской факторіи. Съ тѣхъ поръ, голландскіе корабли не могутъ входить прямо въ портъ Нагазаки, и принуждены оставаться нѣсколько времени на якорѣ на рейдѣ, близъ острова Такабоо (Папенбергъ), въ глазахъ императорской стражи.

Юго-восточный вѣтеръ не позволялъ намъ идти далѣе въ заливъ на парусахъ. По этому дали намъ на помощь болѣе 60 рыбацкихъ судовъ. Между тѣмъ сильныя порывы вѣтра принудили насъ бросить якорь во второй разъ. Тутъ мы увидѣли нѣсколько крытыхъ судовъ, которые молча стали около насъ. То были сторожевые корабли. Эти малые и неважныя суда могутъ служить для наблюденія, но нисколько не могутъ быть полезными для защиты береговъ. На нихъ развѣвались странные флаги: длинныя, четырехугольныя, на бамбуковыхъ палкахъ, съ гербами и надписями на китайскомъ языкѣ. Вечеромъ ихъ освѣтили фонарями разныхъ цвѣтовъ, и мы увидѣли ту же иллюминацію на нѣсколькихъ пунктахъ залива, вездѣ гдѣ находились стражи и баттарей. Къ со-

жалѣнію, сильный вѣтеръ и начавшійся дождь прекратили это любопытное и прекрасное зрѣлище.

(10 августа). Въ полдень прибылъ къ намъ батіози, или депутатъ императорской стражи, котораго мы ждали. Мы приняли его очень учтиво и попросили войти въ каюту. При немъ было нѣсколько переводчиковъ, которые поставили меня въ страшное затрудненіе. Они говорили по-голландски лучше меня и задали мнѣ нѣсколько хитрыхъ вопросовъ о моемъ отечествѣ. Я вспомнилъ, что назадъ тому нѣсколько лѣтъ, докторъ, родомъ Бельгійецъ, былъ высланъ изъ факторіи по приказанію японскаго правительства, за то, что не понимали его языка. Также извѣстно, какъ трудно было шведскому натуралисту Тунбергу удержаться въ факторіи. Однакожъ, когда мы удачно перевели слово *Noogduitchee*—голландскимъ горцемъ, (*am-hollanda*), меня приняли за гражданина привилегированной націи. Послѣ непродолжительнаго разговора съ полковникомъ Стюрлеромъ и коммендантомъ, важный батіози приказалъ позвать японскихъ моряковъ, претерпѣвшихъ крушеніе, и началъ слѣдствіе формальнымъ допросомъ; секретарь велъ протоколъ.

Нѣсколько сотъ барокъ напрасно тащили насъ впередъ; сила противнаго вѣтра унич-

тожала всѣ ихъ усилія, и мы опять бросили якорь на 29 брассахъ глубины. Мы измѣрили глубину около острова Такабоко на юго-востокъ, на разстояніи 2-хъ морскихъ миль. Число кораблей, которые насъ окружали, возрастало значительно, и скоро мы увидѣли голландскихъ чиновниковъ. Они пріѣхали привѣтствовать насъ отъ имени начальника факторіи, явились купцы, называемые *com-paradores*, съ превосходными фруктами и овощами. Весьма весело мы провели весь остатокъ дня, потому что все окружавшее насъ было ново и странно и доставляло обильный матеріалъ для разговора. Впрочемъ, мы восхищались тѣмъ превосходнымъ зрѣлищемъ, о которомъ получили нѣкоторое понятіе вчера. Прекрасный лѣтній вечеръ покровительствовалъ разноцвѣтной иллюминаціи, которая проливала яркій свѣтъ на окрестный пейзажъ и на заливъ, покрытый кораблями. Пока голландскіе корабли находятся въ портѣ Нагазаки, съ ними обращаются на военную-ногу, какъ съ кораблями иностранными. Весь гарнизонъ въ крѣпостяхъ по заливу подъ ружьемъ, караульни, батареи и множество мелкихъ судовъ покрыты знаменами, флагами, оружіемъ, военными значками и освѣщены во всю ночь. Когда вѣтеръ неблагоприятный, такое положеніе продолжается нѣсколько дней и причиняетъ правительству

значительныя издержки. Поэтому голландскимъ капитанамъ вовсе не нужно хлопотать, чтобы ихъ ввели поскорѣе въ портъ; Японцы для своей выгоды вводятъ ихъ какъ могутъ скорѣе.

За нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія Голландцевъ, ставятъ на мысѣ Номо, на близълежащую гору въ рыбацьемъ селеніи *Ко-зето* и на возвышенность близъ Нагазаки, караульныхъ, которые чрезъ телескопы наблюдаютъ, не показываются ли иностранныя корабли. Имя ихъ, *Tolomibansjo* (дально-видныя стражи), показываетъ ихъ назначеніе. Они содержатъ между собою сообщеніе посредствомъ сигналовъ изъ знаменъ и посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Едва замѣчаютъ парусъ съ мыса Номо, какъ вѣсть о немъ доходить до Децимы. Также приняты мѣры, чтобы можно было давать сигналы посредствомъ ракетъ, съ высоты горъ, лежащихъ во внутренности страны. Мы видѣли въ окрестности Нагазаки зданіе, построенное съ этою цѣлю.

Многочисленныя батареи на островахъ и на берегу залива обращены на входъ въ бассейнъ; кромѣ того входъ еще защищенъ сильными батареями, поставленными на обѣихъ сторонахъ, и значительнымъ гарнизономъ изъ войскъ, называемыхъ *императорскою стражею*. Проходъ этотъ узокъ, не

болѣе 458 до 160 метровъ ширины, и съ 1808 г., постоянно держать на-готовѣ цѣпь, чтобы можно было заградить входъ. Это распоряженіе мало извѣстно, потому что его хранятъ въ тайнѣ. Однакожъ, оно дѣйстви-тельно существуетъ, и цѣпь хранится въ морскомъ магазинѣ *Оскуна-кура*, близъ На-газаки.

Нагазаки принадлежитъ къ числу пяти го-родовъ, которыми *сіогунъ* (*siogun*) управ-ляетъ непосредственно. Другіе города суть: *Иедо*, *Міяко*, *Огосака* и *Сакаи*. Однакожъ за-щита залива и порта ввѣрена князьямъ *Гицэна* и *Цикузэна*, которые смѣняются поочередно въ этой должности. Они содержатъ тамъ множество военныхъ кораблей легкаго ка-либра, и почти тысячу человѣкъ гарнизона.

Первый планъ города и залива Нагазаки составленъ Кемпферомъ, по японской кар-тѣ, изданной и исправленной въ Нагазаки, въ послѣднее время (въ 1802 и 1821 г.) подъ именемъ *Гицэнъ-Нагазаки-цу*. Фран-цузскіе миссіонеры въ Китаѣ тоже доставили планъ города и порта, полученный ими отъ китайскихъ мореходовъ, но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго гидрографическаго достоин-ства. Въ Лондонѣ, въ 1794 г. изданъ хоро-шій планъ входа въ заливъ, взятый изъ ру-кописи, хранившейся въ Индійской-Голланд-ской Компаніи. Жаль, что адмиралъ Крузен-

штернъ не зналъ этихъ картъ, когда посѣтилъ Японію; планъ, оставленный намъ знаменитымъ мореходцемъ, былъ бы вѣрнѣе и полнѣе. Всего труднѣе иностранцу въ Японіи совершить трудъ подобнаго рода. Мои собственные хлопоты могутъ служить тому доказательствомъ. Эта причина объясняетъ, почему Голландцы успѣли собрать такъ мало географическихъ и гидрографическихъ свѣдѣній объ Японіи.

На этомъ кончается путевой журналъ Зибольда; подробности о самомъ пребываніи его въ Японіи не изданы. 2-й, 3-й и 4-й томы его, въ высшей степени занимательнаго сочиненія еще не вышли въ свѣтъ. По этому мы сочли необходимымъ и полезнымъ пополнить путешествіе Зибольда вѣриѣйшими извѣстіями и подробностями, которыя г. Жансинъ почерпнулъ изъ другихъ знаменитѣйшихъ путешественниковъ, какъ то: Кемпфера, Тунберга, Титсинга, Дѣфа, Фишера и др. Такимъ образомъ составилось полное описаніе Японской Имперіи, которое теперь предлагается благосклонному читателю.

НЕОБХОДИМЫЯ ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ.

Когда геній Коломба неустрашимо открывалъ путь въ Новый Свѣтъ, Японію знали только по свѣдѣніямъ, которыя Марко-Поло собралъ во время пребыванія въ Китаѣ. Ни одинъ Европейецъ не бывалъ еще въ *Сипанго* (такъ называли Японію во времена Марко Поло) (*).

Разсказы знаменитаго Венеціянца о пространствахъ и естественныхъ богатствахъ этого

(*) Вѣрнѣе *Ципангу*, а не *Ципангри*, какъ напечатано въ другихъ изданіяхъ Марко-Поло. Слова эти взяты изъ японскаго названія *Нипонъ* или *Ниппонъ*, постаринному *Ципонъ*, означающаго большой островъ, главный центръ Японской Имперіи. Нелишнимъ будетъ замѣтить, что Коломбъ вѣроятно не читалъ разсказовъ Марко-Поло, и не упоминаетъ о нихъ ни въ своемъ дневникѣ, ни въ письмахъ.

архипелага, о торговлѣ его съ Китаемъ, о характерѣ жителей, формѣ правленія, множествѣ островковъ, окружающихъ главный островъ Ципангу, которыхъ китайскіе мореходцы насчитывали въ то время до 7440, все это воспламенило и заняло воображеніе людей самыхъ дѣльныхъ. Марко-Поло утверждалъ, что *Ципангу* особенно богатъ золотомъ и жемчугомъ. Колумбъ надѣялся достигнуть до этой баснословной страны черезъ невѣдомыя моря, простиравшіяся на западъ отъ Европы; онъ мечталъ, что покорить ее Испаніи и употребить ея неисчислимыя богатства на завоеваніе Гроба Господня! Онъ утверждалъ, что первая земля, которую увидитъ въ 750 миляхъ на западъ отъ Канарскихъ острововъ, будетъ островъ *Сипанго*. (*) Послѣ открытія острова *Изабеллы (Laomete)* когда Колумбъ отправлялся отыскивать большой островъ, по указанію Индійцевъ, въ журналѣ его прямо сказано, что онъ идетъ къ большому острову *Сипанго*, который Индійцы называютъ *Кольба (Куба)*. Прибывъ 14-го ноября 1492 г. къ сѣвернымъ берегамъ *Кубы*, онъ думаетъ, что попалъ на *Ципангу*. Наконецъ, возвратясь изъ перваго путешествія

(*) Гумбольдтъ, *Исторія географіи Нового-Континента*, томъ I, стр. 244.

ствія и входя въ Лиссабонскій-портъ, онъ говоритъ, что прибылъ не изъ Антиллы, а съ острова Сипанго. Однакожъ, онъ несовершенно былъ убѣжденъ въ тождествѣ Кубы съ Сипанго, потому что въ журналѣ своемъ принимаетъ сѣверо-западный берегъ Кубы то за часть материка, то за часть огромнаго острова. Изъ его же журнала видно, что въ послѣдствіи, основываясь на созвучіи названій, Колумбъ думалъ, что Гаити долженъ быть настоящимъ Сипанго: *Индійцы называли Сипанги горную часть Гаити (*)*.

На старинномъ глобусѣ, который древнѣе 1534 г. и находится въ библіотекѣ великаго герцога Веймарскаго, изображенъ Сипангу, въ 5 градусахъ на западъ отъ Верагви, съ надписью: «*Zirangri, ubi piper et aurī coria*». Мысль, что богатство Индіи находится на востокѣ или юго-востокѣ отъ Азіи, такъ распространилась въ XV вѣкѣ, что Колумбъ, говоря въ своемъ журналѣ объ открытыхъ имъ островахъ около Кубы, прибавляетъ: «Полагаю, что они богаты пряностями и драгоценными камнями, и что ихъ еще больше на югѣ».

Такимъ образомъ безсмертный мореходъ, увлеченный ложными извѣстіями, думалъ въ

(*) См. Гумбольдта, Исторію географіи Новаго-Континента, томъ II, стр. 44, 45 и 46.

первое свое путешествіе, что открылъ не Новый-Свѣтъ, а Японію. Дѣйствительно, по географическимъ понятіямъ того времени, основаннымъ единственно на разсказахъ Марко Поло, Бальдуччи-Пелогетти и де Конти о восточной Азіи, ученые полагали, что существуетъ множество острововъ въ морѣ Синъ т. е. въ моряхъ Японіи, Китая и Большаго Индійскаго архипелага,—острововъ, особенно богатыхъ пряностями и золотомъ. Тосканелли, начавшій съ 1474 г. обдумывать такое же предпріятіе, какое совершилъ Колумбъ, говорилъ, что между Европой и моремъ Синъ, на пути къ западу, встрѣтятся только одинъ островъ Антилья за 225 миль до Сипанго. Тосканелли считалъ отъ Лиссабона до знаменитаго китайскаго города *Квисан*, или *Висан*, или *Канъ-фу* (нынѣ Гангъ-Чу-Фу) по самому прямому пути на западъ, 26 *espacios*, считая каждый *espacio* въ 150 миль, а отъ острова Антильи до Сипанго 10 *espacios*, которые равнялись 225 *leguas*. Мы не знаемъ на сколько *espacios*, по мнѣнію Тосканелли, находилась Японія на востокъ отъ Канъ-фу; но можно думать, что онъ вѣрно зналъ разстояніе между Китаемъ и Лиссабономъ (*). Колумбъ, обдумывавшій эти важ-

(*) См. Гумбольдта Исторію географіи Нового-Континента, томъ I. стр. 234 и томъ II, стр. 369.

ные географическіе вопросы и безпрестанно видѣвшій карты, на которыхъ были означены всѣ тогдашнія новѣйшія открытія, соглашался съ мнѣніемъ Тосканелли, и прибывъ въ Кубу 14 ноября 1492 г. выразилъ въ журналѣ своемъ слѣдующее убѣжденіе: «здѣсь островъ *Сипанго*, о которомъ рассказываютъ столько чудеснаго; и по указаніямъ *рисунковъ на глобусахъ*, Сипанго долженъ быть въ этихъ мѣстахъ». Мы уже сказали, что прибывъ слѣдующаго 26 декабря къ Гаити, Колумбъ, по новымъ указаніямъ, полагалъ, что этотъ островъ—настоящій Сипанго.

Однакожъ, Японія открыта спустя 50 лѣтъ, и такъ сказать, случайно. Португальцы доставили Европѣ первыя свѣдѣнія объ этой обширной имперіи; черезъ ихъ посредство завелись первыя сношенія христіанскаго міра съ народами, живущими на краю востока. Ниже увидимъ мы, какимъ образомъ начались эти сношенія, какъ развивались, какимъ подвергались перемѣнамъ и до какого несчастнаго положенія дошли въ наше время. Но прежде мы должны обрисовать общими чертами мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе и дать вѣрное понятіе о географическомъ устройствѣ, климатѣ и политическомъ раздѣленіи Японской Имперіи. Предлагаемое сочиненіе есть сводъ всего, что написано объ

Японіи, начиная съ Кемпфера до нашихъ временъ. Главнѣйшіе авторитеты наши—Кемпферъ и Зибольдъ, хотя путешествіе послѣдняго еще не вполне издано (*).

(*) Часто прибѣгаи мы къ помощи Обзорѣнія Японіи, составленнаго на англійскомъ языкѣ и напечатаннаго въ *Asiatic-Journal* (1839—1840 г.). Чтеніе этой занимательной статьи обратило особенное мое вниманіе на Японію, когда я жилъ въ Китаѣ, въ 1841, 42 и 43 г. Не менѣе полезенъ мнѣ былъ *Chinese Repository*, сборникъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ; это ежемѣсячное изданіе—сущая драгоценность для трудящихся надъ исторіею и литературою крайняго-востока.

(Примѣч. Жансина).

ОБЩІЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

Японская Имперія лежитъ между $24^{\circ} 16'$ и 50° сѣвер. широты, и между $120^{\circ} 58'$ и $148^{\circ} 25'$ восточной долготы (парижскій мерид.). Такимъ образомъ она простирается почти на 26 градусовъ широты и 27 градусовъ долготы.

Границы Японской Имперіи:

На сѣверъ, Японское море (здѣсь воды его смѣшиваются съ волнами Тартарійскаго-пролива) и островъ *Крафто*;

на сѣверо-востокъ, островъ *Урупъ*;

на сѣверо-западъ, Японское море;

на югъ и на юго-востокъ, Великій-Океанъ;

на востокъ Великій-Океанъ;

на юго-западъ, Восточное море или *Тунгъ-Гае*;

на западъ, Корейскій проливъ.

Въ собственно такъ-называемой Японіи три большіе острова: *Ниппонъ*, *Кіузіу* и *Сикокъ*, и нѣсколько малыхъ: *Саю*, *Цузима*, и проч. Сверхъ того группы острововъ, называемые *Окизима*, *Готозима*, *Козикизима*, *Наназима*, и множество островковъ и уединенныхъ утесовъ.

Сосѣдними землями считаются:

1. Островъ *Іезо*, съ южными Курильскими островами:

2. Южная часть острова *Крафто*.

3. Группа острововъ *Мунинъ* (*Mounin*) или *Бонинъ*.

А на югѣ считаются вассальными землями или островами, платящими дань Японіи:

Острова *Лиу-Киу* (*Liou-kiou*).

Главнѣйшіе проливы, отдѣляющіе Японію отъ Азіи или текущіе между тремя главными японскими островами, суть:

Между Ниппономъ и Кіузіу, проливъ *Фанъ-деръ-Капелленъ*;

между Ниппономъ и Іезо проливъ *Цукаръ*;

между южною оконечностію Кіузіу и островами *Танегазима* и *Яксима* проливъ *Дье-менъ*;

между послѣдними двумя островами и сѣверною группою *Лиу-Киу*, проливъ *Кольне*;

между Сикоккомъ и Кіузіу, проливъ *Гайязу* или *Гайязу-Кадо*;

между Сикокомъ и Ниппономъ (на востокъ) проливъ *Линсхотенъ*; (на сѣверъ), узкій проходъ, усѣянный безчисленнымъ множествомъ островковъ;

между *Иезо* и *Крафто* проливъ *Лаперузъ*;

между *Иезо* и Курильскими островами — проливъ *Лаксманскій*;

между *Куназири* и *Эторопомъ* проливъ *Пико*;

между *Эторопомъ* и *Урупомъ* проливъ *Ври-есть*;

между *Урупомъ* и Сѣверными-Курильскими островами — *Компасный Каналъ*;

между *Крафто* и азiятскими землями проливъ *Мамія*;

наконецъ проливъ *Корайскій* или *Корейскій*, отдѣляющій Ниппонъ отъ полуострова Кореи.

Мальтъ-Брюнъ утверждалъ, что поверхность Японской Имперіи содержитъ 16,000 квадратныхъ миль. По новѣйшимъ географическимъ свѣдѣніямъ считаютъ только 12,569 квадратныхъ миль : но Зибольдъ, тщательно изучивъ лучшія японскія карты и карты Крузенштерна и другихъ мореходцевъ, понизилъ эту цифру до 7,520 квадр. миль (считая по 15 миль въ градусѣ). Слѣдующая таблица показываетъ въ какихъ именно частяхъ Японіи сколько содержится миль:

Имена острововъ.	Колич. квар. миль.	Число остр., островковъ и проч.
СОБСТВЕННАЯ ЯПОНИЯ.		
Ниппонъ.	4081. 6969.	—
Гадцидюзима (*)	2. 1320.	1188.
Оризима	1. 8488.	—
Сало	20. 6874.	4.
Оки, Низинозима и проч.	6. 4874.	77.
Киузиу.	688. 3954.	—
Аманса	10. 2747.	—
Группа Гдтоо	11. 9504.	—
Группа Козики	2. 7360.	—
Фирато и Каваци. . . .	2. 3017.	—
Танегазима.	9. 6051.	1515.

(*) Гадцидюзима (котораго Зибольдъ называетъ *Фаццizio* на большой своей картѣ и *Гаццizio* на маленькой) есть самый южный изъ острововъ, находящихся въ завѣдываніи Ниппона. По Кемпферу, этотъ островъ, который онъ называетъ *Фаццizio* или *Фаццizio-Газима*, т. е. *островъ вышиною въ 20 брассовъ*, есть главное мѣсто, куда обыкновенно ссылаютъ Японскихъ придворныхъ, попавшихъ въ опалу, по весьма древнему обычаю; они содержатся на берегу, покрытомъ утесами изумительной вышины, отъ которыхъ и островъ получилъ свое названіе. Тунбергъ называетъ этотъ островъ *Фаццима*, а переводчикъ его Лангле—*Фаццiенсима*. Кемпферъ говоритъ: «Пока ссыльные живутъ здѣсь, они должны жить *собственною работою*. Они преимущественно вырабатываютъ матерію; и какъ они вообще очень ловки и изобрѣтательны, то вырабатываемыя ими шелковыя ткани

Яксима	9.	3711.	—
Грунна Маназима	2.	3108.	—
То-Каразима	10.	7924.	—
Симако	0.	0218.	—
Сикокъ и сосѣдніе острова	391.	8556.	516.
Авацц	10.	7968.	10.
Цузима	14.	5350.	—
Ики	2.	4059.	201.
Небольшіе острова	36.	3687.	неисчисл.
Итого	5306.	5668.	

І Е 3 0.

Іезо	1286.	9153.	—
Окозири	2.	5944.	—

такъ превосходны и красивы, что императоръ запретилъ, подъ строжайшимъ наказаніемъ, продавать ихъ иностранцамъ. Островъ не только окруженъ бурнымъ моремъ, но даже кажется, что сама природа создала его неприступнымъ: когда доставляютъ туда съѣстные припасы, приводятъ новыхъ заключенныхъ или перемѣняютъ гарнизонъ, надобно поднимать вверхъ лодку со всѣмъ грузомъ посредствомъ крана и потомъ спускать ее такимъ же образомъ: такъ берега круты и прямы, что иначе нельзя взобраться на нихъ,—однакожь, взобрались же какъ нибудь на этотъ островъ, когда вздумали учредить на немъ ссыльные заведенія. Во всякомъ случаѣ, существованіе этого мѣста, знаменитаго своею промышленностію, фактъ чрезвычайно любопытный.

(Примѣч. Жансина).

Рефунзири	2.	2623.	83.
Ризири	1.	3447.	—
Небольшіе острова .	2.	0468.	—

Итого 1295. 1635.

ГИКАЗИ-ІЕЗО.

(Большіе Курильскіе острова).

Сикотау.	1.	7151.	—
Куназири.	23.	7793.	—
Эторопъ.	48.	9496.	48.
Урупъ	12.	2750.	—
Малые острова . .	1.	4903.	—

Итого 88 2093. —

КИТА-ІЕЗО.

(Крафто).

Крафто	696.	9175.	27.
Небольшіе острова .	2.	6965.	—

Итого 699. 6140. —

МУНИНЪ СИМА.

(Группа острововъ Бонинскихъ).

Китазима.	2.	2116.	—
Минамизизима. . .	1.	3662.	89.
Небольшіе острова. .	2.	1920.	—

Итого 5. 7698. —

ЛУ-КІУ

Зжузанъ:

Огинавазима	37. 8279.	—
Кумезима.	0. 9632.	53.
Іеязима	1. 4234.	—
Небольшіе острова .	6. 4022.	—

Санбокъ:

Оозима	24. 4186.	—
Ток'сима.	8. 9496.	—
Какеназима.	3. 2472.	16
Іерабузима	3. 8860.	—
Кикаизима	2. 4694.	—
Другіе небольшіе ос- трова	1. 5985.	—

Саннанъ:

Изикакизима	9. 0970.	—
Ніогіозима	9. 0932.	—
Міакозима	4. 0441.	23.
Нагарабезима	1. 1043.	—
Іонакуни.	1. 8367.	—
Другіе небольшіе ос- трова	9. 2479.	—

И т о г о 125. 6092. —

ОБЩІЙ СЧЕТЪ:

Собственно Японія .	5306. 5668.	3511.
Іезо	1295. 1635.	83.

Большіе Курильскіе

острова	88. 2093.	48.
Крафто	699. 6140.	27.
Мунинъ Сима. . . .	5. 7698.	89.
Острова Ліу-Кіу . .	125. 6092.	92.

Итого 7520. 9326. 3850.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗДѢЛЕНИЕ.

Въ концѣ VI вѣка (Кемпферъ указываетъ на 590 г.), императоръ Сіу-зіунъ (или *Ciu-зіумъ*) раздѣлилъ Японію на 7 отдѣловъ, округовъ или (согласно японскому выраженію) на 7 *большихъ дорогъ* (*До* или *То*); въ нихъ считались 71 провинція (*provinces princièges*), и 5 провинцій, принадлежавшихъ казнѣ. Однакожъ, по тѣмъ же источникамъ оказывается, что владѣтельныя провинція или княжества учреждены цѣлымъ вѣкомъ позже, въ 681 г., при императорѣ *Тенму* (*).

Эти главныя раздѣленія до сихъ поръ признаются, хотя на самомъ дѣлѣ княжества

(*) Зибольдъ говоритъ, что Японія раздѣлена въ царствованіе микадо Сіунва (824 г. послѣ Р. Х.) на 68 провинцій, и что раздѣленіе это существуетъ до сихъ поръ. Но это извѣстіе не можетъ быть согласовано съ эпохою прибавленія двухъ новыхъ провинцій къ первоначальнымъ шестидесяти шести.

подверглись многимъ новымъ подраздѣленіямъ, вслѣдствіе политическихъ событій. Нынѣ находится шесть-сотъ четыре отдѣльныхъ владѣнія. Провинціи (*kokf's*) раздѣляются на уѣзды (*кори* или *kohori*); каждое *кори* подраздѣляется на небольшія общины.

По Фишеру, провинціи (*Doo*), носятъ слѣдующія названія: *Тоокаидоо*, *Тоозандоо*, *Гокрифдоо*, *Саніендоо*, *Саніоодоо*, *Нанкаидоо* и *Саикаидоо*; къ нимъ слѣдуетъ прибавить *Гоккинаидоо*, страну, содержащую пять провинцій коронныхъ или принадлежащихъ собственно императору.

Княжества (ихъ всего 61) раздѣляются слѣдующимъ образомъ по главнымъ провинціямъ:

Принадлежація къ острову Ниппону:

1. Въ Тоокаидоо (*) находятся княжества: Ига, Изе, Сима, Овари, Микава, Тотоми,

(*) Мы удержали правописаніе Фишера, но, обратившись къ большой картѣ Зибольда, замѣтили, что онъ пишетъ тѣ же имена совсѣмъ иначе; правописаніе его проще и, вѣроятно, ближе къ японскому произношенію, которое почти невозможно передать европейскими буквами и звуками.

Зибольдъ пишетъ на большой своей картѣ: *Tokaido*, *Tosando*, *Fokrokdo*, *Sanindo*, *Sanjodo*, *Saikaido*, и забываетъ *Nankaido*. Но это ошибка, и притомъ очевидная, потому что на маленькой картѣ, составленной по луч-

Сёрёга, Каи, Мезази, Ава, Кацёза, Симовеза, Фитате, Истое и Сагами.

2. Въ провинціи Тоозандоо: Ооми, Мино, Фида, Синано, Кооцеке, Симіоцеке, Мёцё и Дева.

3. Въ провинціи Гокрифдоо: Ваказа, Іециринъ, Каго, Ното, Іеціу, Іеціго и Садо.

4. Въ провинціи Саніендоо: Танба, Танго, Тазима, Инаба, Гооки, Истумо, Ивами и Оги.

5. Въ провинціи Санъоодоо: Гарима, Мимазека, Бизепъ, Битьенъ, Бенго, Аки, Севоо и Нагато.

6. Въ провинціи Нанкаидоо: Кіи, Ава или Асіу, Авази, Санеки, Ііо и Тоза.

На островахъ Кіузіу:

7. Въ провинціи Саикаидоо: Цикфезингъ, Фиго, Бедзенъ, Бёнго, Физинъ, Ооземи, Садума, Цикфенго и Фіего.

шимъ японскимъ, Зибольдъ означаетъ всѣ 7 провинцій, но пишетъ имена ихъ опять иначе: Too-koi-too, Too-sontoo, Hokrok-too, Son-in-joo, Son-too-too, Nankai-too, Sai-kai-too. Но такихъ промаховъ не мало въ Зибольдѣ, въ самомъ аккуратнѣйшемъ и ученѣйшемъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, изучавшихъ Японію; поэтому мы должны думать, что въ другихъ писателяхъ, не столь точныхъ, должно быть, находится гораздо болѣе несправностей, и онѣ вообще гораздо важнѣе.

Гокинай содержать, какъ мы уже сказали, 5 провинцій коронныхъ; онѣ суть:

Ямазиро, Ямато, Ицуми, Кавате или Каваци, и Сецу или Сецъ.

Все это составляетъ 66-ть отдѣльныхъ малыхъ провинцій, къ которымъ обыкновенно причисляютъ еще двѣ, Ики и Цузиму, завоеванные отъ Кореи въ XVI вѣкѣ. Общій итогъ всѣхъ провинцій 68.

«Съ 1592 по 1598 г., со времени японскаго вторженія, при *сюгунѣ Фидеіози*, обыкновенно называемомъ *Таико*, владѣльцы Японіи и Кореи находились въ такихъ сношеніяхъ, которыя показывали, что они скорѣе союзники, чѣмъ владѣлецъ съ вассаломъ. Оба двора взаимно извѣщаются, когда новый властитель вступаетъ на престолъ. Японское правительство, изъ предосторожности, водворило на островѣ *Цузими* одного изъ своихъ князьковъ, и отдало ему въ руки всю торговлю Кореи. Островъ Цузима такъ важенъ для Японіи, въ политическомъ отношеніи, что князёкъ основалъ тамъ, близъ Фузанкай, порта въ округѣ Кіенгъ-Сіангъ, колонию изъ 500 Японцевъ. Колонисты эти, составляющіе такъ сказать обсерваціонный корпусъ, живутъ въ огороженномъ мѣстѣ, и кромѣ нихъ, нѣтъ Японцевъ въ Корей, за исключеніемъ экипажей прибывающихъ туда судовъ. Всѣ они, солдаты и чиновники, мастеровые и

купцы, живутъ вмѣстѣ, отдѣльно отъ туземцевъ, женятся между-собою и не могутъ входить во внутренность страны безъ особеннаго дозволенія. По отношенію къ богатству обоихъ народовъ, торговля, производимая Корейцами съ князькомъ Цузими, не можемъ даже и назваться торговлею; по мнѣнію Японцевъ, это размѣнъ подарковъ. Князёкъ доставляетъ рисъ, перецъ и буйволовыя рога, а въ обмѣнъ получаетъ знаменитый гин-сень и кожи тигровъ и скатовъ. Японцы изъ факторіи Фузанкан торгуютъ также шелковыми матеріями, сырымъ шолкомъ превосходной доброты, издѣліями изъ лака, и клеенкою, которая, говорятъ, очень прочна (*)».

Названія, данныя главнымъ японскимъ провинціямъ, показываютъ, что онѣ раздѣлены не на-обумъ.

Токаидо (*Tokaïdô*) значитъ: страна или дорога юговостока (по переводу Фишера восточный полуостровъ). Тоозандо (*Toosandô*) значитъ страна восточная-гористая; Кокрифдо (*Kokrikfô*) — сѣверная страна (по Фишеру, сѣверныя земли); Саниендо (*Saniendô*) значитъ сѣверная гористая страна или холодная; Саньодо (*Sanyodô*) страна гористая южная или теплая; Нанкаидо (*Nankaidô*) страна

(*) См. Путешествіе Зибольда, на французскомъ языкѣ, томъ V.

южныхъ береговъ (по Фишеру, южный полуостровъ), а Саикайдо (*Saikaidō*)—страна западныхъ береговъ (по Фишеру западный полуостровъ). Замѣчательно, что это раздѣленіе Японіи, основанное на физическихъ условіяхъ, существуетъ уже 1,200 лѣтъ! Еще замѣчательнѣе, что въ то же время, и можетъ быть, даже ранѣе, это безчисленное множество острововъ, признало одного правителя, управлялось одинаковыми законами, имѣло одни нравы и одно вѣрованіе. Съ этихъ отдаленныхъ временъ, централизація (нынѣ столь уважаемая въ Европѣ) была уже въ чести въ Японіи, и мы увидимъ, что шесть-сотъ четыре удѣла, зависящіе отъ Іедо, правительственнаго центра имперіи, должны безпрестанно возвращать этому источнику могущества, богатства и почестей, тотъ блескъ и тѣ средства, которыя отъ него же они получаютъ.

Собственно такъ называемый Японскій архипелагъ, со включеніемъ острова Іезо, находится между 35° и 40° сѣверной широты. Длина его 1140 морскихъ миль (или 380 лье, по 20 лье на градусъ).

Общая форма архипелага весьма замѣчательна. Противъ Азіи, онъ представляетъ впадину, противъ которой на азіатскомъ берегу находится почти подобная же впадина, но нѣсколько обширнѣе. Между этими двумя впа-

динами лежитъ Японское море, средиземное; изъ него два главныхъ выхода: *каналъ Корейскій*, съ проливами *Крузенштерна* и *Брутона*, и *каналъ Татарскій* съ проливами *Лаперуза* и *Маміа*.

«Во многихъ отношеніяхъ, говоритъ Кемпферъ, можно сравнить Японію съ королевствами Великобританіею и Ирландіею. Она также разъединена мысами, морскими рукавами и большими заливами, которые, вдаваясь далеко въ землю, образуютъ множество острововъ, полуострововъ, гаваней и пристаней. Самый большой изъ острововъ называется *Ниппонъ*, по имени имперіи. Узкій каналъ или проливъ, усѣянный утесами и островками, (изъ нихъ нѣкоторые обитаемы, другіе нѣтъ), отдѣляетъ *Ниппонъ* отъ другаго острова, втораго по величинѣ. Послѣдній, по положенію своему на юго-западъ отъ перваго, называется *Саи-кокфъ*, т. е. страна запада. Его также называютъ *Kiuziū* (*Kiōzūion*), т. е. страна девяти, потому что онъ раздѣленъ на девять провинцій. Въ окружности онъ имѣетъ 148 нѣмецкихъ миль. Японцы считаютъ въ немъ 140 своихъ миль въ длину, и отъ 40 до 50 въ ширину. Третій островъ лежитъ между первымъ и вторымъ; онъ почти четырехугольный и раздѣленъ на 4 провинціи, почему Японцы на-

зываютъ его *Сикокъ* (*), т. е. страна четырехъ.

Эти три главные острова окружены несѣтнымъ числомъ другихъ острововъ; изъ нихъ иные очень малы, покрыты утесами и бесплодны; другіе, побольше, богаты и плодородны. Послѣдніе управляются князьями.

Древнѣйшее или, лучше сказать, одно изъ древнѣйшихъ именъ Японіи было *Акицусима*, *дѣвичій островъ*.

Такое имя дано ему, по его формѣ, первымъ *микадо*, *Зинъ-Му*, за 630 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія (по увѣренію Японцевъ), когда онъ взобрался на вершину горы, съ которой могъ видѣть имперію. Слово *Ниппонъ* или *Ниффонъ* не чисто японское; оно составлено изъ словъ *Ници* (солнце) и *Гонъ* или *Фонъ* (происхожденіе).

Мандарины произносили это слово *Ши-пенъ*, а на сѣверномъ китайскомъ нарѣчій *Зиппенъ*; отсюда произошло *Ци-пан-гу* (*гу* значить по китайски государство), т. е. государство восходящаго солнца. Такъ думали въ Европѣ, во время Колумба, по свѣдѣніямъ Марко-Поло. Японская Имперія называется, на чи-

(*) Зибольдъ иногда пишетъ *Sikok*, иногда *Sikok* (безъ апострофа). Фишеръ всегда пишетъ *Sikok's*, какъ Кемпферъ. Также писалъ и Тунбергъ.

стомъ японскомъ языкѣ и на языкѣ стихотворномъ, *Гиномото*, что значить то же, что и *Ци-пан-гу*. Также называютъ ее *Ямато*, *страна горъ*; выраженіе это употребляется часто. Замѣтимъ только, что слово *Ниппонъ* означаетъ весь большой островъ, а слово *Ямато* преимущественно прилагается къ той части острова, гдѣ находится древняя столица микадо (законнаго владѣтеля Японіи). Но вся совокупность Японскихъ заведеній называется туземцами *Дай-Ниппонъ* (*Большой Ниппонъ*).

Геологическое устройство.

Названіе *страны горъ* весьма прилично Японіи, какъ потому, что вся она устлана горами, такъ и потому, что эти горы или вулканическаго происхожденія или до-сихъ-поръ выбрасываютъ дымъ, а иногда пламя. По всей линіи Ниппона тянется цѣль горъ средней величины, довольно однообразныхъ; изъ нихъ выходятъ нѣсколько вершинъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Эта линія раздѣляетъ рѣки: восточныя и южныя впадаютъ въ Тихій Океанъ, сѣверныя въ Японское Море.

Китайскія лѣтописи увѣряютъ, что гора *Фузи*, высочайшая изъ горъ Ниппона и всей Японіи, поднялась изъ земли въ 285 г. до

Р. Х.; въ то же время значительное углубленіе почвы, *въ одну ночь*, произвело большое озеро *Мицу*, или *Оицъ*, близъ *Міако* (*Зибольдъ* на большой своей картѣ называетъ его *Бивако*). Гора *Фузи* или *Фузи-яма*, — огромная, усѣченная пирамида, въ провинціи *Суруга*. Долго слыла она неугомоннымъ и самымъ опаснымъ волканомъ въ цѣлой Японіи. Въ 799 г., одно изверженіе продолжалось 34 дня; оно было ужасно; пепелъ покрылъ всю подошву горы, и сосѣдніе потоки окрасились въ красный цвѣтъ. Было еще изверженія въ 800 г., а потомъ еще два, въ 863 и 864; имъ предшествовали сильныя землетрясенія. Последнее было самое страшное. Пламя поднималось надъ горою на значительную высоту, и страшные удары грома сопровождали ужасныя конвульсіи земной коры. Ощущены были три постепенныя землетрясенія: 10 дней горѣла гора, и наконецъ раскрылась у подошвы съ оглушительнымъ трескомъ. Бѣдствія, причиненныя этимъ грознымъ явленіемъ, разлились на пространство 30 миль; лава текла на пространство 4 миль. Наконецъ, въ 1707 г., слышались два сильные удара; гора *Фузи* снова разверзлась и начала изрыгать пламя и пепелъ, разбрасывая его на десять льѣ. На другой же день изверженіе прекратилось; но возобновилось съ большею яростію на третій и на

четвертый день. Сосѣднюю площадь совершенно покрыли огромные обломки утесовъ, раскалившіеся пески и груды пепла. Пепелъ переброшенъ въ отдаленныя мѣста и покрылъ почву около Іедо на нѣсколько дюймовъ.

Сира-яма (Бѣлая гора), увѣнчанная вѣковыми снѣгами, находится въ провинціи *Кага*, на полтора градуса къ сѣверу отъ *Міяко*, и тоже выбрасываетъ пламя. Главнѣйшія ея изверженія случились въ 1239 и 1554 г.

Въ настоящее время считается пять огнедышащихъ горъ на островѣ *Кіузіу*: *Митака*, *Киризима-яма*, *Азо-яма*, *Вунценъ* и *Цурами-яма*. Изъ нихъ самый страшный *Вунценъ*, находящійся на полуостровѣ *Симабара*; онъ знаменитъ изверженіемъ 1792 года; высота его въ 1253 метра надъ уровнемъ моря.

«Эта огнедышащая гора, говоритъ *Зибольдъ*, которой метательная сила далеко не истощилась, занимаетъ почти середину полуострова *Симабара* (поля на островѣ), въ восточной части провинціи *Фидена*. *Вунценъ* имѣетъ форму усѣченной пирамиды. У него три вершины на лѣвой, и четыре на правой сторонѣ; всѣ онѣ, кромѣ самой южной, которая приплюснута, носятъ характеръ вулканическаго происхожденія. Со времени страшнаго изверженія въ 1792 г. *Вунценъ* внушаетъ страхъ и трепетъ окрестнымъ жите-

лямъ. Его печальный и гордый видъ, огромный и обвалившійся кратеръ, изъ котораго безпрестанно вырывается дымъ и таетъ туманными облаками, ясно показываютъ, что этотъ обширный резервуаръ, уже нѣсколько разъ причинявшій страшныя бѣдствія, можетъ нанести ихъ и въ будущемъ. Это предположеніе кажется очень вѣроятнымъ, когда видишь, что новые кратеры образовались тамъ, гдѣ толща земли не могла удержать стремленія вулканической жидкости, волновавшейся въ ея нѣдрахъ, или когда видишь множество источниковъ, текущихъ въ разныя стороны по бокамъ Вунцена; воды ихъ всегда кипятъ. Безпрерывныя землетрясенія, часто очень сильныя, сопровождаемыя изверженіями старыхъ и новыхъ кратеровъ, заставляють еще болѣе думать, что непременно наступитъ новая катастрофа.

«Исторія не упоминаетъ объ изверженіяхъ этой огнедышащей горы до конца прошедшаго вѣка; но нѣтъ сомнѣнія, что за тысячу лѣтъ прежде, ихъ было нѣсколько; въ царствованіе микадо Момму, въ 701 году, выстроенъ на берегу храмъ, посвященный *Духу Горы*, и окрестные жители приносили ему въ жертву начатки плодовъ земныхъ. По смыслу древняго богослуженія *ками*, такая жертва могла приноситься только для успокоенія гнѣва *Духа Горы*; а это и показываетъ, что

были уже разрушительныя изверженія. Но не станемъ искать доказательствъ въ преданіяхъ отдаленной старины, или даже въ новѣйшей исторіи: эти доказательства мы найдемъ въ формации всего полуострова и большей части острова *Кіузіу*, покрытаго сопками; изъ нихъ нѣкоторыя потухли, а другія бросаютъ, каждый годъ, воспламененныя вещества старыми и новыми отверстіями. Вунценъ только рукавъ той огромной подземной огненной рѣки, которая течетъ отъ Молуккскихъ и Филиппинскихъ острововъ, проходитъ черезъ *Ліу-Кіу* и японскій архипелагъ, тянется вдоль Курильскихъ острововъ до Камчатки и исчезаетъ въ вѣчныхъ сѣверныхъ снѣгахъ. Вотъ что исторически извѣстно о послѣднемъ изверженіи Вунцена:

«18 числа перваго мѣсяца четвертаго года *Квансеи* (1792 г.), въ пять часовъ по полудни, вершина волкана внезапно упала, и столпъ густаго дыма поднялся въ воздухъ. 6-го числа слѣдующаго мѣсяца послѣдовало изверженіе изъ горы *Бивоно-куби*, находящейся на восточномъ скатѣ волкана, разстояніемъ на одинъ японскій *ри* отъ вершины. 2-го числа третьяго мѣсяца разразилось сильное землетрясеніе по всему острову *Кіузіу*; земля въ *Симабарѣ* такъ дрожала, что люди не могли держаться на ногахъ. Повсюду распространились трепетъ и отчаяніе; удары

слѣдовали одинъ за другимъ съ страшною быстротою. Волканъ безпрестанно изрыгалъ множество камней, пепла и лавы, которые опустошали окрестность на пространства нѣсколькихъ миль. Наконецъ, въ первый день четвертаго мѣсяца, около полудня, случилось новое потрясеніе, повторявшееся ежеминутно все сильнѣй и сильнѣй. Уже городъ Симабара превратился въ груды развалинъ; огромные обломки утесовъ, катившіеся съ высоты горы, давили все, что встрѣчалось имъ на пути; громъ гремѣлъ надъ головами и подъ ногами жителей; и вдругъ, послѣ минутнаго покоя, когда воображали, что опасность миновалась, *Міокенъ-яма*, сѣверный кратеръ Вунцена, разразился страшнымъ грохотомъ. Большая часть этой горы взлегла на воздухъ, колоссальныя глыбы утесовъ падали въ море; рѣка, полная кипятку, потекла изъ новаго кратера къ морю, которое въ то же время заливало берегъ. Тутъ произошло явленіе безпримѣрное, вселившее еще болѣе ужаса въ несчастныхъ очевидцевъ этого грознаго переворота. Изъ столкновенія двухъ стихій образовались смерчи и понеслись по берегу, разрушая все, что имъ ни попадалось. Нельзя представить себѣ, до какого разоренія доведены были Симабарскій полуостровъ и берегъ Фиго этимъ землетрясеніемъ, изверженіями Вунцена и другихъ

огнедышащихъ горъ, на немъ находящихся. Бѣрега нельзя было узнать. Всѣ зданія въ городѣ и въ окрестности разрушились, кромѣ цитадели, построенной циклопически изъ огромнѣйшихъ камней. Говорятъ, что 53,000 человѣкъ погибло въ этотъ роковой день. Видя такія послѣдствія, понимаешь, почему Японцы считаютъ землетрясеніе и волканическія изверженія главнѣйшими бичами своего отечества.

«Въ Децимѣ тоже ежегодно замѣчаютъ землетрясенія. 10-го декабря 1825 г. настъ вдругъ разбудилъ ударъ, за которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ 23 и 24 числа того же мѣсяца. Самые сильные удары чувствовали мы вечеромъ 26-го мая 1828 г. Первый продолжался цѣлую минуту и былъ такъ силенъ, что мы думали, всѣ дома развалятся. Дѣйствительно, стѣна, окружавшая Дециму, довольно плохая, треснула въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Испуганныя птицы вертѣлись въ воздухѣ и хлопали крыльями, и жалобные крики воронъ и воробьевъ одни прерывали мрачное безмолвіе природы. При каждомъ землетрясеніи въ Японіи мы замѣчали особенное спокойствіе, очень сухой воздухъ и ясное небо. Грязный каналъ, отдѣляющій Дециму отъ города, испарялъ мѣсовъ болѣе, чѣмъ обыкновенно; это должно приписать не развитію подземныхъ газовъ, а

болотистымъ испареніямъ, которыя были подняты потрясеніемъ съ самаго дна. Во время ночи, случилось еще нѣсколько колебаній. Землетрясеніе было еще чувствительнѣе на островѣ Амакса, въ 8 нѣмецкихъ миляхъ на юго-западъ отъ нашего, и тамъ видѣли въ морѣ феноменъ, похожій на водяной вулканъ. Въ то же время провалились угольные копи на островѣ Такаразима, въ сорока нѣмецкихъ миляхъ на юго-западъ отъ Нагазаки; а въ 4 миляхъ отъ насъ, на мысѣ Гомо, каменный идолъ скатился съ холма на равнину. Вулканъ тоже не оставался спокойнымъ; лѣтомъ, когда возобновились землетрясенія, онъ нѣсколько разъ изрыгалъ пламя; такія же сильныя изверженія видны были на Азо (вулканъ въ провинціи Фуго) и на *Митаке* (вулканъ на островѣ *Сакуразима*, въ провинціи *Сакура-ма*). Жители острова Ниппона и даже жители Иедо чувствовали легкія колебанія земли. Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить въ 8 градусовъ широты и 7 градусовъ долготы пространство, на которомъ дѣйствовала огненная подземная рѣка; оно оказалось бы еще обширнѣе, еслибъ мы знали болѣе подробностей. Напримѣръ, въ Камчаткѣ, въ 1828 г. случилось изверженіе Авачи. По наблюденіямъ, сообщеннымъ намъ въ Японіи отъ людей достойныхъ вѣроятія, вулканы выбрасываютъ пламя обыкновенно при началѣ при-

Филиппины . Митаке .

ОГНЕДЫШАЩАЯ ГОРА МИТАКЕ .

лива, и послѣ изверженій и землетрясеній всегда слѣдуютъ наводненія, причиняемые приливомъ, чрезвычайно высокимъ. Увѣряютъ также, что во время этихъ страшныхъ явленій слышенъ подземный шумъ, похожій на ревъ бури. Впрочемъ, въ Японіи все убѣждены, что землетрясеніе отдается на морѣ. Туземцы метеорологи вѣрно предсказываютъ атмосферическія перемѣны, судя по времени, когда начинается колебаніе земли. Въ полдень или полночь, оно наноситъ эпидеміи; въ 2 или въ 6 часовъ утра, оно предвѣщаетъ бурю, а если случается въ остальные часы дня или ночи, то обѣщаетъ хорошую погоду. Довѣрчивый поселянинъ слушаетъ эти предсказанія и неограниченно вѣритъ имъ; по его мнѣнію, подземныя колебанія производятъ чудовищный вѣтъ, ударяя хвостомъ въ берегъ. Японцы, занимающіеся физикою, видятъ въ этихъ явленіяхъ, по китайской системѣ, борьбу между элементами воздушными (*éthérés*) и земными, а въ послѣднее время, ученѣйшіе изъ нихъ согласились въ этомъ отношеніи съ европейскими понятіями. Многія изъ горъ содержатъ минеральные источники, замѣчательные или по высокой температурѣ или по цѣлительной силѣ. Два источника, одинъ на сѣверномъ скатѣ Вунцена, другой на южномъ, называемые *Ого-цигокъ*, (*Большой-адъ*) и *Ко-цигокъ* (*Малый адъ*), пользу-

ются печальною историческою извѣстностію, потому-что служили орудіемъ во время гоненія христіанъ. Клапротъ, исчисляя японскія горы (въ *Journal Asiatique* 1831), замѣчаетъ, что, по мнѣнію Японцевъ, въ ихъ странѣ *десять адовъ*: 6 volcanовъ и 4 горы, извѣстныя по минеральнымъ источникамъ. Въ провинціи *Синако*, большое озеро *Бивако* окружено теплыми источниками; въ другихъ мѣстахъ замѣчены нефтяные источники и испаренія водороднаго газа.

Породы, составляющія основу горъ, и неправильные камни (*blocs erratiques*), встрѣчаемые на поверхности земли, весьма различны. Трахитъ и базальтъ встрѣчаются чаще всего. Горы поднимаются или отдѣльно или сжатыми группами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука человѣка истребила и сравняла крутизны, но во многихъ другихъ каменистая почва горъ сопротивляется могущественному вліянію времени и человѣческой промышленности. Среди обработанныхъ полей случается видѣть массы первородныхъ утесовъ изумительной величины.

Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются пластическая глина и мергель, въ другихъ—тонкіе слои глины, перемѣшанные съ каменнымъ углемъ, огромныя количества полевого шпата и цѣлыя горы фарфоровой глины превосходнаго качества. Около *Гомандаке* гнейсъ и гипсъ

соединяются въ составъ горы, и огромные обломки гранита лежатъ подъ песчаными пещерами.

Намъ остается сказать объ озерахъ и рѣкахъ Японіи. Сколько извѣстно, ни одинъ европейскій путешественникъ не посѣщалъ еще озера Оицъ, (Мицу, или Бивако).

Въ длину оно имѣетъ болѣе 20 льё, а наибольшая его ширина 7 льё. Прочія озера извѣстны только по весьма неопредѣленнымъ рассказамъ Японцевъ и по положенію, которое дано имъ на географическихъ картахъ.

Рѣкъ очень много, но всѣ онѣ текутъ на незначительномъ пространствѣ. Важнѣйшія изъ нихъ: *Юво-гава*, *Тенвео-гава* и *Ара-гава*. Нѣкоторыя рѣки называются разными именами; каждой части рѣки присвоено особое имя.

Климатъ.

Объ Японскомъ климатѣ путешественники говорятъ очень различно. Нѣкоторые даже противорѣчатъ сами себѣ; къ числу ихъ принадлежитъ и Кемпферъ, — разсудительный и аккуратный Кемпферъ. Противорѣчія эти надобно приписать тому, что старинные наблюдатели не умѣли подчинять мѣстныя наблюденія общимъ правиламъ физической географіи. Японія дѣйствительно представляетъ чрезвычайную смѣсь климатовъ, по

своему сложенію. Этотъ огромный архипелагъ относится къ азіатскому матеріку, какъ спутникъ къ планетѣ, принимаетъ вліяніе этой массы и въ то же время имѣетъ свой собственный характеръ, свое особенное физическое существованіе, словомъ, свое особенное устройство. Зибольдъ мастерски оцѣнилъ вліяніе, на которое мы теперь намекаемъ, и изложилъ его причины и послѣдствія съ удивительною ясностію, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Всего вѣрнѣе то, что сами Японцы чванятся климатомъ, хотя погода у нихъ не востоянна и перемены въ температурѣ случаются очень часто. Нерѣдко цѣлый рядъ идутъ дожди, особенно въ июль и июль мѣсяцахъ, которые поэтому называются *сацуки* (водяные мѣсяцы). Однакожъ, въ Японіи нѣтъ, какъ въ самыхъ жаркихъ тропическихъ странахъ, особаго времени года для дождей. Громъ и молнія въ Японіи очень часты.

Перейдемъ къ важнымъ условіямъ, которыя особенно измѣняютъ климатъ Японіи. Восточная часть Европы и огромный азіатскій материкъ гораздо холоднѣе, подъ тою же широтою, чѣмъ западная Европа, принимая даже въ соображеніе возвышенія ихъ надъ уровнемъ моря. Климатъ на островахъ всегда теплѣе климата на материкѣ, и потому трудно понять, какимъ образомъ Японія не те-

плѣ европейскаго и азійскаго материка, подъ тою же широтою. Но причина кажущагося противорѣчія заключается въ холодномъ климатѣ Азіи, которая имѣетъ рѣшительное вліяніе на температуру Японіи и Курильскихъ острововъ, потому что обнимаетъ ихъ съ запада и съ сѣвера. Отъ близости континента и отъ вѣтровъ, которые дуютъ съ этой стороны въ продолженіе нѣкоторой части года, происходятъ сильныя холода, особенно въ сѣверной и сѣверо-западной части Японіи. Этимъ объясняется, почему *Сиро-яма* (*Бѣлая гора*), находящаяся на западномъ берегу Ниппона, подъ 36° широты, покрыта вѣчнымъ снѣгомъ въ 2500 метрахъ надъ уровнемъ моря, и почему *Фузи-яма*, лежащая на восточной оконечности острова и поднимающаяся на 3793 метра, сбрасываетъ съ себя снѣгъ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, Японія пользуется климатомъ тропическихъ и умѣренныхъ странъ. Общій взглядъ на ея произведенія покажетъ, что Японія, вслѣдствіе этого счастливаго климата, находитъ въ самой себѣ такія средства, которыя позволяютъ ей отдѣляться отъ другихъ странъ, какъ своей политикой, такъ и бурнымъ моремъ, крутыми берегами и подводными камнями, которые, какъ будто защищаютъ ее отъ набѣговъ европейскихъ мореплавателей.

Главныя произведенія.

Кемпферъ, въ статистическомъ описаніи Японіи, указываетъ на разныя произведенія, свойственныя разнымъ провинціямъ, даже разнымъ уѣздамъ, и посвящаетъ особыя главы разсмотрѣнію огромныхъ сокровищъ японскаго архипелага въ отношеніи къ тремъ царствамъ природы. Вотъ что выводитъ онъ изъ своихъ наблюденій:

«Японія страна каменистая, по которой тянутся высокія и крутыя цѣпи горъ; она была бы совершенно безплодною, еслибъ не воздѣлывали ее съ чрезвычайнымъ терпѣніемъ и искусствомъ. Но даже и въ этомъ природа благопріятствовала жителямъ: наружная негодность земли и необходимость тщательной обработки внушаютъ имъ похвальный духъ промышленности и труда. Впрочемъ, климатъ такъ благопріятенъ, что самыя крутые холмы и высокія горы, при усердной воздѣлкѣ, достаточно вознаграждаютъ усилія земледѣльца. Безплодныя мѣста, даже совершенно негодныя къ обработкѣ, остаются несовсѣмъ безполезными. Такая многочисленная нація, какъ Японцы, незнакомая съ лѣнью и притомъ невыходящая изъ тѣсныхъ предѣловъ своихъ, должна была научиться употреблять разныя произведенія, доставляемыя землею или моремъ, не только для поддержанія жизни, но

и для ея пріятства и удовольствія. Трудно вообразить, чего бы они не подавали на столъ съ разными приправами; многіе предметы, отвергаемые другими народами, входятъ въ составъ ихъ десерта и самыхъ лакомыхъ блюдъ.

Лѣса, болота, бесплодныя земли доставляютъ имъ растенія и коренья, которыя служатъ къ изобилію и украшенію обѣдовъ. Море доставляетъ имъ множество рыбъ, травъ, раковинъ маленькихъ морскихъ животныхъ, голотурій и тому подобное. Вредныя качества нѣкоторыхъ рыбъ не мѣшаютъ пользоваться ими: природа не даромъ дала Японцу крѣпкое тѣло, и умъ, способный къ самымъ остроумнымъ изобрѣтеніямъ. Земля плодоносная, но трудная для обработки, какъ въ Японіи, заставляетъ ея жителей заниматься промышленностью: безъ этого они не были бы трудолюбивы, предались бы безпечности и лѣни. Такимъ образомъ негры, въ жаркомъ климатѣ, надѣются на превосходное качество земли, которая доставляетъ имъ всѣ жизненныя потребности безъ труда, и потому живутъ безпечно и лѣниво, какъ дикіе звѣри. Можетъ быть, замѣтятъ, что страна непременно должна быть несчастна, когда въ ней удерживаютъ жителей какъ плѣнниковъ, и мѣшаютъ имъ торговать и имѣть сношенія съ сосѣдями; и страна притомъ такъ

раздѣлена, такъ прѣрѣзана разными морскими рукавами, которые образуютъ множество острововъ. Отвѣчу на такое замѣчаніе, что въ этомъ-то и является красота природы въ яркомъ блескѣ: эти разные острова въ Японіи тоже самое, что разные страны на земномъ шарѣ. Они отличаются одинъ отъ другаго и почвой и положеніемъ; поэтому производятъ разные необходимые для жизни предметы; все, чего можно пожелать, производится въ какой нибудь провинціи или на какомъ нибудь островѣ, и въ такомъ количествѣ, что провинція снабжаетъ всю имперію. Золото добываютъ въ *Озуи*, *Садо*, *Сиригъ* и *Сацуумъ*; серебро—въ *Кетшаман* и *Бунго*; мѣдь—въ *Сиригъ*, *Ацингано* и *Киньокунн*; свинецъ въ *Бунго*; желѣзо въ *Битъя*. *Цикузуръ* доставляетъ каменный уголь, а *Оно* древесный уголь. Огнедышащая гора *Ивогазима* выбрасываетъ множество сѣры; сверхъ того, сѣру добываютъ въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ. Въ *Фиценъ* есть бѣловатая глина, которая хорошо замѣняетъ фарфоръ. Изъ *Тосса*, *Офава* и *Аки* вывозятъ много лѣса. *Ногатта* производитъ быковъ; *Осю* и *Сацуума*—лошадей; *Ганга* изобилуетъ рисомъ; *Цикусенъ* каштанами, *Ваказа*—винными ягодами и другими плодами. Берега провинціи *Оку* доставляютъ множество раковинъ, а берега *Низи-Ямма* замѣчательны морскими растеніями. Вообще берега доставля-

ють Японіи огромное количество рыбы, не говоря уже о разномъ хлѣбѣ, горохѣ и овощахъ, которые изобильно произрастаютъ въ извѣстныхъ провинціяхъ, и о множествѣ предметовъ, служащихъ для одежды и полезныхъ для фабрикъ. Жемчугъ находятъ въ заливѣ *Омурскомъ*, сѣрый янтарь на берегахъ острововъ *Лиу-Киу* и провинцій *Сацумы* и *Кійнокуни*; драгоценные камни въ *Цугарѣ*. Японцы не выписываютъ лекарствъ изъ иностранныхъ владѣній: множество холмовъ и долинъ производятъ, на всемъ пространствѣ государства, всѣ растенія и деревья, какія могутъ произрастать въ разныхъ климатахъ».

Кемпферъ, въ этихъ строкахъ, изложилъ перечень естественныхъ богатствъ Японіи; современные путешественники подтверждаютъ вполне его слова и говорятъ даже гораздо больше. Особенно богато царство минеральное. Золота очень много въ Японіи; но разработка рудниковъ или золотоносныхъ песковъ не совершенна или ограничена благоразумною осторожностью правительства. Серебро рѣдко и находится особенно на сѣверѣ; олово превосходнѣйшаго качества; японская мѣдь славится въ цѣломъ мірѣ; желѣзо изобильно и изъ него приготавливаютъ удивительную сталь; сѣры очень много, и проч. Добываніе жемчуга доставляетъ казнѣ огромный доходъ. Алмазы, топазы и другіе драгоценные камни

не рѣдки. Многія мѣста богаты каменнымъ углемъ, известью, фарфоровой глиной и пр.

Растительное царство представляетъ въ Японіи разнообразную смѣсь произведеній полезныхъ или пріятныхъ. Зибольдъ занимательно описываетъ развитіе растительности въ лучшихъ провинціяхъ имперіи, и такъ обрисовываетъ богатства японской флоры:

«Растительность японскихъ острововъ измѣняется ежегодно четыре раза, по временамъ года, какъ и у насъ, и въ каждую эпоху поля представляютъ новый видъ; но переходъ временъ года отличается отъ такого же перехода въ сѣверныхъ странахъ тѣмъ, что лѣто переходитъ въ осень и осень въ зиму гораздо быстрѣе, чѣмъ зима въ весну. Въ первые дни года, природа, страдавшая отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра и спавшая подъ пеленою снѣга, вдругъ просыпается, и черезъ нѣскольکو недѣль на поляхъ весна. Въ продолженіе февраля, марта и апрѣля много уже цвѣтовъ и полезныхъ фруктовъ. Въ маѣ, дѣятельность человѣка соперничествуетъ съ плодотворностью природы. Берега, завоеванные у лавы, превращаются въ поля, расположенныя амфитеатромъ; ихъ содержатъ точно сады. Такая дробная обработка земли удивляетъ путешественника и приводитъ въ восторгъ. Въ іюнѣ, зелень, темнѣя, показываетъ наступленіе лѣта. Бамбукъ, пальмы, банановыя деревья

развиваютъ въ іюлѣ свою тропическую растительность. Померанцы и разныя ароматическія растенія наполняютъ воздухъ благоуханіемъ своихъ цвѣтовъ. Наконецъ наступаетъ дождливая пора, и съ нею начинаются сельскія работы, приготовляющія новую жатву, которая, однакожъ, не богаче первой. До конца августа, кажется, что растительность остановилась; плоды и сѣмена зрѣютъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ, являются новые, осенніе цвѣты, и опять разцвѣтаютъ весеннія растенія. Это самое благопріятное время для рѣпы, моркови, рѣдьки и картофеля (онъ воздѣлывается Японцами не для себя, а для Голландцевъ, живущихъ въ факторіи). Скоро наступаетъ зима, растительный міръ засыпаетъ, и просыпается не ранѣе первыхъ дней января.

«Сношенія, которыя имѣла Японія въ продолженіе десяти вѣковъ съ сосѣднимъ материкомъ, особенно съ Китаемъ и Кореей, и съ южными островами изъ группы Ліу-Кіу, обогатили ея флору множествомъ экзотическихъ растеній; изъ нихъ иныя полезны, другія только красивы. Поэтому, въ самыхъ многолюдныхъ провинціяхъ, пейзажъ носитъ характеръ иностранный, облагоустроенный могуществомъ искусства. Природа создала въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ храмы и монастыри, прелестные сады, въ которыхъ

растетъ множество азалей, камелій, маку, разныхъ цвѣтовъ, великолѣпныхъ лилій; на берегахъ, гдѣ живутъ бѣдные рыбаки, она поставила рощи каштановыя и дубовыя, которыхъ плоды, пріятные и легкіе (*), питаютъ рыбаковъ, а вѣтви этихъ деревьевъ даютъ тѣнь ихъ скромнымъ жилищамъ. Промышленности нѣсколькихъ поколѣній прекрасная страна обязана настоящею превосходною своею обработкой. Ея апельсины, гранаты, груши, абрикосы, персики и множество растеній, извѣстныхъ въ Японіи подъ именемъ *Varonisa*, — иностраннаго происхожденія; изъ пятисотъ главныхъ растеній, служащихъ для украшенія или на пользу, болѣе половины, навѣрное, вывезены изъ-за-границы».

Не много изучали животное царство въ Японіи, особенно до Зибольда. Мы ничего не имѣемъ, кромѣ общихъ свѣдѣній. Въ японскихъ моряхъ много рыбы; рыба, морскія растенія составляютъ съ рисомъ и другими хлѣбами главную основу пищи Японцевъ. Странные предразсудки мѣшаютъ имъ употреблять мясо весьма многихъ животныхъ.

(*) Да позволятъ намъ усомниться въ пріятности и легкости желудей и каштановъ, которые Зибольдъ выставляетъ здѣсь превосходною пищею. Желудями можно питаться; — но хвалить такую пищу нельзя!

(Прим. Жансина.)

Молоко и масло имѣ не извѣстны. Буйволы и горбатые быки часто встрѣчаются въ Японіи, но служатъ только для земледѣльческихъ работъ или для перевозки тяжестей. Лошадей очень много, и нѣкоторыя породы заслужили справедливую похвалу; но нѣтъ ни ословъ, ни лошаковъ; нѣтъ слоновъ и верблюдовъ; свиней немного; собакъ и кошекъ множество. Изъ дикихъ четвероногихъ встрѣчаются олени и лани, медвѣди небольшого роста, гіены, зайцы, и очень много лисицъ. Лисица пользуется въ Японіи особеннымъ уваженіемъ. Простой народъ вѣритъ, что въ нихъ сидитъ бѣсъ, и есть много сочиненій, въ которыхъ рассказываются баснословныя исторіи о лисицахъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ водятся обезьяны. «Вся страна, говоритъ Кемпферъ, наполнена крысами и мышами». О большихъ плотоядныхъ звѣряхъ не слышно, но Японцы вѣрятъ существованію многихъ фантастическихъ животныхъ или чудовищъ по наружности и по необыкновеннымъ привычкамъ. Между птицами множество породъ, особенно между водяными. Домашней птицы тоже много; она отличается красотою перьевъ; пресмыкающихся мало, за то удивительное разнообразіе породъ насекомыхъ. Кемпферъ входитъ въ подробности, описывая животное царство въ Японіи (Т. I, Гл. X, стр. 107 и слѣд.). Зибольдъ уже напеча-

талъ много любопытныхъ зоологическихъ свѣдѣній, которыя разсѣяны по описанію поѣздки его въ Іедо; но не написалъ еще ничего общаго объ японской зоологіи, а *Фауна* его еще не поступила въ печать.

ОБЩІЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

О происхожденіи японскаго народа историки, филологи и физиологи никакъ не могли согласиться. Японцы считаютъ себя автохтонами и увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ Китайцами. Кемпферъ, Головинъ, Клапротъ, Зибольдъ поддерживаютъ это мнѣніе. Зибольдъ полагаетъ, что Японцы происходятъ отъ татарскаго племени, населяющаго сѣверо-востокъ азійскаго континента; Клапротъ, Кемпферъ и Головинъ не согласны съ нимъ. Головинъ сознается, что вопросъ о происхожденіи затемненъ мракомъ отдаленнѣйшей древности, но увѣряетъ, что Японцы и Курильцы составляли прежде одинъ народъ и что происхожденіе у нихъ одинаковое. Кемпферъ производитъ ихъ отъ Вавилонянъ и заставляетъ путешествовать черезъ всю Азію, по дорогѣ, которую озна-

часть до конца Кореи, а оттуда они легко могли переѣхать на Ниппонъ! Въ тоже время онъ доказываетъ (и гораздо убѣдительнѣе), что между ними поселились выходцы изъ Китая и другихъ странъ, но Японцы существенно отличаются отъ этихъ народовъ, и особенно отъ Китайцевъ, физическими признаками, нравами, языкомъ, первоначальною религіею, и главное, умственнымъ направлениемъ. Истина этого факта обнаружена вполне Клапротомъ и Зибольдомъ. Какъ ни любопытны подробности преній объ этихъ этнографическихъ элементахъ, мы должны ограничиться одними общими свѣдѣніями, и чтобы дать читателю понятіе о нынѣшнихъ чертахъ японской породы, укажемъ на свидѣтельство Зибольда, который наблюдалъ разные классы народа съ точки болѣе ученой и полной, чѣмъ его предшественники. Правда, у насъ передъ глазами только бѣглый очеркъ народонаселенія въ провинціяхъ острова *Kiû-siu*, но авторъ увѣряетъ, что тутъ изображены всѣ различныя черты народнаго характера, а на увѣреніе Зибольда можно положиться.

Онъ дѣлитъ все народонаселеніе на прибрежныхъ жителей, жителей внутреннихъ провинцій и горожанъ, потому что они различаются лицомъ, языкомъ, нравами и характеромъ.

«На берегахъ и множествѣ прибрежныхъ острововъ живутъ рыболовы и моряки, люди низенькіе, но крѣпкіе; кожа ихъ смуглѣе, чѣмъ у прочихъ классовъ. Волосы у нихъ чаще черные, нѣмъ рыжевато-темные, особенно выются у тѣхъ людей, у которыхъ лицевой уголъ очень рѣзокъ (*très prononcé*), губы раздуты, носъ малъ, въ родѣ орлиного; ловкость, постоянство, смѣлость, искренность, недоходящая до дерзости, природная привѣтливость и желаніе угодить, похожее на повиновение: вотъ характеристическія черты прибрежныхъ японскихъ жителей.

«Жители внутреннихъ провинцій въ *Kiyu-юу*, занимающіеся наиболѣе земледѣліемъ, гораздо выше ростомъ; ихъ легко узнать по широкому и приплюснутому лицу, по выдавшимся скуламъ, толстому и придавленному носу, огромному рту, по темнымъ волосамъ, часто принимающимъ рыжеватый оттѣнокъ, и по цвѣту кожи, которая побѣлѣе. У земледѣльцевъ, которые цѣлый день на воздухѣ и на солнцѣ, кожа становится красною; у женщинъ, неподвергающихся атмосферическимъ вліяніямъ, кожа обыкновенно бѣлая и тонкая; на щекахъ молоденькихъ дѣвушекъ даже горитъ яркій румянецъ.

«Это сельское населеніе трудолюбиво, воздержно, набожно и ласково, и потому щедро и гостепріивно. Его природная ди-

кость, умѣряемая съ юности постояннымъ соблюденіемъ формъ туземной учтивости и этикета, не лишена нѣкотораго благородства, и никогда не переходитъ въ грубость, какъ у европейскихъ поселянъ. Напротивъ того, фиценскіе поселяне страдаютъ недостаткомъ, который всегда встрѣчается въ добрыхъ и ласковыхъ людяхъ, они черезъ-чуръ церемонны.

«Рыболовы, породнившіеся съ поселянами, живущими около городовъ, составляютъ нисшій и промышленный классъ городского населенія; у бѣльшей части типъ обѣихъ породъ сохранился до нынѣ, потому что духъ касты допускаетъ только браки, приличные по рожденію и общественному положенію. Впрочемъ, хотя торговля *горожанъ*, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не облагородила ихъ ни въ нравственномъ отношеніи, ни въ физическомъ, однакожъ во всей этой огромной имперіи нѣтъ и слѣдовъ того народонаселенія большихъ европейскихъ городовъ, которое кладетъ пятно на современную образованность.

«Въ городахъ Фицена, какъ во всѣхъ княжескихъ резиденціяхъ и во всѣхъ торговыхъ мѣстахъ Японіи, высшіе классы какъ-будто вылиты въ одну форму, которой прототипъ представляютъ Іедо и Огозака. Трудно найти вельможу, который воспитывался бы не въ

столицѣ сіогуновъ (Sjôgoun), какъ законы повелѣваютъ; большая часть чиновниковъ и офицеровъ у князей образовались въ канцеляріяхъ и во дворцахъ ихъ. Точно также каждый извѣстный негоціантъ получаетъ торговое воспитаніе въ Огозакѣ, самомъ богатѣйшемъ городѣ имперіи, который путешественникъ Тунбергъ, въ 1776 году, называлъ другимъ Парижемъ.

«Мы умышленно не сказали ни слова о Міяко, непремѣнномъ мѣстопробываніи *микадо* или наслѣдственныхъ императоровъ; при дворѣ этой династіи, пережившей двадцать вѣковъ, простота нравовъ, поддерживающая силу способностей и чистоту чувствъ, покровительствуетъ развитію наукъ и искусствъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Міяко стоитъ выше всѣхъ другихъ японскихъ городовъ.

«Нагазаки, одинъ изъ центровъ торговли, сдѣлавшійся уже болѣе вѣка театромъ дѣйствій китайскихъ ростовщиковъ и грубости европейскихъ моряковъ, и посѣщаемый купцами, опытными въ обманахъ, стоитъ гораздо ниже древней столицы по образованности и нравственности.... Въ этомъ городѣ, частыя появленія иностранцевъ имѣли вліяніе на нравы и обычаи жителей. Буддисты отличаются особеннымъ характеромъ въ Нагазаки и во всей провинціи: грубые и гордые, они

не пользуются общественнымъ уваженіемъ. Гоненія на христіанъ въ XVII вѣкѣ, особенно сильныя въ Фиценѣ, возвели этихъ отшельниковъ до высшей степени гордости; но они скоро попали опять въ презрѣніе. Напротивъ того, вѣра нами особенно уважаема въ этой части имперіи, гдѣ уже не осталось и слѣдовъ христіанства».

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ВЪ ЯПОНИИ.

Любопытно видѣть, какія впечатлѣнія получаетъ просвѣщенный наблюдатель при первомъ взглядѣ на Японию и ея жителей. Съ этою цѣлію мы займемъ у Зибольда рассказъ о прибытіи его въ голландскую контору въ *Нагазакки*.

«Послѣ сильной бури, 5 августа 1823 г., на разсвѣтѣ мы увидѣли совершенно разбитый корабль, дрейфовавшій на двухъ якоряхъ. У него не было уже ни мачтъ, ни парусовъ. Сначала мы подумали, что это китайская джонка; подѣхавъ поближе, увидѣли по флагу, означавшему опасность, что корабль японскій. Сила вѣтра В.С.В. отбивала его отъ берега; но мы, не взирая на жестокий вѣтеръ и бѣшенство валовъ, послали шлюпку на помощь несчастнымъ. Нашъ капитанъ самъ захотѣлъ править шлюпкой и

послѣ неимовѣрныхъ усилій успѣлъ достигъ до разбитаго корабля. Японцы встрѣтили Голландцевъ какъ спасителей и, видя невозможность добраться до берега въ разбитомъ кораблѣ безъ мачтъ, рѣшились бросить его и перейти къ намъ. Можно подумать, что въ такомъ бѣдствіи нечего было и разсуждать о способѣ, избавиться отъ совершенной гибели; но, когда мы покороче познакомимся съ характеромъ этого народа, съ его законами, и поймемъ, какая отвѣтственность лежитъ ежеминутно на низшихъ офицерахъ и начальникахъ, то убѣдимся, что надобно удивляться одному: какъ самая несомнѣнная страшная опасность можетъ заставить экипажъ японскаго корабля искать спасенія на иностранной палубѣ! Между тѣмъ, къ намъ подошелъ корабль «Ондернемингъ,» и молодецъ капитанъ его, Лельцъ (Lelsz), лично поспѣшилъ съ своимъ шлюпомъ на помощь Японцамъ. Экипажъ, всего 24 человекъ, размѣстили въ двухъ шлюпкахъ. Спасли нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, какъ-то: рису, соленой свинины, заки (родъ пива или вина изъ риса, единственная водка, извѣстная въ Японіи), немного оружія и платья. Корабль бросили, пробивъ ему дно, по неотступной просьбѣ японскаго капитана. Погибавшіе считались бы важными преступниками, еслибъ корабль ихъ выбросило на бе-

регъ. Слѣдовало ему идти ко дну; въ такомъ только случаѣ могли они искать спасенія въ бѣгствѣ. Всѣ мы стояли на палубѣ и нетерпѣливо ждали, чѣмъ кончится борьба между нашими шлюпками и чудовищными валами, которые грозили поглотить ихъ. Наша шлюпка скоро пристала къ борту, и мы съ живѣйшимъ любопытствомъ принимали странныхъ гостей, по мѣрѣ появленія ихъ на нашей палубѣ. Они учтиво кланялись намъ, но были замѣтно изумлены. Какъ истые матросы, они прежде всего восхищались кораблемъ, который, казалось, смѣялся надъ бурей, разрушившей японскій корабль. Это были первые Японцы, нами видѣнные, и мы не могли не замѣтить, какъ они спокойны, сколько достоинства и осторожности въ ихъ поступкахъ. Ихъ платье, оружіе, утварь, словомъ все, что они успѣли захватить съ собой, привлекало наше вниманіе; мы скоро завели съ ними дѣятельный разговоръ посредствомъ знаковъ. Они тотчасъ же оправились отъ перваго волненія и, повидимому, очень радовались неожиданной перемѣнѣ, случившейся въ ихъ бѣдствіи; но на исхудалыхъ и блѣдныхъ щекахъ можно было прочесть, черезъ какія жестокія испытанія прошли они. Изорванныя платья и отчаянныя лица показывали, что они выдержали страшную борьбу и помнили опасность, отъ которой чудесно избавились. Они

скоро привыкли къ новому своему положенію, принялись за обычныя свои утѣшенія, за *закн* и табакъ, и начали разговаривать между собою съ необыкновенною живостью. Они разостлали циновки на палубѣ; каждый сѣлъ къ своему сундуку, и мы видѣли, какъ они одѣвались. Мы особенно удивлялись, какъ скоро они брѣютъ себѣ волосы. Каждый Японецъ брѣетъ бороду и верхушку головы, кромѣ несчастныхъ случаевъ, напр. если онъ попалъ въ плѣнъ, лишился родственника или друга, и т. п. Въ настоящемъ случаѣ, короткіе волосы, только что вымытые и дыбомъ стоявшіе на макушкѣ, придавали нашимъ Японцамъ довольно дикій видъ. Но тѣ изъ нихъ, которые обрѣзали волосы на маковкѣ, въ жертву благодарности покровителю-божеству, спасшему ихъ отъ смерти, казались скорѣе смѣшными, чѣмъ страшными. По окончаніи туалета, одѣвшись чистенько, наши гости пошли гулять по палубѣ и восхищаться зрѣлищемъ, которое представлялъ имъ новый міръ, европейскій корабль! Каждая вещь обращала на себя ихъ вниманіе и доставляла новую пищу разговору.»

Корабль, съ которымъ погнбли бы эти несчастные безъ помощи Голландцевъ, принадлежалъ князю Сацумы и производилъ торговлю съ островами *Ліу-Кіу*, которые

зависятъ отъ Японіи, и собственно отъ провинціи Сацумы. Надобно замѣтить, что несчастные, отдавшіеся подъ покровительство иностранцамъ, могли бояться не одного случая, что волны выбросятъ корабль ихъ на берегъ. Если бы Голландцамъ пришлось идти немного далѣе Нагазаки, несчастные Японцы, по возвращеніи на родину, попали бы въ тюрьму, подверглись строжайшему допросу прежде возстановленія своихъ правъ, а за продолжительное отсутствіе они непременно лишились бы всѣхъ правъ и даже не считались японскими подданными. Когда европейскіе мореходы приближались къ Нагазаки, любопытство и участіе ихъ были возбуждены въ высшей степени странностію и красотою сцены, которая имъ представлялась.

«Зеленые холмы, обработанные до самыхъ вершинъ, украшаютъ первый планъ, говорятъ Зибольдъ; горы съ смѣлыми очерками и синеватыми пригорками, поднимаются за холмами и ограничиваютъ горизонтъ. Черные, грозные утесы торчатъ изъ волнъ морскихъ; лучи восходящаго солнца играютъ безпрестанно измѣняющимися оттѣнками на крутомъ берегу.

«На гористомъ берегу сосѣдняго острова бѣлые домики стояли между высокими прямыми кедрями; множество жилищъ и хи-

жинъ разбросано на берегу или около залива: все нравится наблюдателю при этомъ первомъ взглядѣ. Мы пораспросили гостей нашихъ и узнали, что бѣлые домики, казавшіеся намъ жилищемъ вельможъ, не что иное какъ анбары, и покрыты мазью изъ известки, добытой изъ раковинъ, для безопасности отъ пожара. Парусныя суда и рыбацкія лодки толпились при входѣ въ заливъ. По зову нашихъ японскихъ гостей, подъѣхало нѣсколько рыбаковъ; они предлагали намъ рыбу такъ ловко и развязно, что мы удивились этимъ прекраснымъ формамъ въ людяхъ такого званія. Они, казалось, съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ предлагали намъ и своимъ соотечественникамъ плоды своихъ трудовъ. Они отказались отъ золота и довольно цѣнныхъ подарковъ, и попросили только пустыхъ бутылокъ. Пустыя бутылки, изъ обыкновеннаго стекла, очень цѣнятся въ Японіи. Эти бѣдные рыбаки были столько обнажены, сколько позволяла пристойность.»

По прибытіи въ бухту Нагазаки, начались притѣсненія, которыми японскіе законы и подозрительные обычаи правительства не напрасно грозятъ иностранцу. Караулы на берегу безпрестанно наблюдаютъ за пріѣзжающими, и едва завидятъ корабль, тотчасъ отправляется къ нему лодка, узнать

объ имени его, мѣстѣ назначенія, числа экипажа и о подобныхъ подробностяхъ; все это производится молча. Капитану прибывшаго корабля подаютъ листъ бумаги, на которомъ написаны вопросы; тотъ пишетъ отвѣты и возвращаетъ актъ, не сказавъ ни слова. Исполнивъ этотъ обрядъ, корабль долженъ ждать новыхъ приказаній, не перемѣняя своего положенія; иначе его примутъ за непріятеля и поступятъ съ нимъ, какъ со врагомъ. Между тѣмъ поспѣшно собираютъ въ сундуки библии, молитвенники, гравюры и книги, словомъ все, что можетъ напомнить о христіанствѣ; сундукъ запираютъ ключемъ и запечатываютъ.

Получивъ отвѣты, губернаторъ Нагазакіи высылаетъ другую шлюпку, для приѣма аманатовъ. Когда ихъ переведутъ въ мѣсто, назначенное для ихъ пребыванія, на корабль является японская депутація подъ предводительствомъ полицейскаго офицера высшей степени, *гобаніози* (*gobanyosi*) (*) и въ сопровожденіи одного или двухъ членовъ голландской факторіи.

Она должна окончательно рѣшить, точно

(*) Фишеръ называетъ его *opper-banjoost*; Тунбергъ называетъ этого офицера *banjos* (вѣроятно *banjos* правильнѣе). Кемпферъ пишетъ *buggioses*; Шарльвуа — *bugie*; мы слѣдуемъ правописанію Зибольда.

ли это одинъ изъ тѣхъ двухъ кораблей, которые по закону имѣютъ право ежегодно приходить въ Япоцію. Если бы какъ нибудь открылось, въ какую бы то ни было минуту, что корабль не тотъ, которому позволено пріѣхать въ Нагазакі, ему приказываютъ немедленно удалиться. Если въ корабль нужны починки или если онъ нуждается въ провизіи, водѣ, дровахъ и проч., все это тотчасъ же дается ему безденежно, для того, чтобы яснѣе показать рѣшимость правительства не допускать никакой торговли (за исключеніемъ особаго изъятія, объявленнаго въ пользу Китайцевъ и Голландцевъ). Преступный корабль не можетъ ни стоять въ заливѣ, ни имѣть сношеній съ берегомъ, развѣ только для полученія необходимыхъ ему припасовъ. Если же дознано, что корабль законный, одинъ изъ двухъ ожидаемыхъ, депутаты факторіи возвращаются на берегъ. Гобаніози обираетъ пушки, оружіе всякаго рода, военные снаряды и пр. Все это, вмѣстѣ съ сундукомъ, гдѣ хранятся священныя книги и прочее, отсылается на берегъ, и будетъ возвращено кораблю въ минуту отъѣзда.

Когда Зибольдъ пріѣхалъ въ Япоцію, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ законности торговаго корабля, но мелкія придирки продолжались нѣсколько времени.

Напримѣръ, переводчики тотчасъ узнали, что Зибольдъ иностранецъ (то есть не Голландецъ) по его выговору, но имъ объяснили, что онъ голландскій горецъ и неправоильность его произношенія и составленія фразъ нисколько не удивительнѣе тѣхъ рѣзкихъ различій, которыя замѣтны въ произношеніи японскихъ жителей разныхъ провинцій.

Переводчики приняли такое объясненіе безъ затрудненій. Потомъ начался допросъ Японцамъ, претерпѣвшимъ кораблекрушеніе; онъ длился долго и касался самыхъ мелочныхъ подробностей. Они успѣли оправдаться, и голландскій корабль, обезоруженный нравственно и матеріально, потому что у него отобрали священныя книги и оружіе, проведенъ японскими шлюпками на мѣсто, назначенное ему внутри залива.

По описанію Зибольда, «заливъ представляетъ привлекательное зрѣлище, которое тѣмъ болѣе оживляется, чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ городу, и разнообразіе окружающихъ предметовъ придаетъ пейзажу еще болѣе прелести. Берега, покрытые красивыми жилищами, плодоносные холмы, храмы, поднимающіеся изъ великолѣпныхъ боскетовъ, волکانическія горы съ разными отгѣнками, вѣчно-зеленые кедръ, дубы, лавровыя деревья на скатахъ горъ, поля, обработанныя

амфитеатромъ надъ пропастями и до самаго морскаго берега, крутой берегъ, смѣющийся надъ бѣшенными усиліями валовъ, все—говоритъ о богатствѣ природы и побѣдахъ чело-вѣческой промышленности.»

Высшій полицейскій офицеръ, имѣющій пребываніе въ Децимѣ (*) (голландской факторіи), наблюдаетъ за нагрузкою и разгрузкою кораблей въ мельчайшихъ подробностяхъ. При немъ осматриваютъ и ощупываютъ ново-прибывшихъ, всѣхъ кромѣ новаго начальни-ка конторы. Это неумолимое правило при-ведено въ дѣйствіе по случаю открытія, что голландскіе капитаны провозили запрещен-ные товары и продавали ихъ съ значитель-нымъ барышомъ. Вотъ какъ Тунбергъ опи-сываетъ это обстоятельство.

«Когда мы увидѣли, что съ берегу отпра-вилась къ намъ лодка, капитанъ надѣлъ шелковый голубой кафтанъ съ серебряными

(*) Фишеръ пишетъ *Decima*, Тунбергъ *Desima*, Ке-феръ тоже пишетъ *Desima* и прибавляетъ: «то есть—передній островъ или лежащій передъ городомъ; ино-гда Японцы называютъ его *Desima-matz*, то есть, ули-ца передняго острова, потому что островъ считается улицей Нагазаки и подчиненъ тѣмъ же правиламъ какъ и улицы въ городѣ. Онъ недалеко отъ города и искусственно устроенъ въ морѣ, которое въ этомъ мѣстѣ не глубоко и наполнено утесами и песками.» — Зибольдъ пишетъ *Desima*; вѣроятно, названіе его ближе всѣхъ подходитъ къ японскому произношенію.

позументами, очень широкій, съ огромною подушкою напередѣ. Платье это уже нѣсколько разъ служило для провоза контробанды, потому-что начальника факторіи и корабельныхъ капитановъ никогда не осматривали. Капитанъ ѣздилъ три раза въ день съ корабля въ факторію и возилъ на себѣ столько товаровъ, что часто два матроса должны были вести его подъ руки. Онъ также надѣвалъ широкіе штаны, и они служили ему не менѣе кафтана. Такіе переѣзды доставляли ему по нѣскольку тысячъ рейхсдалеровъ, за контробанду, которую онъ перевозилъ отъ себя и отъ офицеровъ; но на этотъ разъ капитанъ наряжался напрасно, потому-что ему объявили новое распоряженіе.

«Лодка привезла къ намъ, отъ начальника факторіи, субрекарга и трехъ ассистентовъ; они поздравили насъ съ счастливымъ прибытіемъ, спрашивали о привезенныхъ товарахъ, о батавскихъ новостяхъ и проч.

«Чтобы придать себѣ побольше блеска, мы подняли нѣсколько флаговъ и вымпеловъ.

«Подходя къ двумъ императорскимъ стражамъ, стоящимъ на обѣихъ оконечностяхъ порта, и изъ которыхъ одна называется стражею императора, а другая стражею

императрицы, мы привѣтствовали ихъ пушечными выстрѣлами. Лавируя въ узкомъ и извилистомъ проходѣ, мы наслаждались превосходнымъ видомъ. Мнѣ показалось, что холмы и окружныя горы обработаны до самыхъ вершинъ. Наконецъ, въ полдень прибыли мы на мѣсто, намъ назначенное, гдѣ обыкновенно останавливаются корабли, на ружейный выстрѣлъ отъ города Нагазаки, возлѣ небольшого острова Децимы, гдѣ находится голландская факторія.

«Вскорѣ послѣ отъѣзда прикащиковъ факторія, которые взяли у насъ письма отъ компаніи и частныхъ людей, начальникъ, остававшійся въ Японіи, пріѣхалъ за вновь-прибывшимъ начальникомъ и нашимъ капитаномъ.

«Онъ-то извѣстилъ насъ о новыхъ приказаніяхъ, полученныхъ отъ двора, для прекращенія контробанды:

«1. Капитана и начальника осматривать какъ и прочіихъ (чего прежде никогда не бывало).

«2. Капитанъ долженъ одѣваться подобно прочимъ Европейцамъ; ему запрещается носить кафтанъ, въ которомъ онъ провозилъ контробанду.

«3. Ему предписывалось постоянно находиться на кораблѣ, а если онъ съѣдетъ на

берегъ, то позволялось возвращаться на корабль не болѣе двухъ разъ.

«Губернаторъ Нагазаки далъ послѣднее позволеніе вслѣдствіе просьбъ и угрозъ капитана, который объявилъ, что губернаторъ и правительство будутъ отвѣчать за порчу, какая можетъ случиться въ кораблѣ.

«Эти строгія приказанія послѣдовали потому, что на голландскомъ кораблѣ *Бургъ*, выброшенномъ на японскіе берега, нашли множество контрабандныхъ товаровъ, принадлежавшихъ начальнику, капитану и главнымъ офицерамъ, которыхъ имена были написаны на ящикахъ. Особенно разсердились Японцы, найдя ящикъ, принадлежавшій начальнику факторіи, съ *сомомъ* (*som*) или поддѣльнымъ *гинсенгомъ*, ввозъ котораго строжайше воспрещенъ. Его сожгли передъ морскими воротами.

«Съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, капитанъ нашъ, сообразуясь съ этими приказаніями, снялъ широкій кафтанъ и надѣлъ платье поуже, которое лучше обрисовывало его станъ. Хотя онъ былъ плотенъ, однакожъ Японцы удивлялись его легкости и развязности; они воображали, что голландскій капитанъ непременно долженъ быть страшно толстъ, на основаніи того, что видали прежде».

Однакожъ, не смотря на мѣры, принятія подозрительнымъ и неутомимымъ японскимъ

правительствомъ, многія статьи контробандной торговли, кажется, ввозятся до нынѣ Голландцами въ Японію; сами члены факторіи признаются, что на сушѣ идетъ мѣна запрещенными товарами; а въ Гаагскомъ Музеѣ есть нѣсколько любопытныхъ предметовъ, которые могли поступить туда только вслѣдствіе нарушенія строгихъ правилъ о провозѣ товаровъ. Притомъ же положительно извѣстно, что въ факторіи есть библіи, молитвенники, которые находятся тамъ только по снисхожденію японскаго начальства: этимъ доказывается существованіе контробанды; кромѣ того, это же обстоятельство показываетъ, что тамошнее правительство нѣсколько измѣнило своей чрезмѣрной строгости, въ отношеніи къ христіанской религіи.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что строжайшій досмотръ и неумолимая суровость исключительной системы приняты японскимъ правительствомъ. Слѣдующій рассказъ, занятый у Дефа, Doeff, (начальника децимской факторіи съ 1809 по 1817 годъ), покажетъ, до какой степени система эта абсолютна. Во время управленія Дефа, Англичане, завладѣвъ Явою, пытались основаться въ Децимѣ; но не могли склонить его на уступку, и голландскій флагъ по прежнему развѣвался надъ этимъ

уголкомъ земли, въ то самое время, когда онъ временно исчезалъ въ прочихъ владѣніяхъ, ставившихъ Голландію въ рядъ независимыхъ государствъ.

Чиновникъ, посланный голландскимъ правительствомъ на мѣсто Дефа, кавалеръ Блумгофъ, прибылъ въ 1817 году въ Дециму, и привезъ съ собою молодую жену и новорожденного младенца, съ кормилицею Яванкою. Лейтенантъ корабля послѣдовалъ его примѣру, тоже привезъ свою жену, съ тѣмъ, чтобы на томъ же кораблѣ отослать ее обратно въ Батавію. Блумгофъ хотѣлъ оставить все свое семейство при себѣ въ Децимѣ, во все время своего тамъ пребыванія, то есть, на нѣскольکو лѣтъ! Едва разнесся слухъ о такой небывалой новости въ Нагазаки, какъ по городу распространились изумленіе и печаль. Губернаторъ тотчасъ же объявилъ, что г-жа Блумгофъ не можетъ вытти на берегъ. Дефъ, желая доставить своимъ преемникамъ и всѣмъ членамъ факторіи утѣшеніе въ скупѣ и трудахъ торговаго изгнанія, продолжающаго нѣсколько лѣтъ, и честныя удовольствія семейной жизни, началъ съ этою цѣлію переговоры съ губернаторомъ Нагазаки. Онъ упирался на то обстоятельство, что въ 1662 году, когда знаменитый морской разбойникъ Коксинга разорилъ голландскія заведенія на Формозѣ, жены и дѣти Голландцевъ, спасшихся

въ Японію, были приняты въ Децимъ. Губернаторъ возразилъ, что этотъ примѣръ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ настоящему дѣлу, что въ прежнемъ случаѣ женщины были принуждены необходимостію искать убѣжища въ Японіи, какъ гонимыя, а въ настоящемъ онѣ пріѣхали по собственной охотѣ. Въ первомъ случаѣ японское правительство обязано было оказать помощь несчастію; во второмъ нельзя отыскать такой же причины. Однакожъ, онѣ обѣщали послать докладъ въ Іедо и выставить на видъ прежній случай, приводимый Дефомъ; сверхъ того, онѣ дозволили г-жѣ Блумгофъ, на нѣкоторое время, сойти съ ребенкомъ на берегъ. Но тутъ представилось важное затрудненіе. Всѣхъ выходящихъ на берегъ, безъ изъятія, свидѣлствуютъ и осматриваютъ; исключаютъ только начальника конторы (opper-hoofd). Самъ губернаторъ не можетъ измѣнить этого правила. Дефъ могъ только упросить, чтобы г-жу Блумгофъ осматривали съ соблюденіемъ возможнѣйшей учтивости. Черезъ два мѣсяца получили отвѣтъ отъ двора, отвѣтъ короткій: нельзя! Слѣдовало покориться жестокому рѣшенію, потому-что губернаторъ Нагазаки не смѣлъ отправить новаго доклада. Притомъ же строгость приказа была направлена не противъ Голландцевъ, ни даже противъ иностранокъ. Правительство не допускало толь-

ко лицъ, не принадлежащихъ къ числу торговцевъ. Въ этомъ отношеніи японскіе законы основываются на слѣдующемъ началѣ: никого нельзя впускать въ Японію безъ достаточной причины; поэтому въ Японію не пускаютъ и Голландца, если онъ не принадлежитъ къ законному кораблю или не членъ конторы. Въ 1804 году одинъ офицеръ проводилъ изъ Батавіи въ Японію друга своего, капитана Мюскетье, на кораблѣ *Gesina Antoinetta*; онъ былъ записанъ пассажиромъ и ему запретили выйти на берегъ. Капитанъ былъ принужденъ объявить, что офицеръ принадлежитъ къ экипажу, какъ писецъ или матросъ, и подъ этимъ названіемъ помѣстить его въ списокъ; тогда только позволили ему сойти на берегъ, и такое позволеніе считали снисхожденіемъ Японцевъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ бѣдный мужъ былъ принужденъ свести свою жену, ребенка и кормилицу на корабль, который перевезъ ихъ въ Батавію.

Покажемъ теперь, какое впечатлѣніе произвели на доктора Зибольда первые видѣнные имъ Японцы, какъ тѣ, которыхъ онъ встрѣтилъ внѣ Японіи, такъ и тѣ, которые тѣснились около начальника конторы, въ самыхъ богатыхъ одеждахъ, въ ту минуту, когда новоприбывшіе сходили на берегъ. Всѣ по наружности представляли черты монгольской породы, и отличались косвеннымъ по-

ложеніемъ глазъ; но видъ ихъ не такъ непріятенъ, какъ Монголовъ вообще. Кажется, въ Японцахъ болѣе мускульной и умственной энергіи. Японцы вообще сложенія крѣпкаго, живы, краснолицы. Молодые люди и дѣвушки отличаются мягкою, гладкою кожею на лицѣ; отъ ея свѣжести ихъ красивые волосы кажутся еще чернѣе; голландскіе путешественники особенно восхищаются красотою женщинъ, и Зибольдъ къ сочиненію своему прилагаетъ даже портретъ одной молодой женщины. Впрочемъ тѣ же путешественники сознаются, что походка мужчинъ и женщинъ тяжела и неловка, особенно женщинъ, потому что онѣ безмѣрно стягиваютъ себѣ бедра и тѣмъ портятъ прямизну ногъ.

Обыкновенная одежда обоихъ половъ и всѣхъ классовъ одинакова по формѣ; все различіе въ достоинствѣ и цвѣтѣ матеріи. Одѣяніе состоитъ изъ нѣсколькихъ широкихъ и длинныхъ платьевъ, надѣваемыхъ одно на другое. Платья нисшаго класса изъ холста или коленкора; высшаго класса изъ шелковыхъ тканей, съ фамильными гербами, вышитыми на груди и на спинѣ (*). Платья на талии поддерживаются поясомъ (**).

(*) «Гербы вышиваются иногда на рукавахъ, иногда между плечами (Тунбергъ, томъ II, стр. 144).

(**) «Платья поддерживаются поясомъ, у мужчинъ

Рукава чрезвычайно широки и верхняя часть пригнута такъ, что изъ нея образуются карманъ, служащій въ помощь другимъ карманамъ, наперед и за поясомъ; туда преимущественно кладутъ ценныя вещи. Такимъ образомъ, листы тонкой бѣлой бумаги, замѣняющіе Японцамъ наши носовые платки, сначала носятъ на груди или за поясомъ, а когда запачкаются, поступаютъ въ карманъ на рукавѣ, гдѣ лежатъ до тѣхъ поръ, пока представится случай выкинуть ихъ, не замаравъ дома. Женскія платья отличаются отъ мужскихъ только тѣмъ, что вообще цвѣтъ ярче и матеріи вышиты золотомъ или изящнымъ шитьемъ. Важные люди носятъ шарфъ черезъ плечо; длина шарфа опредѣлена по чину, и служить разрѣшеніемъ важнаго вопроса о поклонѣ: этикетъ требуетъ кланяться высшему лицу такъ, чтобы конецъ пояса коснулся земли. Въ парадныхъ случаяхъ, къ прочимъ платьямъ прибавляютъ еще одно, называемое платьемъ привѣтствія (*habit de compliment*); это родъ плаща особенной фор-

шириною въ ладонь, а у женщинъ въ полъаршина; поясъ обвивается два раза около стана и завязывается бантомъ, съ двумя длинными концами. Женщины завязываютъ огромный бантъ; по его положенію можно отличить дѣвушку отъ замужней: дѣвушки носятъ бантъ на спинѣ, замужнія подъ грудью (Тунбергъ томъ II, стр. 138)».

мы, со сборками на обоихъ плечахъ, очень широкаго; при такомъ плащѣ высшіе сановники носятъ странные панталоны, называемые гаккама (*hakama*); они сшиты изъ огромнѣйшей, собранной юпки, стянутой между ногами. Еслибъ вельможи узнавались только по этимъ панталонамъ, то отличіе ихъ было бы замѣтно только въ торжественныхъ случаяхъ; но существуетъ другой признакъ, по которому всегда можно узнать знатнаго человѣка: онъ имѣетъ право носить двѣ сабли, одну надъ другою, на одномъ боку. Офицеры низшаго разряда носятъ одну саблю; но ни тѣ, ни другіе никогда не снимаютъ оружія. Низшимъ классамъ народа, напротивъ того, запрещено носить оружіе (*).

Что же касается до обуви Японцевъ, то трудно вообразить что нибудь скромнѣе или неизящнѣе: всѣ путешественники въ этомъ согласны. Платя вообще очень длинны, прикрываютъ пятки и хорошо грѣютъ ноги; но простой народъ и солдаты носятъ короткое

(*) Тунбергъ говоритъ въ томѣ II, стр. 285: «одна сабля, та, которая длиннѣе, считается *оффиціальною*; другая есть частное оружіе. Войдя въ комнату и сядя, знатный человѣкъ снимаетъ *оффиціальную* саблю и кладетъ возлѣ себя или передъ собою». Переводчики наши носили по одной саблѣ, а *баніосы* по двѣ, въ качествѣ офицеровъ начальниковъ.

платье, а потому обвертываютъ ноги до колѣнъ холстомъ. Головинъ упоминаетъ о чулкахъ, надѣваемыхъ во время переѣздовъ; они похожи на наши, только съ отдѣльнымъ мѣшечкомъ для большого пальца. Титсингъ увѣряетъ, что достаточные люди носятъ родъ бѣлыхъ носковъ, *та-ни*. Носки поднимаются до лодышки и завязаны сзади двумя лентами. Женщины носятъ *та-ни* круглый годъ. Въ девятый мѣсяцъ, 10-го числа, мужчинамъ позволено являться во дворецъ въ носкахъ.

Иные носятъ льняные носки съ хлопчатобумажными подошвами: они завязываютъ ихъ подъ лодышкой. Башмаки, или правильнѣе сказать, сандалии—самая жалкая часть одежды Японцевъ. Богачи носятъ точно такіе же башмаки, какъ и бѣдные; это просто подошва, плетеная изъ рисовой соломы или изъ разрѣзаннаго тростника, безъ верха и безъ боковъ. Напередѣ прикрѣплена лента изъ рисовой соломы; отъ нея идетъ, между пальцами, другая лента всю длину подошвы и придерживаетъ ее; но обувь безъ боковъ движется то въ одну, то въ другую сторону и производитъ шумъ, похожій на шаркотню нашихъ туфель. При дурной погодѣ, когда много грязи, они носятъ высокія деревянные подошвы съ выемкой по срединѣ. Такія подошвы поддерживаются ремнемъ, а иногда

въ подошвѣ вдѣланъ гвоздь, который захватываютъ двумя пальцами ноги (*).

Впрочемъ, всѣ они снимаютъ обувь, входя въ домъ, и оставляютъ ее передъ дверями или отдаютъ держать служителямъ. Въ комнатахъ они ходятъ на босую ногу, чтобы не запачкать цыновокъ, которые всегда очень чисты (**).

Костюмъ обоихъ половъ особенно различается головнымъ уборомъ. Мужчины бръютъ лобъ и весь черепъ, оставляя полу-вѣнецъ, идущій отъ одного виска до другаго по затылку; эти волосы приподняты, тщательно напомажены и связаны бумажнымъ шарфомъ, такъ что на маковкѣ выходить хохоль.

Трудно описать *парадный* головной уборъ мужчинъ, особенно знатныхъ. Въ особенныхъ случаяхъ они надѣваютъ шапку; шапки эти различны по чину. У иныхъ къ шапкамъ пришиты длинныя шелковыя полосы, которые спускаются до уха. Жрецы-буддисты и доктора бръютъ всю голову. Хи-

(*) Такую же обувь носятъ Индустанцы и другіе восточные народы, особенно въ дождливую пору года.

(**) Старая обувь кучами валяется по дорогамъ и у ручейковъ, гдѣ пѣшеходы останавливаются мыть ноги. Деревенскіе жители собираютъ ее, жгутъ съ каломъ (говоритъ Кемпферъ) и потомъ употребляютъ для удобрения полей.

рурги, напротивъ того, вовсе не брѣютъ волосъ, но завязываютъ ихъ на маковкѣ въ одинъ пучекъ. Мальчики начинаютъ бриться, когда у нихъ показывается борода. Женщины вообще дѣлаютъ тюрбаны изъ своихъ роскошныхъ косъ. Иныя (дѣвушки и служанки) разбираютъ волосы на двѣ стороны и даютъ имъ форму крыльевъ; но всѣ женщины вообще носятъ въ волосахъ цвѣты и ленты. Франтихи украшаютъ голову множествомъ черепаховыхъ булавокъ, богато отдѣланныхъ и съ отличнымъ глянцемъ, длиною отъ пятнадцати до шестнадцати дюймовъ. Иногда булавки замѣняются гребнемъ, тоже черепаховымъ, иногда волосы придерживаются нѣсколькими золотыми или серебряными булавками. Но употребленіе серегъ, кажется, почти неизвѣстно прелестнымъ Японкамъ. Шарльвуа упоминаетъ объ *шолкѣ* (poignon) надъ лѣвымъ ухомъ, на которой виситъ жемчужина или драгоценный камень, и о не большомъ кружкѣ изъ жемчуга, въ каждомъ ухѣ, который придаетъ имъ много прелести! Онѣ румянятся и бѣлятся, и преждевременно разрушаютъ натуральный румянецъ и красоту кожи. Замужнія женщины красятъ губы въкрасную краску; если положить ее неумѣренно, то губы будутъ темно-фіолетоваго цвѣта. Тунбергъ увѣряетъ, что дѣвушки употребляютъ эту же краску для губъ.

Но отличительный признакъ красоты замужней женщины и главный признакъ, что она замужемъ—чернота и блескъ ея зубовъ. Такое странное украшеніе приобрѣтають онѣ (говорить Тунбергъ) посредствомъ порошка особеннаго состава. Есть еще отличіе замужнихъ отъ незамужнихъ: замужнія выдергиваютъ брови.

Мужчины и женщины вообще ходятъ съ непокрытою головою. Во время путешествій и въ дождливую погоду, носятъ родъ шляпы, которая на женщинахъ очень красива. Вѣеръ необходимость въ Японіи; съ нимъ не расстаются ни путешественникъ, ни горожанинъ, ни земледѣлецъ; вѣеръ всегда въ рукахъ богача, бѣдняка, даже нищаго: мужчины, женщины, дѣти, юноши, старики, солдаты, жрецы, судьи, учителя, всѣ съ вѣерами въ рукахъ; если вѣеръ не въ рукавѣ, то заткнутъ за поясъ. На вѣерѣ принимаютъ небольшіе подарки, которые дарятся, по обычаю, при входѣ въ домъ; на вѣеръ щедрая рука благодетеля кладетъ милостыню, когда слышитъ голосъ ниमुщаго; вѣеромъ дѣйствуетъ кокетка, какъ и въ Европѣ. Но онъ въ то же время замѣняетъ учительскія розги и палочку нашего франта. Наконецъ, когда его подносятъ на блюдѣ преступнику, вѣеръ высказываетъ ему грозный приговоръ. Въ ту минуту, какъ преступникъ наклоняетъ голову

къ вѣстнику казни, ее отсѣкаетъ мечъ палача.

Во время путешествія употребляютъ вѣеры, на которыхъ означены дороги, разстоянія станцій, гостинницы, гдѣ можно остановиться, цѣны разныхъ предметовъ потребленія. На дорогахъ дѣти продаютъ за дешевую цѣну книжечки, гдѣ напечатаны такія же подробности. Голландцамъ запрещено покупать эти вѣеры и книжечки.

Одежда путешественника или *деревенская* (*pōfuk*) состоитъ обыкновенно изъ штановъ, короткаго кафтана (*fanden*), плаща (*busuki*), штиблетъ (*kyāfou*), соломенной шляпы, а иногда лакированной (*kasa*), и наконецъ изъ соломенныхъ башмаковъ (*sori*). Сверхъ того, всякой порядочный человѣкъ надѣваетъ саблю, а дворянинъ или военный — двѣ, неравной величины. Такая одежда, въ то же время, солдатскій и полицейскій мундиръ; ее же носятъ *баніози* и воины, составляющіе почетную стражу голландской миссіи. Зибольдъ замѣчаетъ, что приготовленія къ путешествію и одежда бываютъ различны, смотря по цѣли поѣздки и по образу жизни, какой принимается путешественникомъ на время дороги; но все безъ изъятія слѣдуютъ принятымъ обычаямъ съ удивительною аккуратностію.

Мы желали дать только общее понятіе о внѣшнихъ чертахъ, отличающихъ Японца, съ

перваго взгляда, отъ другихъ народовъ. Намъ придется еще говорить о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ изъ этихъ чертъ, когда дѣло дойдетъ до разсказа о нравахъ, обычаяхъ и общественномъ устройствѣ Японскаго народа.

ИСТОРИЯ ГОЛЛАНДСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ

ВЪ ДЕЦИМЪ.

Сношенія, завязавшіяся между этимъ страннымъ народомъ и небольшимъ числомъ Европейцевъ, которыхъ Японія допускаетъ къ себѣ съ цѣлью торговою, должны были пострадать отъ презрительной гордости японскаго характера, отъ подозрительнаго самоуправства и отъ оригинальной цивилизаціи, до такой степени исключительной, что она во всемъ противна общимъ законамъ, которые, по нашимъ понятіямъ, управляютъ родомъ человѣческимъ на пути совершенствованія. Заведеніе Голландцевъ въ Децимъ самый странный памятникъ терпѣнія и торговаго униженія, бесплоднаго постоянства и политическаго самоотверженія.

Для бѣльшей ясности, мы теперь же должны замѣтить, что въ Японіи законодательная и исполнительная власть находится въ ру-

кахъ сановника или князя, котораго всѣ историкѣ, даже до послѣднихъ временъ, называютъ *Кубо* (гражданскій императоръ), отличая его отъ другаго владѣтеля, называемаго *даури* (духовный императоръ); что самое обыкновенное имя этого сановника *сіогуна* или *сіогунъ*; что онъ только намѣстникъ настоящаго императора (*микадо*), котораго дворъ или резиденція называется *даури*, и что японскіе законы и обычаи признаютъ микадо единственнымъ владѣтелемъ имперіи. Объяснивъ это, изложимъ, какъ основались Голландцы въ Японіи.

Соединенныя-провинціи едва задумали забраться на этотъ превосходный архипелагъ (посѣщенный въ первый разъ Голландцами въ 1598 г.) и едва основали заведеніе въ Фирато, какъ въ 1609 году началась междоусобная война, кончившаяся истребленіемъ христіанства. Сіогунъ *Минамото Іеясъ* далъ Голландцамъ въ 1611 (по другимъ, въ 1609 году) по формальному *газюнимъ*, то есть, патенту, утвержденному императорскою печатью *краснаго цвѣта* и подписанному всѣми членами правительства, право торговать по всему пространству имперіи. При патентѣ было приказаніе Японцамъ, помогать и содѣйствовать Голландцамъ сколько возможно; все это было *выражено терминами ясными и очень сильными, и такими же буквами, что было*

имъ очень полезно. Послѣ смерти Іеяса Голландцы просили дворъ возобновить ихъ привилегіи. Этотъ неосторожный поступокъ нисколько не согласовался съ японскими обычаями; Японцы вѣрно соблюдаютъ условія, заключенныя предками. На просьбу ихъ послѣдовало согласіе, и привилегія возобновлена почти въ прежнихъ выраженіяхъ, *но буквами уже не столь благоприятными.*

Начальникъ конторы въ Фирато (Коекеба-скер) старался еще болѣе пріобрѣсти благоволеніе японскаго правительства. Многіе Японцы, обратившіеся къ христіанству, завладѣли крѣпостью Арима, гдѣ ихъ осадили императорскія войска. Кекебакеръ, по желанію японскихъ властей, рѣшился помочь имъ овладѣть крѣпостію, помощію артиллеріи голландскаго корабля, который находился въ это время въ его распоряженіи. Изъ одной части артиллеріи устроили батарею на сушѣ, а другая, подъ предводительствомъ самого Кекебакера, палила съ рейда; литейщикъ и фейерверкеръ отправлены въ Іедо для выливки мортиръ и пушекъ. Такія услуги и многія другія въ томъ же родѣ, оказанныя японскому правительству, должны были, казалось, доставить Голландцамъ покровительство и милость императорскую; но повѣденіе ихъ, разсмотрѣнное важнѣйшими Японцами, чрезвычайно щекотли-

выми на счетъ деликатности и чести, оставило такое непріятное впечатлѣніе, что сношенія Голландцевъ должны были пострадать.

Впрочемъ, Голландцы сами подали японскому правительству новый предлогъ къ самымъ унизительнымъ ограниченіямъ. Кемпферъ наивно расскажетъ намъ, какъ это случилось (*).

«Намъ случилось въ это время строить новый магазинъ въ Фирандо, что весьма увеличило зависть и подозрѣнія Японцевъ и ускорило исполненіе проэкта о перемѣщеніи насъ въ Нагазаки. *Было противно мѣстнымъ обычаямъ возвышать каменное зданіе такъ, что оно болѣе походило на замокъ, чѣмъ на магазинъ.* Еще хуже было то, что на лицевой сторонѣ зданія выставили годъ рожденія Спасителя. Достойный вѣроятія Японецъ, въ частномъ разговорѣ, сказывалъ мнѣ, что при разгрузкѣ одного голландскаго корабля и перенесенія товаровъ на берегъ и въ новые магазины, соскочила крыша съ одного ящика и оказалось, что въ немъ не товаръ, а мѣдъ»

(*) Мы напечатали курсивомъ тѣ мѣста, противъ которыхъ кажется, нельзя, найти возраженія. То-же средство будемъ мы употреблять и въ другихъ случаяхъ, когда намъ придется подкрѣплять слова свои цитатами изъ авторитетовъ, на которыхъ основанъ нашъ рассказъ.

ная мортира. Не беру на себя рѣшить, до какой степени слѣдуетъ вѣрить этому разсказу. Какъ бы то ни было, скоро потомъ получили мы неожиданное приказаніе, подѣ страхомъ смертной казни, разобрать новый нашъ магазинъ, разстаться съ жилищемъ и свободой, которою мы наслаждались въ Фирандо и заключиться какъ бы въ тюрьму въ Децимѣ, что и положило предѣлъ золотому періоду нашей торговли въ Японіи (*).»

Эти строгія и неожиданныя вовсе приказанія объявлены 9 ноября 1640 года начальнику факторіи. (Начальникомъ былъ Франсуа Каронъ, который достоинствами своими изъ самаго низкаго званія достигъ самыхъ важныхъ должностей.) Посолъ *сёгуна*, въ сопровожденіи обоихъ губернаторовъ Нагазаки и многочисленной свиты, прибылъ съ этою цѣлю въ Фирандо. Тщательно осмотрѣвъ все заведеніе и удостовѣрившись въ томъ, что находилось въ магазинахъ и частныхъ домахъ, онъ торжественно объявилъ Голландцамъ, что по сдѣланнымъ вновь открытіямъ факторы соединенныхъ провинцій и Португаліи единовѣрцы, и приказалъ отъ имени императора разрушить новые магази-

(*) Сначала получено приказаніе разобрать магазинъ: потомъ велѣно выѣхать изъ Фирандо въ Нагазаки.

ны и всѣ дома съ означеніемъ христіанскаго лѣтосчисленія (*).

Каронъ, бывшій за годъ передъ тѣмъ въ Іедо, какъ обыкновенно, и принятый благосклонно государственными совѣтниками, вышелъ изъ столицы совершенно довольный (хотя не имѣлъ аудіенціи у сіюгуна подъ предлогомъ, что тотъ болѣнъ) и не предвидѣлъ удара, который поразилъ его и факторію почти смертельно въ самыхъ драгоцѣн-

(*) Рѣчь императорскаго посла въ этомъ случаѣ оказалась намъ до такой степени любопытною, что мы приводимъ ее по тексту, сообщенному г. Шарльвуа: «Грозный императоръ японскій, повелитель и владыка мой, увѣдомился навѣрное, что вы христіане и одной вѣры съ Португальцами. Вы празднуете воскресенье, считаете время съ Рождества Христова, и отмечаете этимъ счисленіемъ дома и всѣ зданія на морѣ и на сушѣ, которыя строите; такъ это имя выставляется передъ глазами нашего народа. Вашъ главный законъ — десять заповѣдей; молитва ваша составлена Иисусомъ и вѣра ваша — вѣра Его учениковъ. Вы обливаете вашихъ дѣтей водою при самомъ ихъ рожденіи и совершаете обрядъ съ хлѣбомъ и водою; книга ваша Евангеліе; Пророки и Апостолы—ваши Святые. Словомъ,—къ чему входить въ дальнѣйшія подробности,—ваша вѣра та же, что вѣра Португальцевъ; если и есть разница между вами, то намъ она кажется очень незначительною. Мы всегда знали, что вы христіане, но видя васъ врагами Португальцевъ и Испанцевъ и зная, что вы противились водворенію ихъ вѣры въ нашей странѣ, мы полагали, что вѣрованія ваши различны. Императоръ узналъ противное, и нарочно прислалъ меня сюда объявить, что вы должны срыть жилища ваши и другія постройки, на которыхъ выставлено имя

ныхъ ея интересахъ. При всей своей гордости, онъ вспомнилъ въ эту горькую мину-ту, какимъ отвѣтомъ Португальцы спасли себѣ жизнь, когда ихъ изгоняли и исключали изъ Японіи навсегда. Онъ отвѣчалъ какъ они: «Приказанія его величества будутъ исполнены въ точности.» Тотчасъ же начали срывать зданія и скоро остались развалины на мѣстѣ жилища и магазиновъ, стоявшихъ большихъ издержекъ (*).

Христа, начиная съ сѣверной стороны (она была кончена послѣ прочихъ); что не должны открыто праздновать день воскресенія, чтобы имя это вышло изъ памяти народной въ Японіи; что отнынѣ капитанъ или начальникъ вашей націи не будетъ жить болѣе года въ Имперіи, чтобы болѣе продолжительное пребываніе не распространило вашего ученія между нами. Помните, что малѣйшее сопротивленіе этому предписанію подастъ несомнѣнный поводъ сомнѣваться въ повиновеніи вашему приказаніямъ императора. Чтоже до будущаго поведенія вашего, то управляющіе сановники Фирандо скажутъ вамъ, что дѣлать».

(*) Государственные совѣтники нѣсколько разъ спрашивали у Карона, не могутъ ли Голландцы снабжать Японію, въ случаѣ изгнанія Португальцевъ, европейскими товарами. Секретари, скрывавшіеся за ширмами, записывали его отвѣты. Начальникъ факторіи получилъ 200 *ман* отъ имени сіюгуна и 30 *ман* отъ государственнаго совѣтника Санникедонно. Фейерверкеръ и литейщикъ получили по 25 такихъ монетъ. Зибольдъ цѣнитъ ихъ каждую почти въ 18 франковъ, а Голландцы называютъ уменьшительнымъ *schuitje*, лодочка, вѣроятно, по формѣ монетъ. Впрочемъ цѣнность такого подарка не важна, а главное — почетный его источникъ.

Въ январѣ 1641 года приказано Голландцамъ продавать всѣ товары въ тотъ же годъ, какъ они привезены, безъ возврата ихъ въ Батавію.

Правда, число привоза не было ограничено, но приказаніе (*продать все* въ теченіе года) ставило факторію въ зависимость отъ туземныхъ спекуляторовъ и японскихъ властей, и почти значило, чтобы на будущее время менѣе ввозить товару. Въ тоже время запретили Голландцамъ, подъ страхомъ смертной казни, бить скотину, носить оружіе, не считая другихъ распоряженій, столькоже притѣснительныхъ и унижительныхъ.

Въ началѣ того же 1641 года Лемерь, преемникъ Карона, поѣхалъ съ подарками ко двору въ Іедо, для принесенія жалобъ отъ имени компаніи. Колоніальное начальство прислало изъ Батавіи настоящій патентъ, данный сіюгуномъ Минамото Іеясомъ. Этотъ актъ доставилъ ему благопріятный отвѣтъ, которымъ (говоритъ Зибольдъ) Голландцы не умѣли воспользоваться *такъ какъ бы слѣдовало*. Сіюгунъ не принялъ посланника, но государственные совѣтники дали ему слѣдующій отвѣтъ: Его величество поручилъ намъ сказать вамъ, что Японской Имперіи не важно, будутъ или не будутъ иностранцы пріѣзжать для торговыхъ дѣлъ; но по уваженію позволенія, даннаго имъ древ-

нимъ императоромъ, онъ позволяетъ Голландцамъ продолжать ихъ дѣйствія и оставляетъ имъ *торговья и другія преимущества, которыми они пользуются*, съ условіемъ переселиться и съ кораблями изъ Фирандо въ портъ Нагазаки.

Съ одной стороны, это объявленіе можно было считать продолженіемъ прежняго патента; съ другой, перемѣщеніе факторіи *казалось удобнымъ*, потому что Нагазаки, по величинѣ и безопасности своего порта, по значительной торговой важности, могъ привлекать много купцовъ изъ *императорскихъ* городовъ. Голландцы цѣнили всю выгоду этой перемѣны, и правительство ихъ выразило желаніе, чтобы складочное мѣсто ихъ торговли было перенесено въ Нагазаки. Можетъ быть даже тайно интриговали съ этою цѣлью при дворѣ въ Иедо или съ губернаторомъ Нагазаки. Какъ бы то ни было, событія показали, какъ *желанная* перемѣна должна была повредить Голландцамъ. Приказъ о перемѣщеніи полученъ 11-го мая 1641 г. и исполненъ черезъ десять дней, и искусственный островокъ Децима открылся для послѣднихъ Европейцевъ, допущенныхъ въ Японскую Имперію.

Генералъ—губернаторъ Фанъ-Дименъ, въ письмѣ къ императорскому государственному совѣту, въ 1642 году, такъ рассказываетъ

о притѣсненіяхъ , которымъ подверглись Голландцы по пріѣздѣ въ это роковое мѣсто.

«Когда мы переселились изъ Фирандо въ Нагазаки, намъ мѣстомъ жительства назначили островъ, гдѣ прежде жили Португальцы. Тутъ за нашими факторами надзирали безпрестанно, и они даже не могли говорить ни съ кѣмъ, какъ бы опасные государству преступники; они видѣли, что съ ними обращались хуже чѣмъ съ Португальцами. За наемъ острова взяли съ насъ пять тысячъ пятьсотъ таэловъ, сумма страшная для нашей торговли (*).

«Намъ запрещаютъ наше богослуженіе на островѣ и на корабляхъ нашихъ, хотя такое притѣсненіе противно древнимъ нашимъ привилегіямъ. Мы принуждены вмѣсто погребенія бросать въ море умершихъ въ факторіи и на корабляхъ, потому что не хотятъ

(*) Мы извлекаемъ этотъ документъ изъ послѣдняго сочиненія Зибольда объ японской торговлѣ (см. *Moniteur des Indes orientales et occidentales*, 1846, часть 1). Но Зибольдъ ошибается, когда говоритъ, что эти 5,500 таэловъ составляютъ двадцать тысячъ франковъ. Готендорпъ, въ своемъ *Взглядѣ на островъ Яву*, замѣчаетъ, что Голландцы въ Децимѣ до сихъ поръ платятъ ежегодно, по силѣ первоначальнаго контракта, по 6,500 *million* или таэловъ за наемъ острова (22,750 фл. монеты нашей, прибавляетъ онъ). Какая цифра вѣрнѣе: вѣроятно зибольдова; но надобно читать, что 5,500 таэловъ составляютъ двадцать тысячъ флориновъ, а не франковъ.

уступить намъ уголка японской земли. Когда корабли наши приходятъ въ Нагазаки, ихъ осматриваютъ до самыхъ мелочей; отбираютъ пушки и военные снаряды, и перевозятъ въ императорскіе магазины. Запечатываютъ паруса на корабляхъ; руль отвозятъ на берегъ и хранятъ до дня отъѣзда. *Во время осмотра и выгрузки, осмотришки безъ всякой причины били палками матросовъ и даже старшихъ офицеровъ, какъ собакъ, что представляетъ важныя затрудненія* (*).

«Моряки содержатся на корабляхъ какъ въ тюрьмѣ; для взаимнаго посѣщенія или перѣзда на берегъ надобно получить позволеніе отъ досмотрщиковъ. Въ противность прежде данной намъ свободы, притѣсненіе про-

(*) Кемпферъ, говоря объ унижительной покорности Голландцевъ въ сношеніяхъ съ Японцами, справедливо воскликнулъ:

...Quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra fames!

Но не одни Голландцы, во многихъ случаяхъ, ставили выше всего торговые интересы свои. Не отыскивая примѣровъ въ прошедшихъ вѣкахъ или упавшихъ народахъ, укажемъ на гордый и могущественный народъ, на Англичанъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, они отвѣчали скромными и почтительными представленіями на обиды и грубости, которыми надѣляли ихъ знатные и незнатные въ Кантонѣ. 1 февраля 1835 года, капитанъ Элліотъ (тогда третій начальникъ англійской торговли въ Китаѣ), несшій китайскому правительству самое справедливое и умѣренное представленіе; былъ

стерли до того, что даже не позволяютъ трубить. Среди такихъ ограниченій, противныхъ нашимъ древнимъ привиллегіямъ въ Японской Имперіи, торговые обороты такъ невыгодны, что уже два года мы терпимъ значительные убытки на товарахъ, которые привезены въ Японію. *Невозможно продолжать наши дѣйствія при такомъ положеніи.*

«Останемся ли мы въ Японіи или придется намъ выѣхать, мы желали бы во всякомъ случаѣ послать на будущій годъ въ Нагазаки знатнаго человѣка, съ нѣкоторыми рѣдкостями, чтобы почтительно откланяться его величеству и ихъ высочествамъ, или принести справедливую дань благодарности, если

схваченъ за воротникъ, брошенъ на землю у воротъ Юламъ (*Julam*); самые низкіе солдаты грозили ему словами и тѣлодвиженіями. Все это происходило 1-го февраля 1835 г., а только въ концѣ 1839 года, Англичане увидѣли необходимость силою взять вознагражденіе за прошедшее и обезпеченіе въ будущемъ!

Прочтите переписку англійскихъ агентовъ въ Китаѣ съ министрами, напечатанную по приказанію парламента — и судите сами!

Заморская торговля, безъ сомнѣнія, дѣло полезное, неизбѣжный результатъ развитія образованности и взаимныхъ нуждъ націй; но надобно признаться, что исторія этой торговли часто оправдываетъ то презрѣніе, которое показываютъ высшіе классы народа въ Китаѣ и Японіи къ духу и жадности европейскихъ спекуляторовъ-торгашей.

удержаны будутъ за нами наши древнія привилегіи. Но, не зная, будетъ ли это желаніе пріятно высшей власти, и будетъ ли нашъ посланный принять по званію своему, просимъ ваши высочества отвѣчать намъ на этотъ предметъ, потому что мы приняли намѣреніе вести себя во всякомъ дѣлѣ по ихъ мудрому указанію».

Черновая бумага, которой копія отправлена къ губернатору Нагазаки съ частнымъ письмомъ, писаннымъ въ выраженіяхъ болѣе энергическихъ, представлена на судъ Семнадцати (такъ назывался индійскій совѣтъ въ Амстердамѣ). Но, кажется, твердая и умѣренная рѣчь Фанъ-Димена, за которою могло послѣдовать уничтоженіе голландской конторы въ Японіи, не понравилась компаніи; члены уговорили генералъ-губернатора измѣнить тонъ переписки съ губернаторами Нагазаки. Притомъ же оба губернатора Нагазаки лично отвѣчаютъ за поведеніе гостей (Голландцевъ), и дѣльныя и основательныя жалобы Фанъ-Димена могли доказать, что губернаторы во зло употребляли власть свою и должны были подвергнуться строжайшему наказанію; по этимъ причинамъ, вслѣдствіе взаимнаго соглашенія въ 1643 году, посланіе государственному совѣту уничтожено. Съ этой минуты, отношенія голландскихъ агентовъ къ японскимъ властямъ нѣсколько улучшились,

и торговля, несмотря на неправильныя и произвольныя ограниченія, дала довольно значительные барыши, особенно мелкимъ торговцамъ (*racotilleurs*), которыхъ компанія допустила. Въ 1671 году торговля находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, особенно въ отношеніи къ размѣрамъ, въ которыхъ была допущена. Но уже японское правительство испугалось быстрого вывоза драгоценныхъ металловъ и даже мѣди. На вывозъ серебра послѣдовало запрещеніе еще въ 1661 г.; потомъ запретили вывозъ золота, ограничили вывозъ мѣди, послѣ многихъ перемѣнъ въ законодательствѣ объ этой отрасли торговли. (Разсказъ объ этихъ перемѣнахъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко) (*).

Съ другой стороны, неблагоразуміе Голландцевъ, интриги и спекуляціи агентовъ обѣихъ націй, соединявшихся для добычи, враждовавшихъ при раздѣлѣ, порча монеты, которой номинальная цѣна, благодаря покорности Голландцевъ, продолжала служить мѣрою официальной торговли, между тѣмъ какъ самая выгодная контрабанда поддер-

(*) Докладная записка одного японскаго князя, государственнаго совѣтника, показываетъ, что около 1710 г., въ теченіе почти ста лѣтъ, вывозъ драгоценныхъ металловъ достигъ до суммы въ два милліарда франковъ, или среднимъ числомъ, почти до 23 милліоновъ фр. въ годъ!

живалась на нея счетъ; множество второстепенныхъ причинъ, запятнанныхъ безпорядкомъ и безнравственностію, — все это вмѣстѣ сократило счастливый періодъ, котораго самымъ полнымъ выраженіемъ была 1671 годъ. Торговля ежегодно упадала, до 1743 года, и нѣсколько поднялась отъ 1745 до 1755. Но въ это время весьма неосторожные поступки опять повредили голландскимъ интересамъ. Японское правительство, не лишая добровольныхъ изгнанниковъ въ Децимѣ своего презрительнаго покровительства, объявило, что имъ предоставляется остаться или уѣхать. Мейланъ называетъ это «тяжкимъ униженіемъ, какого Голландцы еще не испытывали». — «Съ этой минуты, говоритъ Зибольдъ, начинаются неудовольствія и взаимныя обвиненія, происходившія всего чаще отъ мелкой зависти въ выгодахъ; такса на мѣдъ возвышается и упадаетъ по прихоти японскихъ губернаторовъ; а обманы, соединяясь съ частною спекуляціею, все болѣе и болѣе стѣсняютъ голландскую торговлю». Въ то же самое время (1755) самъ директоръ факторіи и капитаны кораблей были осматриваемы *съ ногъ до головы* при входѣ въ контору и при выходѣ изъ нея! Теперь дѣла идутъ не такъ дурно и плачевно, но Голландцы, въ надеждѣ удержать за собою незначительную монополію, рѣшили

вынести величайшія униженія. Это доказы-
вается слѣдующими подробностями:

Децима (дѣ, передній, *цима* или *зима*, островъ) имѣетъ форму вѣера, у котораго отрѣ-
зали ручку. Это—продолговатый прямоуголь-
никъ, котораго длинныя стороны суть части
круга. Кемпферъ говоритъ, что Децима дли-
ною въ 236 шаговъ и шириною въ 82. Зи-
больдъ даетъ ей 624 фута (рейнской мѣры)
на югѣ, 516 на сѣверѣ, 216 футовъ отъ во-
стока до запада, и около 6 футовъ надъ
уровнемъ моря, во время прилива. Базаль-
товая стѣна защищаетъ ее отъ волнъ. На
этомъ маломъ пространствѣ построены дере-
вянные дома голландскихъ чиновниковъ, ихъ
магазины и нѣкоторыя службы. Эти по-
стройки, тѣснящіяся одна возлѣ другой,
даютъ, однакожъ, мѣсто улицѣ довольно
широкой, которая съ ботаническимъ са-
домъ и садомъ факторіи, доставляетъ мѣ-
сто прогулки иностранцамъ, содержимымъ
и охраняемымъ въ Децимѣ. Мачта съ фла-
гомъ стоитъ подъ $32^{\circ} 45'$ сѣверной широты
и $127^{\circ} 31'$ восточной долготы (отъ
лондонскаго меридіана?) Островъ соединенъ
съ городомъ Нагазаки каменнымъ мостомъ,
длиною только въ нѣсколько шаговъ; на
концѣ его — ворота и караульня, гдѣ без-
престанно стоятъ часовые. На сѣверной сто-
ронѣ острова выстроены другія ворота, на-

зываемыя *Водяными*; они открываются только для необходимыхъ сношеній съ голландскими кораблями, находящимися на рейдѣ, и не иначе, какъ подъ присмотромъ полиціи. Ни Голландецъ, ни Японецъ не могутъ пройти въ ворота, безъ особеннаго осмотра. Высокая стѣна мѣшаетъ видѣть изъ города, что дѣлается на островѣ, и съ острова, что дѣлается въ городѣ. Лодки, стоящія по заливу во всѣхъ направленіяхъ и доставляющія ему столько жизни и живописности, видны изъ факторіи, и это движущееся зрѣлище было бы драгоцѣннымъ источникомъ развлеченія для затворниковъ, еслибъ они могли наслаждаться имъ вблизи; но загородка, поставленная на нѣкоторомъ разстояніи въ морѣ и покрытая разными запретительными надписями, не позволяетъ судамъ подходить къ острову. Голландцы не могутъ сходить съ острова безъ дозволенія; Японцы могутъ входить на него тоже только съ особеннымъ позволеніемъ, и то для служенія Голландцамъ (это мы объяснимъ ниже) и въ извѣстные часы дня. Въ факторіи, въ послѣднее время, (въ 1844 году), находилось только шесть Европейцевъ: начальникъ, президентъ или директоръ (*opperhoofd*), называемый японцами *голланда-капитанъ* или *горанда-капитанъ*, смотритель магазиновъ, бухгалтеръ, онъ же писецъ, три ассистента и магазинный

прикащикъ! При Фишерѣ и Зибольдѣ было почти вдвое; стало быть дѣла идутъ все хуже и хуже. Этимъ Европейцамъ служатъ японскіе слуги, но только во время дня. При закатѣ солнца, олужители должны уходить съ острова и являться въ караульню на мосту, чтобы полиція знала, что они возвратились въ городъ. Измѣненіе этому правилу не допускается ни подъ какимъ предлогомъ, ни даже въ случаѣ внезапной и опасной болѣзни Голландца. Уединенные и принужденные служить самимъ себѣ, половину сутокъ, Голландцы нашлись въ необходимости искать средствъ, какъ бы избавиться отъ тяжкаго однообразія и скуки такой жизни. и добыть, посредствомъ денежнаго пожертвованія, помощь и услуги, необходимыя имъ въ печальномъ домашнемъ быту.

Какъ Японецъ не долженъ родиться въ Децимѣ, такъ запрещено ему и умирать тамъ, по крайней мѣрѣ офиціально. Въ случаѣ скоропостижной смерти, вѣроятно, прибѣгаютъ къ *наибонъ*, странному обычаю, по которому отвергается существованіе факта на нѣкоторое время, хотя онъ дѣйствительно существуетъ. Это что-то въ родѣ нашего инкогнито. Но относительно этого закона, какъ и многихъ другихъ, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, и намъ приходится только *предполагать*, вмѣстѣ съ тѣми, которые преж-

де насть изучали и сравнивали свидѣтельства, не предаваясь политическимъ или нравственнымъ комментаріямъ о дѣйствіяхъ японскаго правительства.

Мы уже сказали, что островъ Децима устроенъ подозрительнымъ геніемъ этого правительства, но не слѣдуетъ вообразать, чтобы эта искусственная земля была уступлена Голландцамъ навсегда, или чтобы они могли распоряжаться ею какъ хотятъ, по своему усмотрѣнію. Домъ, гдѣ имъ позволено жить, принадлежать жителямъ Нагазаки, которые и получаютъ страшную плату за наемъ квартиръ (см. выше письмо генераль-губернатора Фанъ-Димена). Голландцамъ позволяется только меблировать жилища по своему вкусу, и выписывать мебель изъ Явы или заказывать по европейскому образцу японскимъ мастерамъ, которые превосходны въ этомъ родѣ работъ и вообще во всякомъ подражаніи; но они работаютъ, сколько хотятъ, и ни за какую прибавку платы не займутся дѣломъ въ часы, назначенные для обѣда или удовольствій. Голландцы не могутъ выбирать сами работниковъ, ихъ назначаютъ японскія власти. Нѣкоторые поставщики также назначены офиціально, и цѣна ихъ товару определена правительствомъ въ 50 и 100 процентовъ выше рыночныхъ цѣнъ, потому что правительство получаетъ часть изъ выручки, для

покрытія издержекъ на охраненіе конторы и надзоръ за нею. Для множества другихъ статей, которыя не запрещены и могутъ понадобиться Голландцамъ, они обязаны относиться къ маклеру или патентованному *закупщику*, который до сихъ поръ носитъ португальское названіе *компрадора* (*comprador*); но за эти покупки не платится деньгами, потому что всякія денежныя сдѣлки запрещены Голландцамъ, и они не могутъ даже имѣть въ рукахъ серебра, превращеннаго въ монету. Грузы ихъ кораблей вручаются японскимъ агентамъ, которые принимаютъ на себя продажу товаровъ, получаютъ за нихъ деньги, покупаютъ на нихъ произведенія для отправки въ возвратъ и подаютъ свои счета начальнику факторіи безъ всякой другой повѣрки. Даже мелкіе торговцы (то-есть, служащіе въ факторіи, которымъ колоніальное начальство дозволяетъ, вмѣсто дополнительнаго жалованья, дѣлать спекуляціи на извѣстныя статьи), даже мелкіе торговцы подчиняются этому правилу, столь стѣснительному и несправедливому въ торговлѣ. Счетъ Голландца съ его поставщиками и закупщиками кончается помощію такихъ ежегодныхъ продажъ. Официальные поставщики, *компрадоры*, японскій медикъ (замѣняющій голландскаго въ случаѣ отсутствія или смерти), японскій хирургъ и дозволенные служители снаб-

жены приличными паспортами, по которымъ они могутъ входить въ Дециму и выходить изъ нея въ законные часы; но каждый изъ нихъ передъ вступленіемъ въ должность, *кровью своею* подписываетъ присягу (*), въ которой обѣщаетъ не входить въ короткое знакомство или дружбу съ Голландцами, не доставлять имъ никакихъ свѣдѣній объ языкѣ, законахъ, обычаяхъ, религіи или исторіи Японіи; словомъ, обѣщаетъ имѣть съ ними только тѣ сношенія, которыя потребуются его должностію. Никто другой (за исключеніемъ чиновниковъ и переводчиковъ японскихъ) не можетъ войти къ Дециму, безъ особеннаго дозволенія губернатора города Нагазаки. Говорятъ, что можно не слѣдовать этому правилу или избѣжать его: для этого надобно (подаривъ взят-

(*) Надобно замѣтить, что въ Японіи присяга принимается весьма часто, во всѣхъ случаяхъ, когда можно предвидѣть какую нибудь отвѣтственность. «Присяга необходима, говоритъ Кемпферъ, когда вступаютъ въ общественную должность, или свидѣтельствуютъ въ частныхъ дѣлахъ, или хотятъ оправдаться, или утвердить частное условіе, и вообще во многихъ случаяхъ. Присяга состоитъ изъ торжественнаго обѣщанія сдѣлать дѣло по формѣ, предписанной законами и учрежденіями имперіи, и всегда кончается заклинаніемъ, которымъ присягающій призываетъ на себя и на голову своихъ родныхъ гнѣвъ и мщеніе боговъ, если измѣнитъ обѣщанію. Присягающій подписываетъ присягу и прилагаетъ печать свою, обмакивая въ чернила, куда пущена капля его крови. Для этого онъ прокалываетъ себѣ палецъ, подъ ногтемъ.

ку кстати) выдать себя за служителя факторіи, а извѣстно, что служители входят на Дециму безпрепятственно.

Строгое исполненіе предписанныхъ правилъ возложено на городское начальство и полицію Нагазаки. Нѣсколько городскихъ офицеровъ, съ достаточнымъ отрядомъ переводчиковъ, всегда находятся на мѣстѣ; имъ даны для жительства особые дома; но имъ нужна только караульная, потому что они смѣняются черезъ сутки.

Переводчики составляютъ въ Нагазаки правильную корпорацію и получаютъ жалованье изъ государственной казны. Считаютъ отъ шестидесяти до семидесяти присяжныхъ переводчиковъ для голландскаго языка (*) и еще болѣе для китайскаго. Факторія китайская выселена изъ города, какъ и голландская, но все таки находится на городской землѣ. Переводчики, состоящіе при одномъ изъ этихъ заведеній, могутъ посѣщать ихъ не по-одиначкѣ, а по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, подъ присмотромъ городского офицера, (Фишеръ называетъ его шпіономъ). По этому случаю можно замѣтить, что японская система основана на шпіонствѣ; однакожь, невѣроятно, чтобы оно производилось открыто. Служителямъ поручено доставлять началь-

(*) При Кемпферѣ ихъ было полтораста.

ству тѣ подробности о поведеніи Голландцевъ, которыя могутъ быть занимательны и нужны; это тѣмъ возможно, что служители понимаютъ и почти всѣ говорятъ по-голландски.

Во время прибытія голландскихъ кораблей и разгрузки ихъ, во время покупки товаровъ, идущихъ въ возвратъ, доставки ихъ на корабли и во время приготовленій къ отплытію, сношенія главнаго начальника факторіи съ губернаторомъ Нагазаки и его чиновниками становятся болѣе частыми, прямыми и сложными; порядокъ, котораго держатся въ этихъ сношеніяхъ со стороны Японцевъ, показываетъ, на сколько уважаютъ Голландцевъ мѣстные власти. Объ этомъ предметѣ писали различно. Зибольдъ утверждаетъ, что начальникъ голландской факторіи и теперь еще подвергается разнымъ обидамъ и униженіямъ; а большая часть Голландцевъ увѣряетъ, что имъ оказываютъ такое уваженіе, какого только можно ожидать въ той относительной зависимости, въ которой они находятся. Зибольдъ, указывая на эти унижающія уступки, приписываетъ ихъ не личной корысти и жадности, а патріотическому чувству, которое усмиряетъ самолюбіе желаніемъ сохранить Голландіи привилегію выгодной торговли. Другіе, напротивъ, вовсе не заботятся объ этомъ торговомъ побужденіи и прежде всего ста-

раются охранить народное и личное достоинство. Намъ кажется, что они совершенно правы, если принять въ соображеніе *факты*, которые мы сейчасъ изложимъ, занявъ ихъ у самихъ Голландцевъ. Между фактами, которые дадутъ читателю возможность рѣшить этотъ вопросъ, одинъ особенно замѣчателенъ; онъ важнѣе всѣхъ прочихъ, и на него мы желаемъ обратить особенное вниманіе. Фактъ этотъ, впрочемъ, касается важнѣйшихъ философическихъ вопросовъ, которые значительнѣе вопроса о болѣе или менѣе незавидномъ положеніи Голландцевъ въ Японіи. Мы хотимъ говорить о *полномъ презрѣніи*, которое оказываютъ торговлѣ всѣ классы въ Японіи, имѣющіе нѣкоторое вліяніе, особенно благородные люди и чиновники, даже и второстепенные. Подъ вліяніемъ такого предразсудка, японскіе начальники не могутъ обращаться съ начальникомъ факторіи, какъ съ равнымъ себѣ: они ставятъ его не выше японскихъ купцовъ, которымъ запрещено носить саблю по японскимъ законамъ. Самый богатый негоціантъ можетъ избавиться отъ этого унижительнаго лишенія только тѣмъ, что выпросить у какого-нибудь дворянина-бѣдняка (которому окажется за то денежныя услуги) позволеніе вписаться въ число его слугъ, и въ *качествѣ слуги* будетъ носить одну саблю. Изъ всѣхъ Голландцевъ, только одному начальнику фак-

торіи дозволено носити *одну* шпагу, да и то въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ. Какъ допустить, чтобы въ Японіи человѣкъ, носящій одну саблю или одну шпагу и то не всегда, а только въ извѣстныхъ случаяхъ, могъ считать себя равнымъ тому, кто имѣетъ право носить *два* сабли, или даже и тому, кто по закону можетъ носить *одну саблю постоянно*?

Ясно, что на этомъ пунктѣ этикета, Голландцы унизили себя довольно; но напрасно и неосновательно предполагали, что будто бы другія ихъ уступки представляютъ еще болѣе униженія.

Мы намекаемъ на упрекъ въ томъ, что будто бы они удержали за собою свои привилегіи, покоряясь волѣ японскихъ начальствъ, которыя принудили ихъ публично попирать ногами самые священные въ религіи предметы. Но ничѣмъ не доказано, чтобы въ какое нибудь время пребыванія въ Японіи Голландцы обезславили себя такимъ непростительнымъ поступкомъ. Пока Японцы могли бояться развитія оставшихся въ Японіи корней христіанства, они строжайше запрещали европейскимъ гостямъ отправлять богослуженіе; но никогда не требовали, чтобы Голландцы отказались отъ христіанскаго вѣроисповѣданія, а еще менѣе того желали напоминать объ истребленіи христіан-

ства публичными періодическими церемоніями. Правда, велики были униженія, наложенныя на Голландцевъ ; удивительно , что они могли вытерпѣть; но можно утвердительно сказать, что упрекъ, о которомъ мы говоримъ , основанъ на клеветѣ. Желая удержаться въ Японіи и избѣжать высылки, которая грозила всѣмъ Европейцамъ, Голландцы рѣшились сказать мѣстнымъ властямъ, что голландская вѣра совершенно отлична отъ португальской и испанской, и императорскій комиссаръ, осматривавшій Фиратовъ въ 1640 г., сказалъ: «а мы думали, что вашъ Христосъ и ихъ Христосъ не одинъ Богъ». Впрочемъ, ихъ поспѣшное повиновеніе всѣмъ жертвамъ, какія отъ нихъ требовались, особенно въ религіозномъ отношеніи, должно было дать дурное понятіе объ ихъ нравственности и заслужить имъ презрѣніе отъ этого народа, въ дѣйствіяхъ котораго характеристическая черта—уваженіе къ закону. Ниже мы будемъ говорить о обстоятельствахъ, сопровождавшихъ уничтоженіе христіанства въ Японіи, и объ отреченіи отъ него, нынѣ требуемомъ не отъ горсти Европейцевъ, которые заброшены въ уголокъ Имперіи, а отъ значительнаго числа японскихъ подданныхъ. Теперь дополнимъ, сколько возможно, описаніе отношеній, существующихъ въ Децимѣ между японскими властями и Голландцами. Мейланъ , бывшій

начальникъ конторы, менѣе всѣхъ другихъ увеличиваетъ почести; отданныя ему по этому званію, и считаетъ важнымъ преимуществомъ обычай, по которому главный полицейскій офицеръ Нагазаки и гражданскій начальникъ города, имѣя дѣло къ начальнику факторіи, всами приходятъ къ нему, а не требуютъ къ себѣ въ судъ (на островъ). Вотъ какъ онъ описываетъ такой офиціальный визитъ:

«Въ такомъ случаѣ, orperhoofd (начальникъ факторіи) готовится къ принятію благородныхъ гостей, приказываетъ разложить коверъ, поставить на столъ варенья и ликёры, которые предлагаются въ удобное время. Онъ долженъ ждать у дверей своихъ появленія японскаго сановника, и когда тотъ сядетъ по своему обычаю, на пятки, то и начальникъ факторіи садится такимъ же образомъ на коверъ и кланяется два или три раза, нагибая голову къ самому полу: это называется «дѣлать привѣтствіе».

«Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, потому что во всей Японіи знатные люди принимаютъ другъ-друга и кланяются такимъ образомъ, но вотъ въ чемъ унижительное различіе: у Японцевъ такое привѣтствіе взаимно, а при свиданіи Голландца съ Японцемъ (чина *гобаніюзи*) (*), послѣдній не отдаетъ по-

(*) Зибольдъ увѣряетъ, и прочія свидѣтельства съ

клона Голландцу, который долженъ быть доволенъ, если ему кивнуть головою.»

Это тѣмъ замѣтнѣе новоприбывшему въ Де-циму, что онъ видитъ между Японцами чрезвычайную вѣжливость, даже слишкомъ церемонную, въ которой они не уступаютъ даже Китайцамъ. Не менѣе важно и то замѣчаніе, что никогда высшій японскій чиновникъ не заговоритъ *прямо* съ Голландцемъ, но всегда черезъ переводчика. Можно подумать, что незнаніе языка служитъ тутъ неотразимымъ препятствіемъ и встрѣтившіеся люди не могутъ начать разговоръ безъ помощи переводчика, но не въ этомъ заключается настоящая причина, потому что многіе начальники конторы, прилежно изучая японскій языкъ, легко на немъ объяснялись; нѣкоторые рѣшались даже начать разговоръ *прямо* съ высшимъ Японцемъ, безъ пособія переводчика, но *безъ пользы*: сановникъ притворялся, что ничего не понимаетъ, и указывалъ на переводчика, какъ на неизбѣжнаго проводника, черезъ котораго должны были проходить слова Голландца. Изъ этого мы видимъ, что и

нимъ согласны, что *gobanyosi* или высшій японскій полицейскій офицеръ нисколько не принадлежитъ къ числу высшихъ чиновниковъ. Гражданскій начальникъ города или бургомистръ, вѣроятно, не занимаетъ такого важнаго мѣста въ чиновной іерархіи, какъ утверждаютъ Голландцы.

тутъ главное дѣло—вопросъ объ этикетѣ, вопросъ, рѣшенный Японцами не въ пользу Голландцевъ (*). Мы еще болѣе утверждаемся въ этомъ мнѣніи тѣмъ, что чѣмъ выше чиновникъ, тѣмъ болѣе вырастаетъ число *посредниковъ*, напр. когда губернаторъ Нагазаки принимаетъ начальника конторы, то говоритъ своему секретарю, секретарь переводчику, переводчикъ начальнику Голландцевъ; отвѣтъ его переводчикъ опять передаетъ секретарю, а секретарь губернатору.

Начальникъ факторіи бываетъ два раза въ годъ у губернатора Нагазаки; разъ для представленія ему *фассака*, то есть, ежегоднаго подарка, присылаемаго отъ колоніальнаго начальства; въ другой разъ, при отходѣ кораблей. Оффиціальныя разговоры при этомъ случаѣ опредѣлены заранее и никогда не измѣняются. Мейланъ передалъ намъ и вопросы и отвѣты.

(*) Изъ словъ самыхъ просвѣщенныхъ путешественниковъ и изъ свѣдѣній, которыя лично сообщилъ г-ну Жансины одинъ Голландецъ, долго жившій въ Японіи и человекъ очень образованный, можно заключить, что здѣсь дѣло идетъ не только о вопросѣ объ этикетѣ, наблюдаемомъ съ Голландцами, но и объ *общемъ правилѣ*, по которому запрещено всякому японскому офицеру (за исключеніемъ присяжныхъ переводчиковъ) понимать *оффиціально* европейскіе языки, равно запрещено *понимать* иностранца, который заговоритъ съ нимъ по-японски.

Вотъ разговоръ при представленіи Фассакка (*):

Начальникъ конторы. — «Съ особеннымъ удовольствиемъ вижу, что его превосходительство, господинъ губернаторъ, находится въ вождѣльномъ здравіи, и прошу его принять мое поздравленіе. Также я долженъ благодарить его превосходительство за помощь, которую онъ продолжалъ оказывать Нидерландцамъ въ дѣлахъ ихъ торговли въ нынѣшнемъ году, и потому предлагаю его превосходительству, отъ имени генераль-губернатора Батавіи, подарки по обычаю, уже исключенные въ представленномъ мною спискѣ.»

Губернаторъ. — «Мнѣ очень пріятно видѣть голландскаго капитана (*horanda capitan*) въ добромъ здоровьѣ; поздравляю его и съ здоровьемъ и съ счастливымъ заключеніемъ торговыхъ дѣлъ, и съ благодарностію принимаю предлагаемый мнѣ подарокъ, по древнему обычаю, отъ имени высшаго управленія Батавіи. Время, назначенное отплытію кораблей, приближается, и потому капитанъ

(*) Такіе подарки японское правительство считаетъ не дарами, а *податью* или данью. *Фассакъ*, по китайски *ра-зо*, значитъ первый день восьмага мѣсяца. Въ это время чиновники, служащіе въ Нагазаки, вносятъ плату съ своего жалованья, то есть, вычитъ изъ жалованья въ пользу императорской казны. См. Зибольда т. I стр. 234.

заботится, чтобъ они были скоро изготовлены, и когда корабли будутъ дѣйствительно готовы, капитанъ извѣститъ губернатора».

Начальникъ конторы. — «Его превосходительство дѣлаетъ мнѣ честь, принимая предложенные подарки. Я постараюсь, чтобъ корабли скоро были приготовлены къ отплытію, а какъ они будутъ готовы, не премину извѣститъ губернатора.»

Тутъ и кончается аудіенція. Начальникъ факторіи переходитъ въ другую залу и проситъ позволенія привѣтствовать губернаторскихъ секретарей частнымъ образомъ. Входятъ секретари и послѣ обычныхъ поклоновъ или *комплимента* президентъ говоритъ:

«Я счастливъ, что вижу господъ секретарей въ добромъ здоровьѣ, и благодарю за то, что имъ угодно было заняться нашими торговыми дѣлами.»

Первый секретарь отвѣчаетъ, отъ своего собственнаго имени, и отъ имени товарища:

«Мы очень рады видѣть голландскаго капитана въ добромъ здоровьѣ и надѣмся, что онъ будетъ здоровъ.»

На аудіенціи передъ отплытіемъ кораблей говорятъ:

Начальникъ конторы. «Прошу его превосходительство принять пожеланіе добраго здоровья, и имѣю честь извѣститъ, что послѣ завтра, 20 числа, корабли, готовые къ от-

плытію, при содѣйствіи его превосходительства, отправляются въ Папенбергъ и тамъ станутъ на якорѣ (*).»

Губернаторъ.—«Радъ узнать, что корабли готовы къ отплытію и капитанъ позаботится, что бы они отплыли 20 числа. Теперь я прочту императорскія приказанія, дабы капитанъ зналъ, что остается ему дѣлать: слушайте!»

Начальникъ конторы—«Благодарю его превосходительство за позволеніе на отплытіе кораблей и готовъ выслушать императорскія приказанія».

(*) Императорскимъ приказомъ повелѣно голландскимъ кораблямъ, будутъ или не будутъ они готовы, выходить изъ рейда Нагазаки въ двадцатый день девятого японскаго мѣсяца. Однакожь, они могутъ подождать попутнаго вѣтра, остановившись у Папенберга (такъ называется островъ въ память папистовъ, то есть португальскихъ монаховъ, которые сброшены съ утесовъ этого моря во время гоненія христіанъ). Прощальная аудіенція бываетъ 18 числа. День отъѣзда назначается губернаторомъ и приказъ его долженъ быть немедленно исполненъ «хотя бы при противномъ вѣтрѣ и въ сильнѣйшую бурю (говоритъ Тунбергъ).» Можетъ быть, слова Тунберга нѣсколько преувеличены, но извѣстно, что даже въ дурную погоду корабли должны идти, для чего ихъ тащатъ сотни японскихъ лодокъ, при пѣсняхъ гребцовъ; это представляетъ самое странное и самое живописное зрѣлище. Порядокъ и согласіе въ этой операціи часто возбуждали удивленіе путешественниковъ, и особенно моряковъ. (См. Описаніе Крузенштерна, Томъ 1, стр. 350).

Губернаторъ читаетъ бумагу на японскомъ языкѣ, а переводчикъ повторяетъ его слова по-голландски. Вотъ смыслъ этого документа: Если Голландцы желаютъ продолжать торговлю съ Японіею, то не должны ни привозить никого постороннихъ въ Нагазаки, ни входить въ сношенія съ Португальцами; а если узнаютъ о какихъ злыхъ умыслахъ Португальцевъ противъ Японіи, то обязаны извѣстить губернатора Нагазаки. Они должны оказывать уваженіе китайскимъ судамъ, имѣющимъ позволеніе приходить въ Японію, и къ судамъ острововъ *Miu-Kiu*, потому что эти острова находятся въ зависимости Японіи.—По окончаніи чтенія, офиціальный разговоръ продолжается:

Губернаторъ.—«Строго соображайтесь съ императорскими приказаніями; кромѣ того, капитанъ потребуетъ отъ остающихся Голландцевъ, чтобъ они вели себя хорошо.»

Начальникъ конторы.—«Буду вѣрно сообразоваться съ императорскими приказаніями, которыя мнѣ теперь объявлены, и сообщу ихъ высшему правительству въ Батавіи. Потребую отъ Нидерландцевъ, остающихся въ Децимѣ, чтобъ они вели себя хорошо».

Послѣ приведенныхъ нами фактовъ, можно составить довольно вѣрное общее понятіе о жизни въ Децимѣ. Мы уже замѣтили, что Японецъ не можетъ умереть тамъ

официально. Голландцы могут умирать сколько угодно; во времена фанъ-Димена могилою имъ служило море, но теперь для кладбища факторіи дали участокъ земли, принадлежащій одному храму въ Нагазаки. По странной противоположности съ другими полицейскими мѣрами, которыя тяготѣютъ надъ децимскими узниками, съ Голландцами въ этомъ случаѣ поступаютъ какъ будто они Японцы. Умершаго Голландца хоронятъ не по обряду христіанскому, а съ тѣми же церемоніями, которыя подобаютъ подданному японскаго императора. Жрецы храма, къ которому принадлежитъ кладбище, заботятся о погребеніи чужеземца, какъ будто онъ ихъ соотечественникъ и единовѣрецъ. Факторія платитъ ежегоднымъ приношеніемъ въ храмъ, который защищаетъ послѣднее жилище ея членовъ, имѣвшихъ несчастье умереть на роковомъ островѣ Децимѣ! Стало быть, въ отношеніи къ уваженію мертвыхъ, котораго прежде не существовало такъ же, какъ и къ живымъ, произошла счастливая переменѣна (даже со временъ Тунберга, см. его пут. томъ II, стр. 27); но едва ли нынѣшняя жизнь въ Децимѣ не оправдываетъ вполне словъ Тунберга, сказанныхъ назадъ тому 72 года:

«Заживо сходить въ могилу Европейецъ, осужденный на житье въ этомъ уединеніи.

Въ удаленіи отъ всего, что происходитъ на сценѣ міра, онъ пресмыкается въ полнѣйшемъ нравственномъ ничтожествѣ. Уму нѣтъ пищи, воля уничтожена; самое умное дѣло отбросить всѣ разумныя способности и сблизиться въ понятіяхъ съ туземцами, которые избавляютъ отъ труда начальствовать и дозволяютъ только повиноваться».

Таково положеніе Голландцевъ на Децимѣ; жалѣйте о нихъ или нѣтъ, какъ угодно! Такой постоянный плѣнъ, такое однообразіе растительнаго существованія, иногда перерываются, по крайней мѣрѣ для иныхъ плѣнниковъ, разными случаями, которыми мы должны заняться. Во первыхъ, всякому члену факторіи позволено просить позволенія на посѣщеніе города Нагазаки и его окрестностей. За двадцать четыре часа, онъ долженъ представить просьбу губернатору, черезъ переводчика. Губернаторъ рѣдко отказываетъ, или вѣрнѣе сказать, никогда не отказываетъ, но даетъ позволеніе съ условіемъ: за несчастнымъ Голландцемъ будутъ ходить нѣсколько полицейскихъ офицеровъ и компаньонъ, которому исключительно поручается закупать все, на что веселящійся членъ факторіи можетъ изъявить желаніе во время своей прогулки. Эти необходимые спутники ведутъ за собой всю свою челядь, такъ что малѣйшая прогулка тянетъ за собою двадцать

*

пять или тридцать человѣкъ. Понятно, что прогулка, при такихъ условіяхъ, не совсѣмъ пріятна, особенно если принять въ соображеніе несносную свиту японскихъ уличныхъ мальчишекъ, которые безотвязно преслѣдуютъ группу съ иностранцемъ, крича все время: *Горанда! Горанда! (Голландецъ! Голландецъ!)*. Притомъ же, каждый японскій офицеръ, сопровождающій высвободившагося плѣнника, позволяетъ себѣ приглашать на прогулку столько друзей, сколько ему покажется приличнымъ, и бѣдный Голландецъ непремѣнно обязанъ угощать всѣхъ приглашенныхъ! Онъ ничего не выиграетъ, если пригласитъ къ себѣ въ товарищи другаго члена факторіи, потому что на двухъ Голландцевъ назначается двойная порція конвоя; стало быть, и число приглашенныхъ конвойными увеличится вдвое.

Цѣль такихъ поѣздокъ всегда одинакова; гуляютъ по улицамъ Нагазаки, заглядываютъ въ окрестности, посѣщаютъ храмъ, гдѣ приказываютъ подать себѣ угощеніе, или заходятъ въ главнѣйшіе чайные дома. Надобно же пройти черезъ городъ; поэтому мы расскажемъ его достопримѣчательности.

Нагазаки расположенъ на скатѣ холма, какъ всѣ японскіе города; онъ построенъ правильно; у cadaго дома большой или маленькій садъ, почему общій видъ города прекрасенъ.

Дома вообще низки. Въ каждомъ не болѣе одного этажа, гдѣ можно жить; надъ нимъ чердачекъ; въ иныхъ домахъ есть подвальный этажъ, который можетъ служить амбаромъ, но его прямое назначеніе — возвысить ту часть дома, гдѣ живутъ. Высота фасада и число оконъ опредѣлены закономъ. Дома всѣ деревянные и по большей части скрѣплены смѣсью кирпичной глины съ рубленой соломой. Снаружи стѣны обмазаны цементомъ, и похожи на каменные. Въмѣсто стеколъ въ окнахъ очень тонкая и крѣпкая бумага; она пропускаетъ довольно свѣта для освѣщенія комнатъ, но съ улицы ничего не видно. Окна, выходящія на улицу, прикрыты ставнями и жалузи; на иныхъ только однѣ ставни. Домъ всегда окруженъ *варандомъ* или галереей, которая соединяется со всѣми комнатами. (*) Фасадъ важнѣйшихъ японскихъ жилищъ занятъ большимъ портикомъ, гдѣ лежатъ паланкины, зонтики, обувь гостей; тамъ же сидятъ слуги, люди, имѣющіе нужду до хозяина дома, и пр. Портникъ имѣетъ сообщеніе со службами и со всѣми пристройками дома. Семья занимаетъ заднюю часть дома, лежащую къ саду. Эта часть дома

(*) У Шарльвуа есть подробное описаніе устройства хорошенькаго японскаго домика и сада, томъ I, стр. 40 и слѣд. Въ атласѣ Зибольда есть изображенія японскихъ домовъ.

имѣетъ форму треугольника, которая доставляетъ ей болѣе воздуха, свѣтла, и притомъ веселѣе другихъ. Садъ, какъ бы малъ ни былъ, всегда представляетъ цѣлый пейзажъ въ миниатюрѣ, съ утесами, горами, озерами, деревьями, водопадами; въ немъ всегда храмъ для домашняго семейнаго богослуженія. Такое уменьшенное подражаніе красотамъ природы можетъ показаться намъ смѣшнымъ; но множество такихъ садовъ доставляетъ городу самый живописный видъ.

Самый скромный владѣлецъ земли хочетъ имѣть такой садъ; и за неимѣніемъ мѣста, садить въ горшки красивыя или рѣдкія растенія и цвѣты, которымъ японскіе садовники умѣютъ придать самыя странныя формы; они даже сокращаютъ ростъ растенія, не лишая его, однакожъ, способности доставлять сѣмена (*).

Однакожъ, иногда мѣстные обстоятельства, нужды и средства семействъ измѣняютъ форму строеній. Около рынковъ на большихъ улицахъ, гдѣ безпрерывно встрѣчаются магазины и лавки, дома стоятъ одинъ возлѣ другаго, и садовъ нѣтъ. Иногда нѣсколько

(*) Такіе фокусы въ цвѣтоводствѣ также въ большой модѣ въ Китаѣ; очень можетъ быть, что Китайцы и распространили эту страсть въ Японіи; но Японцы превзошли своихъ учителей, если вѣрить путешественникамъ.

домовъ. построены такъ, что между ними садъ, принадлежащій къ одному дому или ко всѣмъ вмѣстѣ. Всѣ выигрываютъ отъ такого расположенія, какъ въ гигиеническомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ удовольствию. Въ этомъ случаѣ, задняя часть домовъ не вездѣ бываетъ треугольная.

Всего замѣчательнѣе въ домашней архитектурѣ то, что при каждомъ жиломъ строеніи есть особый *сохранный магазинъ*, отдѣльно стоящій отъ главнаго корпуса; мысль о такихъ магазинахъ внушена частыми пожарами въ Японіи и отчасти страхомъ мошенничества (хотя воры вообще рѣдки.) Магазины почти всегда деревянные, какъ и дома, но крѣпче, и видъ ихъ такъ хорошъ, что Зибольдъ, увидавъ эти постройки, принялъ ихъ за господскія жилища.

Кажется, что число магазиновъ увеличивается по состоянію хозяина, и тогда каждый магазинъ имѣетъ свое особенное назначеніе. Тотъ, гдѣ хранятъ золото, серебро и драгоценныя вещи, построенъ крѣпче и оберегается лучше, чѣмъ тѣ, гдѣ лежатъ хлѣбъ, провизія или товары. Магазины выстроены изъ толстыхъ бревенъ, изъ какихъ не строятъ домовъ. Промежутки наполнены камнями и кирпичами, соединенными цементомъ, и покрыты слоемъ обмазки, такъ, что стѣна выходитъ въ два фута толщины. Крыша ма-

газиновъ обмазана съ особеннымъ тщаніемъ и покрыта толстыми черепицами. Зданіе вообще въ два этажа; въ немъ дѣлають нѣсколько отверстій или оконъ, для воздуха и свѣта; но каждое отверстіе закрывается мѣдною ставнею. Огромный сосудъ, наполненный жидкою грязью, всегда стоитъ близъ магазина или у дверей; въ случаѣ пожара, это простое лекарство набрасывается на ту часть, которой угрожаетъ опасность; такіа мѣры производятъ самое благопріятное дѣйствіе, и сохранные японскіе магазины не истребляются пожарами. Президентъ Дэфъ, описывая пожаръ, который въ его время истребилъ одиннадцать улицъ въ Нагазакі, замѣчаетъ, что ни одинъ магазинъ не сгорѣлъ. Однакожъ, ипогда случается, когда магазины выстроены возлѣ самыхъ домовъ, что дерево обугливается и магазинные запасы истребляются или остаются сильно поврежденными. Обыкновенные магазины называются *кура* или *киура*. Въ старину строили съ тою же цѣлію подземелья, которыя назывались *дозоо* или *анагура*; но теперь ихъ не строятъ.

Вернемся къ прогулкѣ голландскихъ узниковъ. — Когда выйдешь изъ города, зрѣлище полей такъ богато и разнообразно, живописные виды смѣняются съ такою быстротою, съ своими горами, долинами, землей, небомъ

и моремъ, что зритель, предаваясь созерцанію этой чудной панорамы, совершенно забываетъ, что находится подъ надзоромъ. Впрочемъ, сами Японцы очень любятъ изящную природу и легко восхищаются прелестными перспективами, которыя представляетъ страна. Эта врожденная страсть Японцевъ доказывается умѣньемъ ихъ выбирать для храмовъ превосходнѣйшія мѣстоположенія. Такихъ храмовъ около шестидесяти въ небольшомъ кругу около Нагазакіи. Всѣ построены очень просто и безъ украшеній. Они, какъ и простые дома, обнесены галереей, и около главнаго зданія бываетъ по нѣскольکو маленькихъ храмиковъ или часовень. Цные храмы буддистовъ, другіе принадлежатъ религіи *синтоо* или *шіяинъ*. Послѣдніе храмы называются *мія*, а буддистскіе—*тера*. Храмы всегда стоятъ на горахъ, и при каждомъ садъ, изъ котораго видъ великолѣпный. Въ эти сады обыкновенно собираются люди, желающіе повеселиться. Большія залы, непосвященныя богослуженію, говоритъ Зибольдъ, отдаются въ наймы путешественникамъ японскими жрецами, для веселья, пировъ и даже оргій. Новѣйшія извѣстія (*) удостоверяютъ, что оргіи очень рѣдки и составляютъ необыкновенное исключеніе.

(*) См. *Chinese Repository*, часть IX, стр. 471 (1840).

Нерѣдко даютъ путешественникамъ, и особенно богомольцамъ, убѣжище въ храмахъ; но отдаютъ въ наймы отдѣльныя залы, для увеселеній, только въ случаѣ праздниковъ. Притомъ же въ Японіи *ша-я* или чайные дома (тоже, что наши *кафѣ*) находятся не въ самыхъ храмахъ, а по близости ихъ.

Также надобно замѣтить, что жрецы секты *синтоо* всѣ женатые и не живутъ внутри своихъ храмовъ, да и буддистскіе жрецы тоже часто не живутъ въ храмахъ своихъ. — Голландецъ, допущенный въ Нагазаки, обязанъ угощать свою офиціальную и дружескую свиту. Мѣстомъ пира почти всегда избирается одинъ изъ храмовъ. По счастью, путешественникъ не всегда долженъ распоряжаться самъ; случается, что иногда надзирающіе за нимъ полицейскіе офицеры позволяютъ ему прогуливаться съ однимъ переводчикомъ, входить въ лавки и дѣлать покупки *наибонъ*, то есть инкогнито, пока веселые друзья пируютъ на его счетъ. Въ этихъ случаяхъ, сходка назначается въ одномъ изъ тѣхъ привилегированныхъ чайныхъ домовъ, гдѣ можно пить, слушать музыку, смотрѣть на танцы и предаваться разнымъ удовольствіямъ.

Число подобныхъ *чайныхъ домовъ* въ Японіи превосходитъ всѣ наши европейскія предположенія. Голландскіе путешественники го-

ворять, что въ одномъ Нагазаки, гдѣ отъ 60 до 70 тысячъ жителей, семьсотъ пятьдесятъ чайныхъ домовъ (*).

Какова бы ни была цѣль дозволенной прогулки, Голландецъ долженъ возвратиться въ Дециму до заката солнца. Ничто не можетъ избавить его отъ исполненія этого предписанія; да и быть иначе не можетъ, потому что ворота въ Дециму запираются при закатѣ солнца и отпираются только утромъ. Если Голландецъ захочетъ сдѣлать визитъ знакомому въ городѣ или принять приглашеніе отъ нагазакскаго жителя, то обязанъ получить на то особенное позволеніе, безъ котораго нельзя ему дерзнуть войти въ частный домъ. Также необходимо ему особое дозволеніе, если онъ хочетъ присутствовать при церемоніи или посмотрѣть зрѣлище. Въ просьбахъ такого рода почти никогда не бываетъ отказа; но иногда прибѣгаютъ къ японскому наибону (инкогнито), если хотятъ удовлетворить невинному любопытству, не вводя никого въ опасную или возможную отвѣтственность.

Между немногочисленными развлеченіями,

(*) Въ 1826 году Зибольдъ считалъ въ Нагазаки только 35 тысячъ жителей; однакожъ, онъ самъ допускаетъ, что домовъ было 11,451, 62 храма буддистскихъ, 5 часовенъ секты *ками*; на такое число домовъ 35 т. жителей слишкомъ мало. *Chinese Repository* утверждаетъ, что въ Нагазаки жителей 70 тысячъ.

которыя дозволены децимскимъ затворникамъ, первое мѣсто занимаютъ религіозные праздники; изъ нихъ главный, называемый *мацури*, празднуется въ честь божества *Сува*, покровителя города Нагазаки. Этотъ мѣстный праздникъ тѣмъ блистательнѣе, что совпадаетъ съ годовымъ общимъ праздникомъ, который отправляется по всей имперіи. Онъ продолжается нѣсколько дней, и начинается, какъ и ожидать слѣдуетъ, въ храмѣ, посвященномъ божеству *Сува*, украшенномъ на этотъ случай множествомъ знаменъ и флаговъ. Японцы всѣхъ сословіи идутъ туда въ парадныхъ одеждахъ, для подачи обычныхъ приношеній, болѣе или менѣе значительныхъ, по званію и состоянію молящихся; въ числѣ приношеній непременно должна быть одна чаша *заки*. Религіозное торжество состоитъ въ томъ, что въ переносную кумирню ставятъ изображеніе божества и около него кладутъ лучшія украшенія храма, между которыми видно рѣдкое и цѣнное оружіе; служители храма носятъ эту кумирню по всѣмъ улицамъ города. Главнѣйшіе жрецы храма, иные въ паланкинахъ, другіе верхомъ, и отряды кавалеріи, присылаемые губернаторомъ, составляютъ кортежъ. Потомъ кумирню со всѣми драгоценностями ставятъ на возвышеніе, приготовленное изъ бамбука, на главной городской площади; оно

съ трехъ сторонъ закрыто ширмами и открыто только съ той стороны, на которой остановилась процессія: такимъ образомъ, кумирня выставлена передъ толпою, чтобы та молилась и удивлялась (*). За этою чисто-религіозною церемоніею слѣдуетъ множество игръ и зрѣлищъ, издержки которыхъ выплачиваютъ разныя части города поочередно. Эти увеселенія даютъ частямъ города поводъ къ соперничеству; каждая хочетъ отличиться въ свою очередь; каждая желаетъ сдѣлать праздникъ блистательнѣе и замысловатѣе, и выводитъ самыхъ умныхъ дѣтей, которымъ раздаются роли въ процессіяхъ и сценическихъ играхъ. Каждый кварталъ доставляетъ свою часть богомольцевъ въ процессію, и каждая улица ставляетъ трехъ или четырехъ маленькихъ актеровъ (отъ семи до четырнадцати лѣтъ), которые иногда не безъ таланта. Объ этихъ увеселеніяхъ можно получить довольно полное понятіе изъ описанія Фишера. Замѣтимъ только, что на основаніи существу-

(*) «Все зданіе едва можно сравнить съ какимъ нибудь нашимъ сараемъ, такъ оно просто и бѣдно; оно должно быть такимъ, чтобы напоминать о жалкой архитектурѣ бѣдныхъ предковъ.» (Кемпферъ, томъ II, стр. 39). Многія другія подробности показываютъ, что праздники учреждены въ память героическихъ преданій и главнѣйшихъ историческихъ фактовъ, принадлежащихъ къ временамъ японской древности.

ющаго обычая, ежегодно слѣдуетъ перемѣнять эмблемы, декорации и мифологическія или историческія сцены.

Прежде всего несутъ огромный балдахинъ на бамбуковой палкѣ. У несущаго видны только ноги; балдахинъ вышитъ, и на верхней части покрытъ эмблематическими фигурами, изъ которыхъ многія должны напоминать о простотѣ и добродѣтеляхъ древнихъ Японцевъ; другія изображаютъ знаменитыхъ особъ обоюдо пѣла, или птицъ и звѣрей, напоминающихъ объ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Наконецъ, инныя указываютъ на ремесла, которыя въ Японіи въ почетѣ, или намекаютъ на благосостояніе квартала, или же улицы, которая внесла издержки процессіи (*).

За балдахиномъ идетъ толпа музыкантовъ; впереди ихъ *оттона*, главный городской чи-

(*) Въ описаніи такой процессіи, видѣнной Кемпферомъ и описанной назадъ тому полтора ста лѣтъ, читаемъ, что «впереди несли очень богатый балдахинъ или шелковый зонтъ, *палладіумъ* улицы, и подъ нимъ шить, на которомъ большими буквами было начертано названіе улицы.» — Музыканты, идущіе за балдахиномъ, въ *маскахъ* (какъ увѣряетъ Кемпферъ); музыка вмѣстѣ вокальная и инструментальная. Тунбергъ, видѣвшій *мацури* въ 1776 г., описалъ этотъ праздникъ, но очень коротко; однакожъ, и онъ упоминаетъ «о большомъ зонтѣ, на которомъ были изображены названія и отличительные знаки улицъ; за нимъ шли музыканты въ *маскахъ*; они пѣли, акомпанируя себѣ барабанами, флейтами и колокольчиками.»

новникъ. Эти музыканты упражняются на туземныхъ флейтахъ, цимбалахъ, барабанахъ. Далѣе идетъ труппа мальчиковъ (*) и представляетъ какой нибудь подвигъ одного изъ микадо или полубоговъ.

Эта часть праздника въ самомъ дѣлѣ удивительна: богатство и вѣрность костюмовъ, изумительный порядокъ въ торжественномъ шествіи, гдѣ важнѣйшія придворныя особы, мужчины и женщины, идутъ въ великолѣпнѣйшей одеждѣ и съ рѣдчайшимъ оружіемъ, вслѣдъ за владыкой своимъ, все это превосходитъ всякое вѣроятіе. Тутъ же несутъ нѣсколько маленькихъ паланкиновъ и идутъ слуги, на случай, если дѣти устанутъ и имъ понадобится отдохнуть. За этимъ зрѣлищемъ слѣдуетъ театральная выставка. Въ одну минуту, на нѣсколькихъ скамьяхъ, одинаковой длины и одинаковой ширины, устраиваютъ небольшой театръ помощію ширмъ и декораций, и комическая труппа, являющаяся за исторической процессіей, играетъ пьеску, вы-

(*) Кемпферъ положительно говоритъ, что въ праздникъ *мацури* (то есть *праздникъ приношенія*) многія роли даютъ дѣвочкамъ, или танцовщицамъ изъ чайныхъ домовъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ Японіи. Нѣчто подобное встрѣчается въ Индіи и почти на всемъ Востокѣ: въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, баядерки Индустана, ронгины Явы участвуютъ въ церемоніяхъ и народныхъ праздникахъ, особенно въ тѣхъ, которые носятъ религіозный характеръ.

бранную на этотъ случай; она продолжается не болѣе четверти часа. Въ этихъ, на скорую руку составленныхъ представленіяхъ, актеры показываютъ замѣчательную живость жестовъ и рѣчи, и много чувства. Ихъ поддерживаютъ и раздражаютъ звуками *самизенъ*, или трехъ-струнныхъ гитаръ, которыя слышны во все время представленія вмѣстѣ съ другими инструментами. По окончаніи представленія, процессія, которую замыкаютъ музыканты и родители и друзья дѣтей, въ ней участвующихъ, уступаетъ мѣсто другой. Въ теченіе дня пройдетъ такихъ процессій до двѣнадцати, и все это въ такомъ правильномъ порядкѣ, что несмотря на страшную толпу на улицахъ и площадяхъ, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго смятенія, и несчастные случаи очень рѣдки. Откуда бы ни отправлялась процессія, она прежде всего должна остановиться на приготовленномъ возвышеніи на главной площади, около которой устроены мѣста для удобства зрителей, и особенная ложа для мѣстныхъ властей. Голландцы тоже имѣютъ особые мѣста. Потомъ толпы музыкантовъ, актеровъ и проч., ходятъ по разнымъ кварталамъ города, и праздникъ продолжается до самаго вечера. Тоже повторяется и въ слѣдующіе дни; но первый день и третій (9 и 11 число мѣсяца) самые важные; въ эти два дня не позволено занимать-

ся дѣлами, и самый бѣдный ремесленникъ походить на вельможу, потому что одѣтъ въ парадное платье. И дома украшаются внутри коврами и ширмами, снаружи навѣсами и палатками, подъ которыми веселые собесѣдники ѣдятъ, пьютъ и забавляются подъ звуки инструментовъ, съ утра до вечера. Каждой улицѣ, чрезъ пять или шесть лѣтъ, приходится платить издержки праздника, издержки очень значительныя, потому что за исключеніемъ немногихъ, самыхъ незначительныхъ вещей, все должно быть новое и лучшаго качества, костюмы, декораціи, и пр. Въ этомъ большомъ годовомъ праздникѣ, который Фишеръ называетъ *городскимъ*, не знаешь, чему болѣе удивляться, богатству и разнообразію зрѣлищъ, или удивительному порядку, совершенному согласію и общей радости во время этихъ великолѣпныхъ и странныхъ увеселеній. Надобно полагать, что то же бываетъ и въ другихъ парадныхъ праздникахъ въ Японіи. Достойно замѣчанія старинное, укоренившееся мнѣніе Японцевъ: не должно беспокоить боговъ просьбами, безпрестанными или бесполезными жалобами; но слѣдуетъ, напротивъ того, веселиться въ ихъ присутствіи, потому, что боги любятъ смотрѣть на невинныя увеселенія людей (*).

(*) «Между ними (Японцами) нѣкоторые думаютъ,

Мы должны ограничиться этимъ неполнымъ описаніемъ и указать читателю, для большихъ подробностей, на Кемпфера, котораго рассказы очень замѣчательны по простодушію. Народные японскіе праздники—предметъ очень любопытный; весьма жаль, что ни одинъ современный путешественникъ не описалъ его въ цѣломъ и не оставилъ намъ подробныхъ свѣдѣній о происхожденіи этихъ учреждений, объ ихъ первоначальномъ характерѣ и о происшедшихъ въ нихъ перемѣнахъ. Вѣроятно, этотъ недостатокъ пополненъ Зибольдомъ; но та часть его сочиненія, въ которой говорится о народныхъ праздникахъ, еще не вышла въ свѣтъ.

Сверхъ этихъ религіозныхъ праздниковъ бываютъ ежегодно странныя церемоніи, при которыхъ присутствуютъ Голландцы, тоже для развлеченія.

Кромѣ того, въ каждомъ мѣсяцѣ бываетъ

что жалобы къ богамъ бесполезны, потому что безсмертные боги знаютъ даже глубину сердецъ.

«Другіе, очень набожные, думаютъ, что не прилично представлять предъ безсмертныхъ боговъ, когда духъ опечаленъ вслѣдствіе несчастія.... Безсмертныя существа наслаждаются непрерывнымъ блаженствомъ и знаютъ малѣйшія тайны сердца человѣческаго; стало быть, мольбы и жалобы тѣхъ, которые находятся въ крайней горести и печали, должны быть имъ непріятны.»

(Кемпферъ и Шарльева.)

два праздника, которые приходятся всегда въ одни и тѣ же дни.

Новый годъ одинъ изъ главнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ. Кто хочетъ въ немъ участвовать, тотъ долженъ наканунѣ расплатиться съ долгами. (*) Самый замѣчательный или, лучше сказать, пріятный для глазъ праздникъ совершается въ честь душъ умершихъ родственниковъ или друзей; онъ кончается тѣмъ, что на воду спускаютъ множество лодочекъ съ фонарями, которые тонуть болѣе или менѣе скоро; по этому заключаютъ объ участи душъ на томъ свѣтѣ. Въ разсказахъ путешественниковъ объ этомъ праздникѣ много разнорѣчій; но всѣ согласны, что онъ празднуется въ августѣ мѣсяцѣ. Японцы вѣрятъ, что въ это время души умершихъ прилетаютъ взглянуть на прежнія свои жилища при свѣтѣ факеловъ и фонарей; вотъ почему Тунбергъ и другіе называютъ это торжество *праздникомъ фонарей*. Жансинъи думаетъ, что оно перешло въ Японію изъ Китая. Въ другой праздникъ, самыя важныя лица Имперіи и высшіе сановники, исполняя древній обычай, пускаютъ бумажныхъ змѣевъ, у которыхъ веревки вооружены стеклышками; для полной побѣ-

(*) Тоже и въ Китаѣ.

ды надъ соперникомъ, надобно перерѣзать веревку его змѣя (*).

Наконецъ, одинъ разъ происходитъ церемонія столько же торжественная, сколько и нелѣпая: выгоняютъ изъ домовъ демона, бросая въ него кучи поджареннаго гороху; Фишеръ говоритъ, что употребляются камешки, а не горохъ.

Извѣстно, что кромѣ этихъ праздниковъ Голландцы иногда получаютъ позволеніе пріѣхать инкогнито въ городъ, чтобы взглянуть на зрѣлища или церемоніи другаго рода. Только одинъ подобный случай описанъ подробно Фишеромъ; мы должны познакомить съ нимъ читателя, потому-что церемонія очень странна и чрезвычайно занимательна; но, кажется, самъ Фишеръ не вполне понялъ настоящій характеръ и цѣль ея; ему сказали, что это была *торжественная охота*, а онъ полагаетъ, что эта церемонія была не иное что, какъ военный смотръ. Изъ разныхъ сообщенныхъ путешественниками свѣдѣній можно заключить, что тор-

(*) Такія упражненія съ змѣями въ большой чести по всему Востоку. Жансины видѣлъ въ Индіи и въ Явѣ, что знатные вельможи страстно предались этой игрѣ. Дѣйствительно ли принимаетъ она въ Японіи серьезный характеръ и точно ли дозволена только въ извѣстный праздникъ—рѣшить трудно по недостатку матеріаловъ и современныхъ извѣстій.

жество, видѣнное Фишеромъ, дѣйствительно учреждено въ память героической охоты, которой необыкновенное великолѣпіе прославило царствованіе одного изъ *микадо*; ей подражалъ императоръ Тайко-Сама, когда раздѣлилъ власть свою съ племянникомъ, назавъ тому два съ половиною вѣка. Есть даже причины думать, что покоряясь вліянію преданій, вліянію всемогущему въ Японіи, императоръ не можетъ начать важнаго предпріятія безъ такой торжественной охоты.

Около семи-сотъ человѣкъ участвовали въ процессіи или поѣздѣ, который прошелъ передъ глазами Фишера. Въ подобныхъ церемоніяхъ иногда цѣлая армія идетъ передъ императоромъ или за нимъ, и великолѣпіе зрѣлища такъ же изумительно, какъ множество дѣйствующихъ лицъ (См. объ этомъ Шарль-вуа, т. III ст. 391 и 392).

Какъ бы то ни было, вотъ въ чемъ состояла странная церемонія, которую видѣлъ Фишеръ. Улицы, по которымъ должно идти шествіе, выметены и вычищены съ особеннымъ стараніемъ, домъ на нихъ украшены знаменами и коврами, но не смотря на эти богатые приготовленія, весь городъ безмолвенъ и почтительно ждетъ торжественной церемоніи; на улицахъ народу очень мало; изъ домовъ, изъ-за-ставей, смотрятъ любо-

пытные на уборку зданій; словомъ, все устроено такъ, чтобы не помѣшать и не разстроить хода и порядка торжественной процессіи. Народу извѣстно, что онъ обязанъ воздерживаться отъ всякихъ шумныхъ выраженій восторга при приближеніи кортежа; также строго запрещены хохотъ или другія движенія, которыя могутъ показаться непочтительными.

«Четыре человекъ шли передъ кортежемъ съ метлами, и сметали съ улицы малѣйшіе камешки или устраняли препятствія, безпрестанно крича: *Стаіе! Стаіе!* (то есть, *на колѣни!*)

«Потомъ шелъ передовой отрядъ изъ восьми охотниковъ, съ ружьями на плечахъ и съ зажженными фитилями, въ низкихъ лакированныхъ шляпахъ, въ зеленыхъ казенкоровыхъ плащахъ съ гербомъ, вышитымъ на груди, съ поясомъ изъ ленты темнаго цвѣта, въ широкихъ шараварахъ, въ сандаляхъ и съ саблями.

«Потомъ *гокенсэ* или *гобаніози* (чиновникъ состоящій при губернаторѣ), въ такой же одеждѣ, какъ и охотники, съ тремя служителями, изъ которыхъ одинъ несъ пику, другой два сундучка съ платьемъ или бѣльемъ (*hassambakkos*), третій непромокаемые плащи (*Kappa sagos*). Три служителя; каждый несетъ двѣ сабли.

«Пять полицейскихъ служителей; каждый изъ нихъ вооруженъ двумя саблями.

«Девять *оттона* или городскихъ офицеровъ, начальниковъ округа, по три въ рядъ, въ шелковыхъ платьяхъ, въ лакированныхъ низкихъ шляпахъ; у каждого изъ нихъ по двѣ сабли.

«Восемнадцать челоѣкъ ихъ свиты, въ цѣтныхъ холстинныхъ одеждахъ, въ соломенныхъ шляпахъ.

«Семьдесятъ два охотника, съ ружьями и зажженными фитилями, по два въ рядъ, на разстояніи шести шаговъ одинъ отъ другаго.

«Бургомистръ или начальникъ сосѣдняго села *Овоара* (къ которому направлялось шествіе), въ парадной одеждѣ, въ военныхъ шароварахъ и сандаліяхъ; за нимъ идутъ пять челоѣкъ служителей.

«Девять охотниковъ, вооруженные какъ и первые, въ зеленыхъ плащахъ, въ низкихъ лакированныхъ шляпахъ; они ведутъ четырехъ гончихъ собакъ.

«Два директора рисовыхъ казенныхъ магазиновъ, въ шелковыхъ одеждахъ и черныхъ лакированныхъ шляпахъ; каждый съ двумя саблями; за ними шесть служителей; каждый съ саблею.

«Начальникъ артиллеріи, командующій городской стражею, великолѣпно одѣтый, на конѣ, котораго подѣ-узды вѣдутъ два служителя, по обычаю.

«Шесть вооруженныхъ охотниковъ.

«Сыиъ командующаго городскою стражею.

«Человѣкъ, который несетъ японскую палицу, въ пятьдесятъ фунтовъ вѣсомъ; командующій бросаетъ ее одною рукою. (Фишеръ разсматривалъ это страшное оружіе вблизи и убѣдился, что командующій въ самомъ дѣлѣ легко управлялъ имъ; онъ получилъ свое званіе за необыкновенную свою силу.)

«Десять охотниковъ; они несутъ по-двое огромныя коротенькія ружья.

«Пятнадцать человѣкъ съ коротенькими ружьями большаго калибра; за ними двѣнадцать служителей.

«На извѣстномъ разстояніи знаменосецъ, передъ городскимъ бургомистромъ, *Така-сима-сироби-сама* (это одинъ изъ комиссаровъ императорской казны); онъ верхомъ, въ парадномъ платьѣ изъ золотой ткани, въ темной лакированной шляпѣ, съ гербомъ вышитымъ золотомъ. Коня его ведутъ два низшихъ солдата, за нимъ идутъ десять служителей.

«Человѣкъ съ длинной пикой, которой желѣзо покрыто богатымъ лакированнымъ футляромъ.

«Вышитое знамя.

«Шесть охотниковъ съ ружьями.

«Другой бургомистръ, *Яксири-куираіе-монг-сама*, верхомъ, за нимъ два служителя.

«Сынъ этого бургомистра.

«Четыре охотника, съ великолѣпными луками.

«Шесть служителей съ саблями.

«Сынъ бургомистра Сеіемонъ-сама.

«Два охотника съ лукомъ и стрѣлами.

«Двадцать семь охотниковъ съ мускетами и зажженными фитилями.

«Восемь служителей съ саблями.

«Гобаніози, совѣтникъ губернатора.

«Четыре служителя.

«Служитель съ аллебардой.

«Служитель съ двумя сундуками съ бѣльемъ.

«Служитель съ двумя сундуками, гдѣ хранятся плащи на случай дурной погоды.

«Тридцать охотниковъ, изъ полицейскихъ помощниковъ гобаніози, съ ружьями.

«Шесть довѣренныхъ служителей губернатора; каждый вооруженъ двумя саблями.

«Знамя съ надписью, вышитою золотомъ на бѣломъ фонѣ.

«Десять служителей съ длинными пиками; желѣзо на нихъ прикрыто лакированными футлярами и украшено двумя шелковыми кистями.

«Сорокъ восемь служащихъ, въ шелковыхъ или полотняныхъ одеждахъ; каждый при двухъ сабляхъ.

«Восемь служителей съ сундуками съ бѣльемъ.

«Четыре служителя съ корзинами, красивой отделки, гдѣ лежить тоже бѣлье и одежда.

«Два квадратные сундука, съ полнымъ вооруженіемъ, покрытые великолѣпными покрывалами, вышитыми золотомъ; каждый несутъ два человѣка.

«Два лакированные и золоченные футляра для сабель, *шабенто* (или правильнѣе, *чабенто*), чайный приборъ, въ двухъ ящикахъ, несомыхъ на концѣ деревянныхъ палокъ; въ одномъ огонь и сосудъ, въ которомъ кипятятъ воду; въ другомъ чай и прочія принадлежности.

«Два человѣка съ лакированнымъ ведромъ, чашкой и возжами для губернаторской лошади.

«Верховая лошадь въ богатой сбруѣ; ведутъ ее два пѣшіе солдата (*).

«Четыре служителя; каждый съ двумя саблями.

«Восемь служителей несутъ непромокаемые плащи.

«Шесть другихъ съ платяными сундуками.

(*) Лошадь эта для перемѣны той, на которой ѣдетъ губернаторъ, или можетъ быть, она представляетъ коня настоящаго героя охоты или экспедиціи.

«Еще три служителя; каждый съ двумя саблями.

«Гокаро, или секретарь губернатора, верхомъ.

«Четыре служителя, съ четырьмя сундуками съ платьемъ.

«Четыре другихъ съ непромокаемыми плащами.

Шесть служителей, каждый съ двумя саблями.

«Четыре другихъ съ длинными пиками.

«Украшеніе съ перьями, такое же, какое носятъ предъ губернаторомъ, но не столь богатое.

«Бургомистръ *Фиццаманъ-кифай-сама*, верхомъ.

«Два охотника съ ружьями и зажженными фитилями.

«Человѣкъ съ аллебардой.

«Два носильщика, съ непромокаемыми плащами.

«*Норимонъ* (*) или паланкинъ губернатора; его несутъ два служителя, другіе шесть бѣгутъ по сторонамъ; всѣ они высокаго роста и дородны, одѣты въ голубое платье, съ саблею; на спинѣ за поясомъ вѣрь.

(*) Фишеръ пишетъ *norimond*; настоящее японское слово пишется *norimono*.

«Двадцать семь охотниковъ со стрѣлами и лукомъ.

«Гобаніози.

«Пять слугителей, каждый съ двумя саблями.

«Человѣкъ съ аллебардой.

«Служитель съ сундукомъ для бѣлья, и другой съ сундукомъ для непромокаемыхъ плащей.

«Десять вооруженныхъ охотниковъ.

«Три охотника съ коротенькими ружьями.

«Три охотника съ *рогами* (музыка).

«Охотникъ съ большимъ лакированнымъ и золоченымъ барабаномъ, который украшенъ шелковыми кистями.

«Гражданскій чиновникъ съ двумя саблями.

«Одинъ гобаніози.

«Пять слугителей съ саблями.

«Человѣкъ съ аллебардой.

«Служитель съ сундукомъ для бѣлья, и два съ сундуками для непромокаемыхъ плащей.

«Украшеніе, въ видѣ ягонской метлы съ великолѣпными перьями и бѣлымъ знаменемъ, на которомъ вышиты золотые вензеля. (Что это, трофей или отличительный знакъ достоинства?)

«Двѣ длинныя пики, которыхъ желѣзо прикрыто богатѣйшими чахлами изъ краснаго

сукна, вышитыми шелкомъ, съ шелковыми же кистями.

«Парадный лукъ, въ желтомъ шелковомъ чохлѣ.

«Двѣ другія пики, также великолѣпно и богато украшенныя, какъ и двѣ первыя.

«Знамя съ золотою надписью на красномъ фонѣ.

«Губернаторскій гобаніози.

«Черезъ нѣсколько шаговъ, губернаторъ Нагазаки, *Мамая Цикуженъ-но ками Сама*, верхомъ на великолѣпно-убранномъ конѣ; по сторонамъ его два солдата. Платье на немъ богатое, изъ серебряной ткани съ золотомъ; лакированная каска, обложенная серебромъ; на ней золотой его гербъ. За поясомъ двѣ сабли, а на спинѣ, тоже за поясомъ, жезлъ, символъ его власти. Держалъ онъ себя важно и гордо, какъ и всѣ лица, составлявшія его свиту; при проѣздѣ его воцарилось такое мертвое молчаніе, что можно было вообразить себя въ пустой улицѣ.

«За губернаторомъ несли его знамя, съ золотою надписью на голубомъ фонѣ.

«Пять челоуѣкъ съ аллебардами.

«Одиннадцать служителей, каждый съ двумя саблями.

«Четырнадцать охотниковъ съ ружьями.

«Казначей, *Такаки-сакимонъ*, верхомъ, въ

богатой одеждѣ; по сторонамъ его идутъ два служителя.

«Сынъ его, верхомъ.

«Двѣнадцать служителей, каждый съ двумя саблями.

«Наконецъ значительная свита изъ служителей и носильщиковъ; всѣ, въ отличномъ порядкѣ, заключали величественный кортежъ, шедшій по улицамъ Нагазаки (*).

«Вотъ свита губернатора Нагазаки, говоритъ Фишеръ, губернатора, который при дворѣ едва ли бы удостоился нести туфли императора, хотя управляетъ цѣлою провинціею.»

Фишеръ прибавляетъ, что подобныя же *экспедиции* бываютъ по временамъ въ Иедо и, *вѣроятно*, и въ другихъ городахъ имперіи.

Вотъ въ чемъ состоитъ главнѣйшее развле-

(*) Описаніе это несовсѣмъ удовлетворительно, хотя и подробно. Откуда выходитъ процессія? Что за село, куда она направляется? Къ чему такое множество сундуковъ, наполненныхъ бѣльемъ, платьемъ и непромокаемыми плащами, которыми въ Японіи запасаются только для дальнихъ путешествій? Почему нѣтъ запасовъ другого рода, хотя тутъ блудтъ два директора рисовыхъ казенныхъ магазиновъ? Почему нѣтъ войска? Что значать *охотники* съ тяжелыми ружьями, такими, что каждое изъ нихъ должны нести два человѣка? Зачѣмъ охотничьи собаки, и притомъ ихъ только четыре? Зачѣмъ *три* охотничьи рога, и какое понятіе можемъ мы имѣть объ охотничьемъ японскомъ рогѣ? Что это за бургомистры, и ихъ сыновья? и пр. и пр. Все это очень странно, и трудно объяснить эти тайны.

ченіе жителей Децимы, когда имъ позволено выходить изъ города.

Однообразіе ихъ жизни еще прерывается прибытіемъ и отплытіемъ кораблей, ежегодно отправляемыхъ изъ Батавіи, отдаленнымъ появленіемъ европейскихъ судовъ (всякое сношеніе съ ними строжайше запрещено; исключенія, подобныя случившемуся съ Крузенштерномъ, чрезвычайно рѣдки). Только бури или недостатокъ съѣстныхъ припасовъ или любопытство европейскихъ правительствъ заставляютъ европейскія суда останавливаться на рейдѣ въ Нагазаки на день или на два. Иногда же, но не часто, жители Децимы развлечены землетрясеніемъ или изверженіемъ; эти явленія приводятъ ихъ въ ужасъ, какъ случилось въ 1825 году, когда факторія

Однакожь, изъ разсказа очевидца весьма ясно открывается:

- 1) Что церемонія имѣетъ важный и величественный характеръ; народъ смотритъ на нее съ величайшимъ участіемъ, но въ молчаніи и съ уваженіемъ;
- 2) Что она не представляетъ ни религіознаго, ни военнаго характера, и не можетъ быть представленіемъ воинственнаго подвига или экспедиціи.
- 3) Что она также не представляетъ охоты или отъезда на охоту; но въ ней заключаются главнѣйшіе элементы охоты, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, однакожь, въ такихъ, которые могутъ напомнить о старинной героической экспедиціи, служащей основаніемъ церемоніи.

(Прилжч. Жансины)

значительно пострадала отъ такихъ судорогъ природы, часто случающихся въ Японіи.

Но между обыкновенными жителями Децимы, есть три или четыре (прежде такихъ было двадцать), которые пользуются привилегіею посѣщать дворъ въ Іедо въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ; мы опишемъ эти поѣздки какъ можно подробнѣе, потому что имъ то обязана Европа всѣмъ, что до сихъ поръ извѣстно намъ о законахъ, нравахъ, обычаяхъ и производительныхъ силахъ Японской Имперіи. Однакожъ, прежде подробнаго описанія поѣздокъ въ столицу Японіи, мы должны окончательно показать, до какой степени Японцы удаляются отъ сношеній съ иностранцами, и съ этою цѣлію скажемъ нѣсколько словъ о китайской конторѣ въ Нагазаки.

Китайцы, въ торговлѣ своей, гораздо свободнѣе Голландцевъ. Они ходятъ по улицамъ города, гдѣ хотятъ, и даже нѣкоторые, кажется, получаютъ позволеніе продавать товаръ въ разноску. Они живутъ подъ полицейскимъ надзоромъ четырехъ начальниковъ или капитановъ изъ Китайцевъ же, которые отвѣчаютъ за ихъ поведеніе и надзираютъ за джонками, ежегодно приходящими для торговли съ Японіей. Казна получаетъ пошлины съ китайской торговли, какъ и съ голландской. Число Китайцевъ, живущихъ

въ Нагазаки, не болѣе ста, по словамъ извѣстнѣйшихъ путешественниковъ; но цифра эта нисколько не согласуется съ числомъ домовъ, назначаемыхъ Титсингомъ для китайскаго квартала, котораго планъ, доставленный ему Японцами, онъ же привезъ въ Европу. Этотъ кварталъ, обнесенный стѣнами, раздѣленъ узкими улицами на двѣнадцать квадратовъ изъ домовъ. Такихъ домовъ до полутора ста; изъ нихъ половина служитъ магазинами. Стало быть, остается около семидесяти пяти домовъ, съ которыхъ постоянно живутъ, и если считать по пяти человѣкъ на домъ, то выходитъ триста семьдесятъ пять жителей. (*)

Хотя съ Китайцами обращаются гораздо милостивѣе чѣмъ съ Голландцами, однакожъ и они окружены множествомъ полицейскихъ переводчиковъ, стражей, привратниковъ и пр. На улицахъ Нагазаки встрѣчаются даже китайскіе нищіе. Китайцы могутъ сами платить, японскими деньгами, за свои мелкіе расходы и за покупки, такъ что они не нуждаются въ посредствѣ компрадора. Имъ

(*) Въ этомъ числѣ считаются жены, дѣти и слуги; но оно значительно увеличивается, по-крайней-мѣрѣ два раза въ годъ, когда приходятъ джонки. Экипажъ съ нихъ тотчасъ по прибытіи допускается на берегъ (подробности объ этомъ предметѣ см. въ Тунбергѣ, Томъ II. ст. 15, и въ Кемпферѣ, Томъ II стр. 97).

позволяли выстроить храмъ, куда они ходятъ отправлять богослуженіе. Вотъ главнѣйшія ихъ привиллегіи. Они не отправляютъ посольства или депутатіи въ Іедо и такимъ образомъ избавлены отъ значительныхъ издержекъ; но съ другой стороны, денежная пошлина, платимая въ японскую казну (*денежный цвѣтъ*, по выраженію Японцевъ) гораздо сильнѣе той, которую платитъ голландская контора. Во время Тунберга, не менѣе семидесяти джонокъ производили торговлю съ Японіею, и приходили три раза въ годъ, тремя отрядами. Увѣряютъ, что теперь это число уменьшено до семи кораблей, которые совершаютъ два переѣзда въ годъ. Китайцы привозятъ сукно, ткани, шелкъ, (но гораздо меньше чѣмъ прежде, потому-что Японцы успѣли улучшить свой шелкъ), лекарства и множество мелкихъ статей. Вывозятъ же мѣдь (золото и серебро запрещено вывозить), лакъ, лакированную мебель, соленую рыбу, голотурій и пр. Торгуютъ всего на 1,500,000 руб. сер.

ПОѢЗДА Голландской дЕнутаціи

ВЪ ІЕДО.

Болѣе вѣка существовалъ обычай, что начальникъ голландской факторіи обязанъ былъ ежегодно ѣхать въ Іедо, съ многочисленной свитой, на поклоненіе императору и для поднесенія ему подарковъ; но когда торговля между Японіей и Батавіей упала, и такія поѣздки показались Голландцамъ слишкомъ тяжелыми, то онѣ происходили уже не такъ часто, и наконецъ, въ 1792 году, постановлено, что децимскій президентъ будетъ являться къ японскому двору черезъ каждые четыре года. Но подарки остались по прежнему; Японцы смотрятъ на нихъ какъ на подать или дань, и поэтому подарки посылаются ежегодно, но черезъ переводчиковъ, что стоитъ гораздо дешевле. Когда торговля нѣсколько усилилась, при всеобщемъ мирѣ, послѣ надежія Наполеона, начальникъ факторіи

Бломгофъ просилъ позволенія ѣздить въ Іедо черезъ два года; но японскій совѣтъ отвергъ его просьбу.

Приготовленія къ поѣздкѣ въ Іедо требуютъ много времени и исполненія многихъ формальностей. Когда подходитъ время, назначенное для поѣздки, начальникъ конторы офиціально освѣдомляется у губернатора, можетъ ли онъ надѣяться на благосклонный пріемъ въ столицѣ. Губернаторъ отвѣчаетъ, что начальника конторы допустятъ къ принесенію привѣтствія, и просить, чтобы были приняты съ его стороны мѣры для поддержанія совершеннаго порядка въ Децимѣ на время его отсутствія. Хранитель магазиновъ, первое лицо послѣ начальника факторіи, обыкновенно назначается на мѣсто послѣдняго на все время поѣздки въ Іедо, и начальникъ, передъ отъѣздомъ, представляетъ его губернатору, въ прощальной аудіенціи, какъ временнаго главу конторы.

Въ прежнее время начальникъ Децимы ѣздилъ въ Іедо, въ сопровожденіи двадцати соотечественниковъ, но по мѣрѣ уменьшенія торговли, уменьшалась и его свита. Съ тѣхъ поръ, какъ торжественная депутація является ко двору черезъ каждые четыре года, въ поѣздку отправляются только *три* Голландца, а именно: президентъ или начальникъ факторіи, секретарь его и медикъ или

хирургъ. (Въ штатѣ факторіи нѣтъ постояннаго медика, но лекаря посылаются туда изъ Батавіи, каждые четыре года, для сопровожденія миссіи.)

Число Японцевъ, провожающихъ начальника факторіи, не такъ ограничено. Въ его свитѣ состоитъ по крайней мѣрѣ тридцать пять офицеровъ разныхъ степеней, и еще большее число служителей, которые состоятъ или при Голландцахъ или при японскихъ чинахъ. Надъ послѣдними начальникомъ поставленъ *гобаніози*, котораго по справедливости можно назвать начальникомъ всей экспедиціи. Въ этомъ качествѣ онъ носитъ особый титулъ *куининъ*, но не ему поручена уплата расходовъ, а первому переводчику, который получаетъ на этотъ предметъ известную сумму денегъ отъ японскаго правительства въ счетъ будущей торговли, или лучше сказать, въ залогъ на товары, отложенные съ этою цѣлію; но продажа этихъ товаровъ никогда не покрываетъ всѣхъ издержекъ. Недоимка выплачивается изъ императорской казны, и тутъ кроется одна изъ причинъ, по которымъ прекращены ежегодныя поѣздки въ Іедо. Чиновники низшаго класса, сопровождающіе миссію, суть: полицейскіе офицеры, помощники переводчиковъ, смотрители за багажемъ, писцы, начальники носильщиковъ, и пр. Въ числѣ

служителей находятся три повара, два для Голландцевъ и одинъ для Японцевъ, нѣсколько экономовъ и тридцать слугъ, изъ которыхъ шесть непосредственно состоятъ при Голландцахъ и обыкновенно называются шпіонами. Сверхъ того, каждый Голландецъ можетъ содержать на свой счетъ японскаго медика, частнаго переводчика и другихъ служителей. Такъ докторъ Зибольдъ, провожая въ 1826 году полковника Стюрлера въ Іедо, имѣлъ при себѣ молодаго японскаго медика, рисовальщика и шесть слугъ, которые помогали ему, какъ естествоиспытателю, въ его занятіяхъ. Ученикъ доктора, который не могъ ѣхать съ нимъ въ качествѣ медика, былъ записанъ въ списокъ ѣхавшихъ въ качествѣ слуги одного переводчика. Словомъ, число людей, которыхъ могутъ взять съ собою Голландцы, не ограничено, но внесеніе каждаго лица въ списокъ производится съ вѣдома губернатора, и такимъ образомъ увеличивается число шпіоновъ, наблюдающихъ за миссією.

Путешественники должны сами себѣ запасать все, что имъ можетъ быть необходимо, полезно, или пріятно во время путешествія, какъ-то : бѣлье и платье, постели, столы, стулья, посуду столовую и кухонную и пр. Они также должны запастись съѣстными при-

сами, которыхъ нѣтъ въ Японіи, и которые присылаются имъ изъ Батавіи, напр. масломъ, виномъ, пивомъ, сыромъ и многими другими. Также очень много нужно имъ варенья, пироговъ, напитковъ, потому что придется принимать множество гостей и безпрестанно потчивать ихъ. Если ко всѣмъ этимъ необходимымъ предметамъ прибавить гардеробъ каждаго члена миссіи, подарки, назначенные *сіогуну* и другимъ важнѣйшимъ сановникамъ имперіи, и товары, которые назначаются для распродажи потихоньку; если принять въ соображеніе, что состояніе дорогъ не всегда позволяетъ везти всѣ эти предметы въ экипажахъ на колесахъ, и что вообще почти все переносится людьми или навьючивается на лошадей или на быковъ, то можно представить себѣ, сколько тутъ собирается людей, скота, носильщиковъ, надзирателей и пр. Правда, часть багажа отправляется моремъ, изъ Нагазаки въ портъ большаго острова Ниппона, гдѣ живутъ *микадо* и намѣстникъ его *сіогунъ*; но когда миссія выходитъ на берегъ на островъ, то весь этотъ перевозный багажъ присоединяется къ ней, и на острову миссія состоитъ изъ двухъ-сотъ человѣкъ, не менѣе. Такая многочисленная свита можетъ, по нашимъ европейскимъ понятіямъ, заставить думать, что начальникъ голландской конторы въ этомъ случаѣ играетъ чрезъ-

вычайно важную роль. Но японскимъ глазамъ дѣло кажется совсѣмъ иначе: и этому нельзя удивляться, когда узнаешь, по самымъ вѣрнымъ источникамъ, что въ свитѣ каждаго японскаго князька (перваго разряда), если онъ ѣдетъ ко двору, находится не менѣе двадцати тысячъ человѣкъ, и что самыя неважныя князьки тащутъ въ свитѣ своей не менѣе десяти тысячъ!

Однакожъ привиллегія ѣздить ко двору въ Едо считается принадлежностію высокаго сана, и потому начальникъ Децимы, не смотря на свою бѣдную и жалкую свиту, играетъ роль довольно почетную во время этого путешествія, по-крайней-мѣрѣ какъ иностранецъ. На всемъ пути обращаются съ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ показываютъ ему столько же почтенія, сколько самымъ важнымъ туземнымъ сановникамъ; такъ по-крайней-мѣрѣ говорятъ самыя достовѣрные путешественники, по большій части очевидцы. Подробности, въ которыя мы теперь войдемъ, подтвердятъ ихъ свидѣтельство. Но слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь дѣло идетъ о простой учтивости, насколько не касаясь политики, и что чѣмъ болѣе оказывается почестей, тѣмъ болѣе стѣсняется личная свобода путешественника. По правдѣ сказать, это уже общій и неизбѣжный законъ въ Японіи; но онъ особенно при-

лагается во всей строгости къ членамъ голландской миссіи.

Opferhoofd путешествуетъ въ *норимонъ* перваго класса (*норимонъ* значитъ переносная машина). Это большая привилегія, и нужно объясненіе, чтобы оцѣнить ее. Въ Японіи два рода паланкиновъ: *норимоны* и *каго*. Оба эти рода подраздѣляются на нѣсколько сортовъ (особенно *норимоны*), смотря по длинѣ и формѣ шеста, по числу носильщиковъ, и проч. (*).

(*) Въ обыкновенномъ разговорѣ употребляютъ безъ различія слова *норимонъ* или *каго* (часто произносятъ его *канго*) для означенія носилокъ; по каждыя носилки имѣютъ особенное названіе, по чину владѣльца ихъ. На маленькихъ *каго* надобно садиться на японскій манеръ, на пятки; въ большихъ *каго* или *норимонахъ* можно сидѣть свободно, и даже лежать, «немного поджавъ ноги» (прибавляетъ Тунбергъ). Вотъ какъ онъ описываетъ свой *норимонъ*, замѣчая, что во времена Кемпфера докторъ и секретарь миссіи не пользовались такою милостію и принуждены были ѣхать во всю дорогу верхомъ, подвергаясь холоду и дождю:

«Норимоны родъ каретныхъ кузововъ, изъ тонкихъ досокъ и бамбуковыхъ тростей, съ окнами спереди и по обоимъ бокамъ, надъ дверцами. Въ нихъ можно сидѣть свободно и даже лежать, поджавъ немного ноги. Внутри *норимонъ* обитъ хорошею шелковою матеріею и бархатомъ. Въ глубинѣ его бархатный матрацъ, покрытый бархатнымъ же покрываломъ. Спина и локти покоятся на подушкахъ; а самъ сидишь на круглой подушкѣ, въ которой сдѣлано отверстіе. Въ передней части полочки, куда можно поставить чернилицу, книги и тому подобное. Окна надъ дверцами опускаютъ, если хотятъ впустить воздухъ, или закрываютъ занавѣсками и бамбуковыми сторонами. Не знаю экипажа

Только самыя важныя лица имѣютъ право возить съ собою *шабенто* или полный чайный приборъ. Начальникъ факторіи пользуется этимъ правомъ и еще другимъ, болѣе важнымъ: онъ сидитъ въ своемъ *норимонъ* въ такихъ мѣстахъ, гдѣ чиновники ниже губернаторскаго званія должны выходить. Каждое утро *гобаніози* спрашиваетъ, гдѣ онъ прикажетъ остановиться для обѣда и ночлега (хотя мѣста, гдѣ можно остановиться, уже напередъ на-

удобнѣ этого. Это родъ переносной комнаты. Чтобы устать, надобно просидѣть въ ней очень долго. Снаружи кузовъ покрытъ лакомъ и украшенъ живописью. Надъ кузовомъ тянется шестъ, за который берутся носильщики. Число ихъ сообразно съ чиномъ путешественника, не менѣе шести и не болѣе двѣнадцати. Половина идетъ безъ дѣла, готовясь на смѣну несущихъ *норимонъ*. Для развлеченія и чтобъ идти въ шагъ они тянутъ пѣсню.

«Кромѣ багажа, отправленнаго моремъ, мы навьючили нѣсколько лошадей и носильщиковъ небольшими чемоданами съ платьемъ, фонарями, и такимъ количествомъ вина и голландскаго пива, котораго было достаточно для ежедневнаго употребленія. Сверхъ того, за нами тащили чайный приборъ изъ японскаго фарфора, потому что чай пьютъ, даже не останавливаясь, и приборъ безпрестанно нуженъ. Европейцы предпочитаютъ стаканъ вина или пива этому напитку, который расслабляетъ желудокъ. Въ *норимонъ* у насъ постоянно стояли бутылка вина и бутылка пива, съ хлѣбомъ и масломъ.

Шарльвуа говоритъ тоже:

«Очень великолѣпны *норимоны*, особенно тѣ, которые употребляются въ городѣ для визитовъ или цере-

значены, и ихъ нельзя перемѣнять безъ предварительнаго согласенія съ губернаторомъ въ Нагазаки); Всѣ три Голландца помѣщаются въ гостиницахъ, существующихъ исключительно для князей, губернаторовъ и высшаго дворянства; когда нѣтъ такой гостиницы въ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ остановиться, ихъ помѣщаютъ въ храмахъ; между тѣмъ, какъ японскіе офицеры, даже самаго высшаго чина, должны довольствоваться простыми гостини-

моній: форма ихъ малоотлична отъ обыкновенныхъ канго; они отличаются только шестами, на которыхъ ихъ носятъ; шесты у канго просты, массивны, изъ одного куска дерева и не длинны; у норимонъ они больше, украшены, составлены изъ четырехъ, чисто склеенныхъ и вогнутыхъ частей. Толщина и длина ихъ назначаются самимъ княземъ, смотря по достоинству лица. Если кто не сообразуется съ этимъ приказаніемъ, то получаетъ выговоръ отъ судьи или даже платитъ пеню; только съ дамами не строги въ этомъ отношеніи.

«Внутренность норимона — продолговатый четвероугольникъ, такой величины, что въ немъ можно лечь, изъ плетеннаго бамбука, покрытъ лакомъ и иногда украшенъ красивою живописью. Въ этихъ экипажахъ только два окна, съ боковъ надъ дверцами, и потому впередъ ничего не видно. Во время дождя прикрываютъ ихъ лакированной бумагой; путешественники, ѣдущіе верхомъ, надѣваютъ плащи тоже изъ лакированной бумаги. Званіе сидящаго въ норимонѣ узнается по числу носильщиковъ, и по тому, какъ они держатъ шестъ. У одного не болѣе двухъ носильщиковъ, у другого восемь и даже болѣе. Неся принца крови или владѣтеля провинціи, носильщикъ держитъ шестъ на ладони; прочихъ носятъ на плечахъ. Всѣ

ницами. Изъ этого исключаются большіе города, напримѣръ Міяко и Огозака, гдѣ замиссией имѣютъ особенное наблюденіе, и потому Японцы помѣщаются въ одномъ мѣстѣ съ Европейцами, за которыми присматриваютъ (*). Голландскаго начальника встрѣчаетъ хозяинъ гостиницы въ парадной одеждѣ съ обычнымъ привѣтствіемъ или *комплиментомъ*, а по всей дорогѣ проходящіе мужчины, женщины и дѣти кланяются до земли

носильщики одѣты въ ливрею своего господина, и во время путешествій ихъ такъ много, что они могутъ часто перемѣняться. Есть такіе *канго*, которые явятся болѣе норимоновъ важнымъ людямъ для путешествія; они малы, и въ нихъ сидѣть неловко, потому что надобно нагибаться и поджимать ноги. Они похожи на корзинки: верхъ гладкій, а низъ выпуклый. Такіе канго особенно употребляются для переходовъ черезъ горы. Въ трудныхъ мѣстахъ, три человека несутъ маленькій *канго*, и проходятъ тамъ, гдѣ даже нельзя проѣхать верхомъ».

Кажется въ Японіи, какъ и въ Индіи, можно путешествовать довольно быстро по *почтѣ*, состоящей изъ *человѣческихъ* станцій. Во всѣхъ городахъ путешественникъ находитъ средства, необходимыя для этого страннаго рода перемѣщенія, но надобно признаться, столько же удобнаго, сколько и страннаго. Въ Индіи, Китаѣ и Японіи Европеецъ охотно пользуется этимъ обычаемъ, забывая, что переносимый часто гораздо смѣшнѣе и жалче носильщика, особенно когда послѣдній спотыкается или, что еще хуже, падаетъ!

(*) Гостиницы или постоянные дворы перваго разряда называются *тацу*, или чаще *гонцинъ*; второклассныя называются *ядоя* (ночлеги).

иностранному вельможѣ или становятся къ нему спиною, какъ недостойные (по японскимъ понятіямъ) взглянуть ему прямо въ лицо или даже смотрѣть на него (*). Таки-ми же почестями, такими же знаками уваженія встрѣчаютъ японскихъ князей при проѣздѣ ихъ. Но такъ великолѣпно принимаютъ *opperhoofd* не потому, что онъ начальникъ конторы, не потому, что представляетъ свою націю, а единственно потому, что онъ ѣдетъ къ высшему правительству въ Іедо, что онъ скоро, какъ бы ни былъ малъ и ничтоженъ, будетъ имѣть честь видѣть *сіюгуна*.

Путешествіе раздѣлено на три переѣзда. Первый назначенъ для переѣзда черезъ островъ *Kiu-siu* отъ Нагазаки до *Кокуры* и продолжается около семи дней, второй, водою, отъ *Кокуры* до *Симонозеки*, и отъ *Симонозеки* (самаго западнаго города Ниппона) до *Фіого* и *Огозаки*, черезъ множество мелкихъ острововъ, изъ которыхъ нѣкоторые плодородны, обработаны, а другіе не обитаемы и состоятъ изъ утесовъ; переѣздъ этотъ по морю очень неопредѣленъ, и можетъ продолжаться отъ четырехъ дней до трехъ недѣль. Наконецъ, третья часть путешествія совершаетъ

(*) Яванцы точно такимъ же образомъ оказываютъ почтеніе путешественникамъ высшаго чина.

ся: сухимъ путемъ до Іедо, въ двадцать два или три дня, не включая тѣхъ дней, когда останавливаются въ Огосакѣ и Міяко; слѣдственно миссія употребляетъ всего пятьдесятъ дней для переезда изъ Децимы въ Іедо; порядокъ шествія мы изложимъ по Фишеру и Зибольду. Впереди кортежа везутъ подарки; при нихъ особая свита, потомъ идутъ багажи; за ними принадлежащіе къ миссіи, предшествуемые вагенмейстеромъ и начальникомъ носильщиковъ, съ двумя нѣшними полицейскими офицерами, въ *Каго* или *Норимонахъ* нѣшняго разряда; однакожъ, при нихъ идутъ слуги и несутъ ихъ пожитки. Послѣ нихъ являются писецъ переводчиковъ, адъютантъ переводчикъ и его помощникъ, каждый въ своемъ *Каго* и съ носильщиками бѣлья и не промокаемыхъ плащей, числомъ столько сколько слѣдуетъ имъ по чину. Потомъ хирургъ или медикъ голландскій; передъ нимъ несутъ его ящикъ съ лекарствами; самъ онъ въ *норимонѣ*, который выше предъидущихъ. Потомъ секретарь миссіи въ такомъ же *норимонѣ*, начальникъ экипажей, два начальника носильщиковъ или вагенмейстеры перваго разряда, президентъ конторы въ *норимонѣ* высшаго сорта, съ восемью носильщиками, чисто одѣтыми: на одеждахъ у нихъ заглавныя буквы: *Восточная компанія Голландской Индіи*. Шествіе заключаютъ слу-

жители; переводчики, и *гобаніози* со своей святой.

Въ Японіи, на каждой станціи или на мѣстѣ отдыха, всегда находятся готовые свѣжіе носильщики, какъ у насъ почтовые лошади; но во время путешествія изъ Децимы въ Іедо Голландцы не употребляютъ этихъ подставъ. Извѣстное число носильщиковъ назначается для извѣстной доли пути, напримѣръ, для доставленія путешественниковъ изъ Нагазаки до острова *Kiu-siu*, то-есть, до мѣста, гдѣ нужно садиться на суда. Иногда этимъ носильщикамъ приходится идти по семнадцати часовъ въ сутки, но такая работа, по видимому, не приводитъ ихъ въ изнеможеніе. Приходя на ночлегъ, они парятся въ теплой банѣ, и на другое утро, на разсвѣтъ, готовы опять приняться за пошу.

Во времена Кемпфера, по случаю отправленія въ Іедо, губернаторъ Нагазаки лично пріѣзжалъ пожелать начальнику факторіи счастливаго пути; нынѣ онъ присылаетъ сказать о своемъ желаніи; но за то всѣ Японцы, официально состоящіе при конторѣ или знакомые съ однимъ изъ трехъ путешественниковъ, считаютъ долгомъ проводить ихъ до перваго храма въ Нагазаки или пріѣхать туда, чтобы выпить за ихъ здоровье и за успѣхъ миссіи чашку *заки*; что замѣняетъ въ Японіи французскую чарку, называемую *vin*

de l'étrier. Выѣхавъ изъ Нагазаки, Голландцы становятся, для всѣхъ классовъ народа, предметомъ вниманія и уваженія, которыя тѣмъ замѣчательнѣе, что японскіе слуги, состоящіе при миссіи, не всегда строго соблюдаютъ приличія, предписываемыя обычаями страны и ихъ собственнымъ унижительнымъ положеніемъ. Скажемъ вмѣстѣ съ Кемпферомъ, что этотъ контрастъ всего замѣтнѣе на большомъ островѣ *Kiu-siu*. На большомъ островѣ Ниппонѣ любопытство народа столь же велико, но уже не столь почтительно, оно всегда надѣдаетъ, а иногда становится дерзкимъ. Пріемъ у вельможъ, все еще достойный и учтивый, уже не такъ благосклоненъ и любезенъ. Однакожь изъ разсказовъ всѣхъ путешественниковъ ясно выказывается, что Голландцамъ никогда не бываетъ такъ весело и пріятно, какъ въ то время, когда они не дома, если только можно назвать Дециму домомъ этого сборища изгнанниковъ, очень похожихъ на людей, содержимыхъ въ тюрьмѣ.

Когда миссія проѣзжаетъ по острову *Kiu-siu*, ей даютъ праздники поочередно всѣ князья, по владѣніямъ которыхъ она проходитъ. Отрядъ солдатъ ожидаетъ ее на каждой новой границѣ; президента привѣтствуютъ отъ имени князя и провожаютъ до слѣдующей границы. Миссія садится на суда въ

Кокурѣ, гдѣ оставляетъ свои норимоны и канго впредь до возвращенія. Во время переѣзда моремъ, останавливаются часто на островахъ, и вельможи, принимающіе миссію, стараются перещеголять другъ друга учтивостію, угодливостію и заботливостію къ Голландцамъ. *Гобаніюзи* или *куининъ*, главный распорядитель поѣздки, и старшій переводчикъ помогаютъ этому гостепріимству, столько же чистосердечному, сколько полному, и стараются занять путешественниковъ, показывая и доставляя имъ случай видѣть все, что каждый городъ или каждая мѣстность представляетъ особенно любопытнаго и замѣчательнаго. Доктѣръ Зибольдъ думаетъ, что если приходилось иногда Голландцамъ, во время поѣздки въ Іедо, жаловаться на своихъ проводниковъ, то это слѣдуетъ приписать ихъ незнанію мѣстныхъ обычаевъ и ихъ скупости. Дѣйствительно, какъ всѣ необходимыя издержки путешественниковъ напередъ исчислены и приведены въ извѣстную сумму, которою распоряжается первый переводчикъ и за которую отвѣчаетъ предъ своимъ правительствомъ, то всякая *чрезвычайная* издержка, происходящая отъ измѣненія пути или отъ продолжительной остановки въ какомъ нибудь мѣстѣ для личнаго удовольствія путешествующихъ, должна падать на собственный ихъ счетъ; нелѣпо было бы

полагать, что переводчикъ можетъ принять ее на себя. Зибольдъ увѣренъ, что, принявшись за дѣло своевременно и пожертвовавъ приличную сумму денегъ, миссія всегда можетъ доставить себѣ все, чѣмъ захочетъ наслаждаться внѣ обыкновенной программы (*).

Дороги вообще хороши, содержатся порядочно и такъ широки, что на нихъ свободно движутся огромныя массы путешественниковъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили (**).

По множеству несчастныхъ случаевъ, очень частыхъ въ этой гористой странѣ, гдѣ нерѣдко приходится ѣхать по вершинамъ горъ или спускаться по ступенькамъ, выбитымъ въ утесахъ, въ Японіи нельзя постоянно употреблять колесныхъ экипажей. Дороги обыкновенно обсажены деревьями и тщательно выметены; послѣднее обстоятельство надобно приписать какъ обычаю земледѣльцевъ, которые собираютъ удобреніе вездѣ, гдѣ могутъ, такъ и уваженію къ путешественни-

(*) Однакожъ миссія должна добраться до Іедо въ пзвѣстный срокъ, какъ увидимъ послѣ.

(**) Онѣ содержатся на счетъ князей, по владѣніямъ которыхъ проходятъ; надзираютъ за ними смотритель (*агодайкванъ*) и президентъ округа (*со-я*). Частыя встрѣчи многочисленныхъ свитѣ заставили принять за правило, чтобы каждый держался лѣвой руки и давалъ проходъ встрѣчающемуся по своей правой сторонѣ. Такое же правило соблюдается на мостахъ (Зибольдъ, томъ I. стр. 208).

камъ. По обѣимъ сторонамъ дорогъ встрѣчается множество лавчонокъ, гдѣ выдѣлываютъ и продаютъ безчисленное количество соломённой *обуви для лошадей* и вьючнаго скота, и сандалій для прохожихъ. Эта обувь для лошадей и быковъ одинакова во всей имперіи, и даётъ хлѣбъ множеству бѣдныхъ людей. Мы уже сказали, но нелишнимъ считаемъ еще повторить, что на всѣхъ дорогахъ продаются книжки съ указаніями мельчайшихъ подробностей, какія могутъ понадо-биться путешественнику.

Европейскіе путешественники описали значительное число естественныхъ рѣдкостей, минеральныхъ источниковъ, горячихъ и холодныхъ ваннъ, храмовъ, и проч., попадавшихъ имъ на пути. Кемпферъ говоритъ во множествѣ такихъ предметовъ, и хотя его манера описывать неизящна, но за то вѣрна, и до такой степени оригинальна, что мы сожалѣемъ, что не можемъ выписать вполне рассказъ его, относящійся до поѣздки въ Іедо. Однакожъ, мы будемъ на него ссылаться и основываться на немъ въ этомъ трудѣ, представляющемъ сводъ рассказовъ всѣхъ прочихъ путешественниковъ.

При переѣздѣ черезъ островъ Кіу-зіу, доктора Зибольда всего болѣе поразило посѣщеніе буддистскаго храма близъ *Ягами*, гдѣ миссія останавливалась обѣдать, въ самый день

отъѣзда изъ Нагазаки. Храмъ этотъ, выстроенный особенною сектою, извѣстною подъ именемъ *Икко-Сіу*, существенно отличается отъ прочихъ буддистскихъ храмовъ, потому что въ немъ вмѣсто большаго числа идоловъ, видно только изображеніе одного божества, *Амида*. Бонзы этой секты только одни, изъ всѣхъ буддистскихъ жрецовъ, могутъ жениться и ѣсть мясо.

Въ окрестности *Соногуи* (Кемпферъ пишетъ *Синогни*, Тунбергъ *Синогнуи*, а Фишеръ *Соноги*) находится камфарное дерево. Кемпферъ называетъ его чудовищнымъ, но оно еще не измѣрено, потому что стоитъ на вершинѣ крутаго холма, и доступъ къ нему труденъ. Зибольдъ нашелъ это дерево еще здоровымъ и цѣлымъ, и богатымъ листьями, хотя оно со времени Кемпфера постарѣло ста тридцатью пятью годами. Колосъ растительнаго царства былъ на этотъ разъ (въ 1826 году) вымѣренъ. Зибольдъ говоритъ, что стволъ его имѣетъ въ окружности семнадцать метровъ (около 24 аршинъ). Внизу дерево пусто, и Зибольдъ замѣчаетъ, что пятнадцать человѣкъ могутъ помѣститься въ этой живой пещерѣ.

Въ *Цюка-саки* или *Цука-саки*, (Кемпферъ пишетъ *Искакаки*) полковникъ Стюрлеръ и его товарищи получили позволеніе выкупаться въ собственной ваннѣ фиценскаго

князя и удивлялись чрезвычайной чистотѣ ея. Зибольдъ замѣчаетъ, что вода, уже чистая какъ кристаллъ, пропускалась еще черезъ волосяное рѣшето, чтобы не было въ ней ни малѣйшаго посторонняго тѣла. *Цукасаки* знаменито своими теплыми источниками, особенно полезными для больныхъ, которые лишились употребленія членовъ. Не съ меньшимъ удивленіемъ говоритъ Зибольдъ о дачѣ князя *Цикузена*, гдѣ они имѣли ночлегъ и гдѣ полковнику отвели комнаты самаго князя. Онѣ состояли изъ передней и спальни, которая, какъ и всѣ спальни въ Японіи, превращалась въ гостиную, какъ скоро изъ нея убирали постель (*).

Стѣны были обдѣланы кедровымъ деревомъ и прекрасно полированы, оттѣнки были подобраны роскошно. Комната, какъ и всегда въ Японіи, могла быть раздѣлена на нѣсколько отдѣленій, посредствомъ ширмъ, которыя двигались по нарочно-устроеннымъ желобкамъ. Эти ширмы сдѣланы изъ золоченой бумаги, въ лакированныхъ рамкахъ, богато украшенныхъ. Комната, замѣчательная

(*) Постель состоитъ изъ тонкаго матраца, съ легкою деревянною подушкою, въ которой сдѣлано нѣсколько ящичковъ; въ нихъ кладутъ драгоценности и цѣнныя бездѣлушки. На эту подушку кладутъ пуховую, и постель готова. На день, все это свертывается и кладется въ сундукъ, стоящій въ углу комнаты.

вдвойнѣ, по изяществу и чистотѣ, и по уютности, которая не согласовалась съ чиномъ владыльца, выходила на красивый садикъ, гдѣ помѣщалось обычное капище или моельня. Всего любопытнѣе въ передней было углубленіе, родъ клѣтки, гдѣ обыкновенно сидѣлъ камергеръ князя, и по нѣскольку часовъ ждалъ приказаній своего повелителя, въ совершенномъ уединеніи, никѣмъ не видимый.

На богатомъ и любопытномъ островѣ Кіузіу всего замѣчательнѣе, въ экономическомъ отношеніи, каменный уголь. Зибольдъ говорить, что его употребляютъ въ *Каянози*, гдѣ докторъ грѣлся у огня, поддерживаемаго этимъ углемъ (*).

Зибольдъ грѣлся съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что поѣздка въ Іедо обыкновенно начинается въ февралѣ, когда Японія надѣваетъ, по словамъ доктора, зимнюю одежду, и часто видишь ледъ или по-крайней-мѣрѣ гололедицу. Кромѣ того, онъ осмот-

(*) Кемпферъ тоже упоминаетъ объ этомъ каменномъ углѣ и говоритъ, что ему показывали копи въ окрестностяхъ Курозаки, какъ *что-то необыкновенное*. Шарльвуа увѣряетъ, что эти копи загорѣлись отъ неосторожности рабочихъ, и горятъ съ-тѣхъ-поръ. О каменномъ углѣ упоминаютъ и Фишеръ и Тунбергъ, указывая на разныя мѣстности или называя одну мѣстность разными именами, въ которыхъ нѣтъ однакожъ рѣзкаго различія.

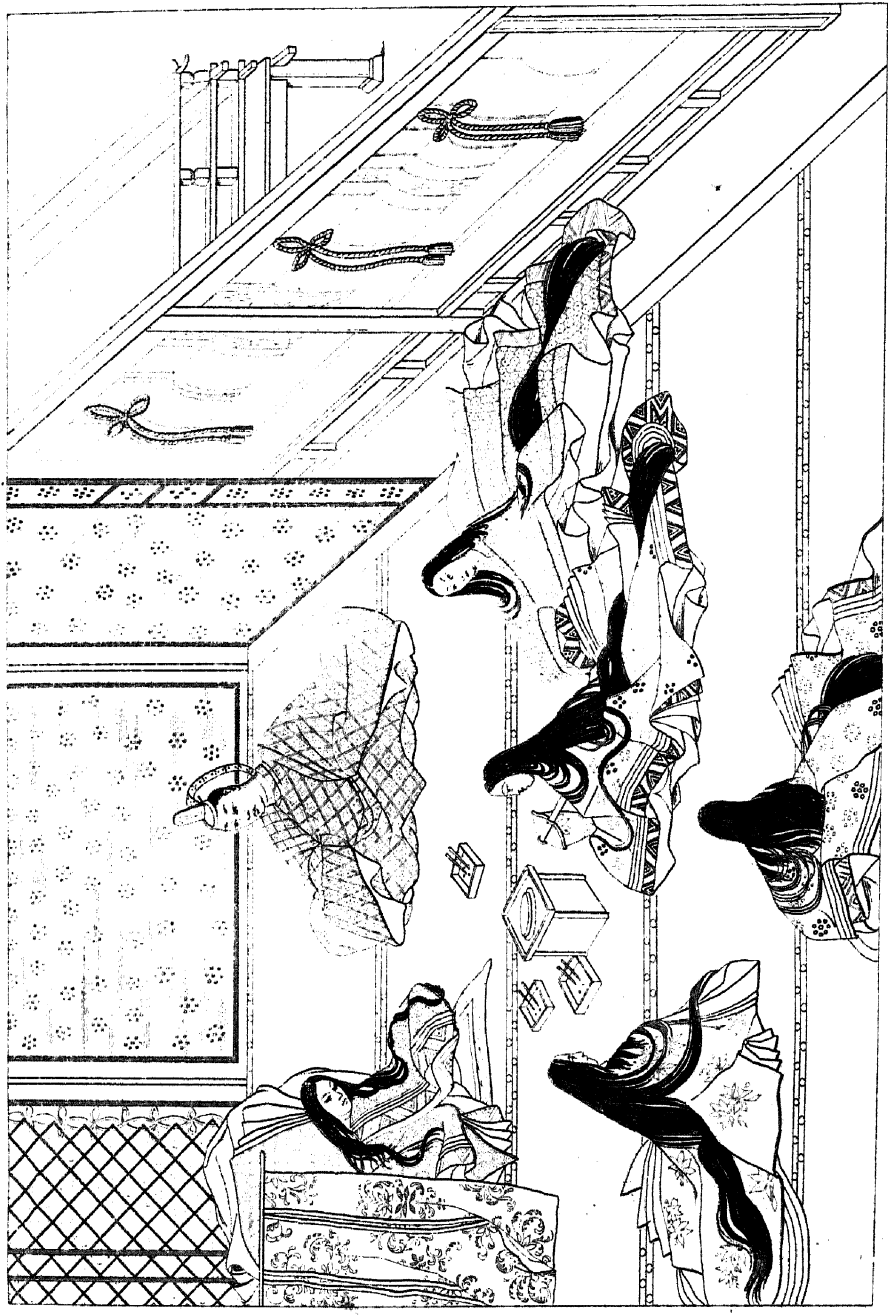
рѣлъ копи каменнаго угля въ *Вукумото*, и хотя ему не дозволили спуститься въ самую глубину, однакожъ онъ могъ убѣдиться, что копи хорошо и дѣльно разрабатываются.

Верхніе пласты толщиною въ нѣсколько дюймовъ, но его *увѣрили*, что низшіе слои въ нѣсколько футовъ; показаніе это подтверждали массы, вынутыя изъ глубины, которыя онъ самъ видѣлъ. По качеству своему этотъ уголь смолистой породы, и туземцы, для употребленія, превращаютъ его въ коксъ. Можно думать, что эти копи доставляютъ (говоритъ Жансивыи) скорѣе антрацитъ, чѣмъ собственно такъ называемый каменный уголь.

Переѣздъ изъ *Симонозекы* въ *Огозаку* представляетъ мало замѣчательнаго; однакожъ Кемпферъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько любопытныхъ замѣчаній. Въ одномъ опасномъ мѣстѣ, моряки и пассажиры, желая умиловить какое то божество, бросаютъ въ море, близъ храма, посвященнаго японскому Нептуну, мелкую монету, прикрѣпленную къ дощечкѣ, и даже сосудикъ съ *закн*. Фишеръ, очевидецъ такой сцены, рассказываетъ, что рыбаки поймали сосудъ и вѣрно доставили по адресу. Онъ называетъ божество, которому была принесена такая жертва, *компира*; оно вѣроятно тождественно съ тѣмъ, которое у Кемпфера называется *аббуто квана сама*. Нѣсколько храмовъ замѣчательны въ

сосѣдствѣ *Фимеци*, одинъ по архитектурѣ, украшеніямъ и позолотѣ, другой по огромному колоколу; третій, наконецъ, по чудовищному камню. Возлѣ перваго изъ этихъ храмовъ Фишеръ видѣлъ высочайшія сосны; одну изъ нихъ можно считать самымъ древнимъ деревомъ, если Фишеръ не ошибается, увѣряя, что ей въ 1822 году было около 1000 лѣтъ (983 года).

Послѣ остановки въ портѣ *Фіого* или *Фіуго*, знаменитомъ въ Японіи по огромной плотинѣ, которая стоила значительныхъ суммъ правительству и жизни множеству работниковъ, миссія выходитъ на берегъ въ *Огозакъ*, одномъ изъ пяти императорскихъ городовъ, гдѣ останавливаются на день или на два. Городъ этотъ если не самый большой, то самый красивый и богатый въ имперіи; тутъ множество театровъ и увеселеній всякаго рода. Это *Парижъ* Японіи. Съ этого пункта, за Голландцами начинаютъ смотрѣть строго и неослабно, и ихъ едва выпускаютъ изъ отводимыхъ имъ квартиръ. Они принимаютъ множество гостей, особенно туземныхъ медиковъ и больныхъ, которые приходятъ совѣтоваться съ докторомъ европейскимъ; но эти посѣщенія *найбонъ* (инкогнито). Подарки, назначенные огозакскому губернатору, могутъ быть ему вручены только по возвращеніи изъ *Иедо* и остаются въ городѣ до того времени.

Путешественники, живя въ Огозакѣ, могутъ только заказывать нѣсколько рѣдкихъ вещей или товаровъ; исполненные заказы выдаются имъ тоже по возвращеніи изъ столицы.

Въ полтора дня переѣзжаютъ изъ Огозаки въ Міяко (•), императорскій городъ по преимуществу; это резиденція *даири* или двора духовнаго автократа, *микадо*. Миссія останавливается тамъ на цѣлый день, но за ней крѣпко смотрятъ; она почти не можетъ выходить. Нѣсколько официальныхъ визитовъ и множество визитовъ *наибонъ* занимаютъ все время путешественниковъ. Подарки, назначенныя тамошнимъ вельможамъ, остаются тутъ до возвращенія миссии изъ Іедо. Высшій сановникъ, по японски *сіозидан*, называемый Голландцами *великимъ судьей*, живетъ въ Міяко представителемъ сіюгуна у двора *микадо*. Онъ-то даетъ миссии паспортъ, безъ котораго нельзя продолжать пути. Эта послѣдняя часть дороги самая длинная и самая тяжелая.

Между Міяко и Іедо часто встрѣчаются туземные князья, съ многочисленными ихъ свитами (**).

(*) Японцы называютъ также эту столицу *Kioto*. Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

(**) Описаніе Кемпфера путешествій японскихъ вельможъ такъ живописно и занимательно во многихъ отношеніяхъ, что нельзя не привести его вполнѣ, не только для развлеченія, но и для пользы читателей.

Эти вельможи всѣми силами стараются не проѣзжать по святому городу, гдѣ ничтожнѣйшіе члены *даири* (двора духовнаго императора) считаются ихъ начальниками. На-

потому что рассказъ Кемпфера бросаетъ яркій свѣтъ на учрежденія и нравы этой странной имперіи.

Вотъ что говоритъ Кемпферъ (т. II ст. 145):

«Почти невѣроятно, какъ много народа ежедневно путешествуетъ въ этой странѣ; могу увѣрить читателя по собственному опыту (я видѣлъ это четыре раза), что на Токайдо, одномъ изъ главнѣйшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ семи путей Японіи, въ иные дни болѣе проходящихъ, чѣмъ на большихъ улицахъ главныхъ европейскихъ городовъ. Это происходитъ частію отъ того, что жителей въ Японіи очень много, частію же отъ того, что жители безпрестанно перемѣняютъ мѣсто, или по доброй волѣ или по необходимости.

«Князья и вельможи имперіи, съ огромнѣйшими свитами, равно какъ и губернаторы императорскихъ городовъ и земель, принадлежащихъ казнѣ, занимаютъ первое мѣсто между путешественниками. Они ежегодно разъ обязаны ѣздить ко двору, на поклонъ свѣтскому монарху, въ извѣстное время, для того назначенное. Такимъ образомъ они проѣзжаютъ по большой дорогѣ два раза въ годъ, то есть, когда ѣдутъ въ Иедо и когда возвращаются оттуда. Во время путешествія, ихъ провожаетъ весь ихъ дворъ, и они совершаютъ поѣздку съ тѣми великолѣпіемъ и роскошью, которые по ихъ понятіямъ приличны ихъ званію и богатству, равно какъ и величію мощнаго монарха, къ которому ѣдутъ. Свита иныхъ важнѣйшихъ князей имперіи такъ велика, что занимаетъ на дорогѣ пространство нѣсколькихъ дней пути. Часто случалось мнѣ, при самой быстрой ѣздѣ, встрѣчать въ продолженіе двухъ дней сряду багажъ и свиту; предшествовавшіе князю; она состояла изъ служителей и низшихъ офицеровъ, раздѣленныхъ на мелкіе отряды; самъ князь встрѣчалъ

добно замѣтить, что это страшное стеченіе путешественниковъ никогда не подаетъ повода къ какому нибудь непріятному случаю, ни къ малѣйшей ссорѣ на дорогѣ или въ гостини-

ся только на третій день, съ многочисленной свитой; и все это шло въ изумительномъ порядкѣ. Говорятъ, что свита одного изъ важнѣйшихъ *даими* состоитъ изъ 20,000 чел.; свита *сіоміо* — изъ десяти тысячъ, а свита губернатора императорскаго города и земель, принадлежащихъ казнѣ, — изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, смотря по его чину или доходамъ.

Если нѣсколько такихъ князей и вельможъ съ многочисленными свитами съѣдутся на одной дорогѣ, въ одно время, то не могутъ не мѣшать другъ другу, особенно если встрѣтятся въ одномъ *сіуку* (селѣ), потому что часто даже цѣлаго села недостаточно для помѣщенія одной свиты. Для устраненія такого неудобства, князья и вельможи приняли за правило извѣщать о своемъ проѣздѣ преждевременно всѣ селенія и гостинницы, а именно первостатейныя за мѣсяцъ, а прочія за недѣлю или за двѣ до проѣзда. Кромѣ того, объ этомъ же извѣщаются всѣ города, села и деревни, лежащія на пути, посредствомъ дощечекъ, выставляемыхъ на бамбуковыхъ шестахъ при вѣздѣ и выѣздѣ изъ этихъ мѣстъ; на доскахъ коротко написано, что въ такое то число такой-то вельможа проѣдетъ черезъ это мѣсто и будетъ тутъ обѣдать или ночевать.

«Для удовлетворенія любопытства читателя, нелишнимъ считаемъ описать одинъ изъ такихъ большихъ поѣздовъ, впрочемъ не упоминая о передовыхъ гонцахъ, багажѣ, лошадяхъ, канго и паланкинахъ, которые высылаются впередъ за день или за два. Что я расскажу объ этомъ предметѣ, касается не до сильнѣйшихъ князей и маленькихъ королей, каковы владѣтели *Сацумъ*, *Банго*, *Овари*, *Киннокунъ* и *Мито*, но только до прочихъ *даими*, которыхъ мы встрѣчали во время поѣздки нашей ко двору, хотя между ними нѣтъ боль-

ницахъ, что должно быть приписано отчасти мѣрамъ предусмотрительной и дѣятельной полиціи, и также тому распоряженію, по которому ѣдущіе въ столицу держатся правой сторо-

шой разницы, кромѣ ливрей и пикъ особеннаго рода, произвола въ распредѣленіи шествія, и числа лошадей, фассамбаковъ, норимоновъ, канго и служителей, необходимыхъ для присмотра за всѣми этими предметами.

«1) Сначала идутъ толпы передовыхъ гонцовъ, фурьеровъ, секретарей, поваровъ и другихъ низшихъ должностныхъ лицъ, потому что они должны заботиться о помѣщеніи, съѣстныхъ припасахъ и обо всемъ, что необходимо для принятія ихъ господина и его двора.

«2) Потомъ идетъ княжескій тяжелый багажъ въ сундучкахъ, уже мною описанныхъ выше, на лошадяхъ (на каждомъ знамя съ гербомъ и именемъ владѣльца), или въ огромныхъ ящикахъ, крытыхъ красною лакированной кожею, тоже съ гербомъ хозяина; ихъ несутъ на плечахъ носильщики, сопровождаемые смотрителями.

«3) Большое число малыхъ предметовъ, принадлежащихъ главнымъ офицерамъ, важнымъ лицамъ, провожающимъ князя, съ пиками, саблями, луками и стрѣлами, зонтиками, лошадьми и другими знаками отличія, которые слѣдуютъ ихъ чину или должности.

«4) Собственный поѣздъ князя, въ изумительномъ порядкѣ; онъ раздѣленъ на вѣсколько частей; каждою начальствуетъ особый офицеръ. Вотъ какъ онѣ слѣдуютъ одна за другой, по степени важности:

1) Пять прекрасныхъ лошадей, иногда болѣе, иногда менѣе, каждую ведутъ два конюха; за ними по два служителя; 2) пять или шесть носильщиковъ, иногда и болѣе, богато одѣтые, идутъ гуськомъ и несутъ фассамбаки или лакированные сундучки, и ящички и корзины тоже лакированные, гдѣ помѣщены одежда, бѣлье и прочія принадлежности туалета князя; при каждомъ носильщикѣ два служителя, которые прини-

ны, а возвращающіеся оттуда лѣвой. Но подобныя мѣры имѣютъ успѣхъ только въ такомъ случаѣ, когда совершенно согласуются съ народнымъ характеромъ. Предположивъ, что на

маютъ на себя его ношу поочередно; 3) десять человѣкъ, или болѣе, тоже гуськомъ, несутъ богатые сабли, почетныя пики, огнестрѣльное оружіе, въ футлярахъ изъ лакированного дерева, и колчаны со стрѣлами и луками; иногда, за этими людьми, для большаго великолѣпія, идетъ множество носильщиковъ съ фассамбаками, и ведутъ еще лошадей; 4) два или три человѣка несутъ государственныя пики, знаки могущества и власти князя; онѣ на верху убраны пѣтушьими перьями, или жесткими ремнями, или чѣмъ нибудь другимъ, особенно свойственнымъ владѣльцу; носильщики пикъ идутъ одинъ за другимъ; за каждымъ изъ нихъ по два служителя; 5) дворянинъ несетъ шляпу, которую князь надѣваетъ отъ солнечнаго жара и которая покрыта чернымъ бархатомъ; за нимъ тоже два служителя; 6) другой дворянинъ несетъ князевъ зонтикъ, тоже покрытый чернымъ бархатомъ; за нимъ два служителя; 7) еще болѣе фассамбаковъ и лакированныхъ сундуковъ, крытыхъ цвѣтною кожею, съ гербомъ князя; при каждомъ сундукѣ два человѣка; 8) около шестнадцати пажей и камеръ-юнкеровъ князя, богато одѣтыхъ, идутъ по два въ рядъ передъ его норимономъ; они выбраны изъ важнѣйшихъ лицъ его двора; 9) самъ князь сидитъ въ великолѣпномъ норимонѣ; несутъ его шесть или восемь человѣкъ, въ богатыхъ ливреяхъ; другіе идутъ около экипажа для смѣны ихъ. Два или три камеръ-юнкера идутъ у дверцы, подаютъ ему или принимаютъ отъ него, что онъ прикажетъ, и помогаютъ ему выходить изъ норимона; 10) двѣ или три парадныя лошади, съ сѣдлами, покрытыми чернымъ бархатомъ; одна изъ нихъ несетъ огромное кресло, иногда тоже покрытое чернымъ бархатомъ и поставленное на *норикако* изъ той же матеріи; при каждой

дорогахъ все такъ спокойно, порядочно и прилично, какъ насъ увѣряетъ Кемпферъ (а мы не имѣемъ причины не вѣрить ему), мы можемъ найти объясненіе этого феномена толь-

лошади по нѣскольку конюховъ и лакеевъ въ ливреѣ, а иныхъ ведутъ даже пажы князя; 11) два носильщика пикъ; 12) десять человекъ или болѣе несутъ огромнѣйшія корзины, на палкахъ, на плечахъ, такъ-что одна корзина спереди, другая сзади; они служатъ не существенно, а только для церемоніи; иногда, для увеличенія толпы, къ нимъ присоединяютъ нѣсколько носильщиковъ фассамбаковъ. За собственнымъ конвоемъ князя шествіе продолжается такъ:

«5) Шесть или двѣнадцать лошадей; ведутъ ихъ конюхи и служители, всѣ въ ливреяхъ.

«6) Толпа княжескихъ служителей и другихъ должностныхъ лицъ его двора, съ ихъ принадлежностями и слугами, которыхъ не мало: всѣ они несутъ пикъ, фассамбакъ, и въ ливреяхъ. Нѣкоторыхъ изъ служителей и должностныхъ лицъ несутъ въ канго. Всю эту толпу ведетъ главный гофмейстеръ князя; несутъ его въ великолѣпномъ норимонѣ.

«Если въ путешествіи находится сынъ князя, то онъ непосредственно слѣдуетъ за отцомъ, со всѣмъ своимъ особеннымъ кортежемъ.

«Чрезвычайно любопытно и достойно удивленія, какъ всѣ эти лица, составляющія нескончаемую свиту, одѣтыя въ черныя шелковыя платья (всѣ, кромѣ носильщиковъ пикъ, лакеевъ при норимонахъ и ливрейныхъ служителей), идутъ въ удивительномъ порядкѣ, съ важностію, которая имъ очень пристала, и въ такомъ безмолвіи, что слышны только шелестъ одеждъ и топотъ лошадей и людей, неразлучный со всякимъ движеніемъ. Но съ другой стороны, Европейцу покажется очень страннымъ, что носильщики пикъ и слуги при норимонахъ поднимаютъ одежду и выказываютъ наготу своихъ ногъ зрителямъ. Еще страннѣе и

ко въ общемъ благорасположеніи, въ природной наклонности къ порядку и во врожденномъ уваженіи къ закону; все это дѣлаетъ величайшую честь японскому характеру.

смѣшнѣе шуточная пляска, въ которую пускаются носильщики пикъ, зонтиковъ, шляпъ, сундучковъ, и всѣ ливрейные лакеи, когда проходятъ по значительному селенію или городу, или когда проходятъ мимо свиты другаго князя или вельможи. При каждомъ шагѣ они поднимаютъ ногу до самой спины, протягивая руки передъ собою какъ можно дальше, и становятся въ такое положеніе, какъ будто хотятъ плавать по воздуху. Въ то же время, соображаясь съ прочими своими движеніями, они потрясаютъ пиками, шляпами, зонтиками, сундучками, корзинами и всѣмъ, что у нихъ въ рукахъ. Лакеи при норимонахъ засучиваютъ рукава до плечъ и ходятъ съ обнаженными локтями; они несутъ шесть норимона на плечахъ или на ладони, поднимая руку выше головы. Въ такомъ положеніи они протягиваютъ другую руку впередъ горизонтально, и этимъ, равно какъ маленькими, мѣрными шагами, держа прямо ноги, показываютъ страхъ и осторожность, до крайности смѣшныя. Если князь выходитъ изъ норимона въ бесѣдку изъ зелени, для него нарочно построенную на дорогѣ, или въ частный домъ, чтобъ выпить чашку чаю, или для какихъ другихъ нуждъ, то всегда оставляетъ хозяину этого мѣста *кобанъ* въ награду; за обѣдъ и за ужинъ онъ награждаетъ еще щедрѣе.»

Зибольдъ тоже рассказываетъ о безпрестанныхъ путешествіяхъ Японцевъ, и замѣчаетъ, что японскій вельможа, во время путешествія, рабъ обычая и этикета. Малѣйшія подробности его одежды, конвоя, поклажи, знаковъ отличій, остановокъ на пути, его обѣдовъ, даже ночлеговъ, опредѣлены неизмѣнными правилами. За то положеніе вельможи очень скучно, тяжело и даже опасно въ Японіи.

На половинѣ дороги между обѣими столицами, на западномъ берегу глубокаго залива (а не озера, какъ говоритъ Фишеръ), находится городокъ *Араи*, очень важный по своему положенію; тутъ всегда значительный отрядъ войска. Князь, во владѣніяхъ котораго находится этотъ городъ, и котораго воины доставляютъ стражу, почти всегда бываетъ членомъ государственнаго совѣта. Никто не можетъ проѣхать черезъ этотъ городъ въ *Иедо*, не имѣя паспорта отъ главнаго судьи; женщины же должны брать особое позволеніе. Тутъ тщательно осматриваютъ бумаги и багажи, даже самихъ путешественниковъ, чтобы какая нибудь женщина въ мужскомъ платьѣ не пробралась въ императорскія провинціи. Извѣстно, что жены и дочери князей, губернаторовъ и другихъ вельможъ, занимающихъ государственныя мѣста, содержатся въ *Иедо* какъ заложницы и отвѣчаютъ за вѣрность своихъ мужей и отцевъ; но въ книгахъ путешественниковъ нельзя добиться объясненія, почему женщинамъ не дозволено ѣздить въ *Иедо* безъ особеннаго позволенія. Вѣроятно японское правительство не желаетъ, безъ необходимой нужды, увеличивать число семействъ, которыя находятся подъ его надзоромъ, а потому ни жена, ни дочь высшаго чиновника не могутъ выѣхать изъ столицы тоже безъ особеннаго позволенія.

Нарушеніе этого правила, имѣющаго тѣсную связь съ безопасностію государства, влечетъ за собою смертную казнь всѣмъ тѣмъ, кто участвовалъ въ преступленіи.

По исполненіи всѣхъ обрядовъ, предписанныхъ закономъ, лодка князя, но подъ голландскимъ флагомъ, изъ уваженія къ миссіи, перевозитъ начальника факторіи и его свиту на другую сторону залива. На слѣдующій день они на паромѣ переѣзжаютъ черезъ *Теріогаву*, (Кемпферъ называетъ эту рѣку *Тенъ Ринъ*), дно которой, по словамъ Фишера, очень богато золотымъ пескомъ (*), но Японцы, говоритъ онъ, не умѣютъ извлекать его. Это едва вѣроятно, потому-что Японцы довольно хорошіе металлурги. Какъ бы то ни было, переѣздъ черезъ эту рѣку не такъ занимателенъ для европейскихъ путешественниковъ, какъ переѣздъ черезъ *Огаву*, который они совершаютъ на слѣдующій день. Потокъ этотъ такъ быстръ, дно его такъ неровно и утесисто, что на немъ нѣтъ ни мостовъ, ни перевозныхъ судовъ; за то есть люди, которые обязаны провожать путешественниковъ и переносить багажи, такъ чтобы съ ними не случилось ни

(*) Тунбергъ проѣзжалъ по этой же рѣкѣ, но только въ лодкѣ; онъ называетъ ее *Тиндигава*. Ни онъ, ни Кемпферъ не упоминаютъ о золотоносныхъ пескахъ въ этомъ потокѣ.

малѣйшаго несчастія. Эти носильщики отвѣчаютъ за васъ своею головою, говоритъ Тунбергъ, подтверждая свидѣтельство Кемпфера; Фишеръ подкрѣпилъ Тунберга и увѣряетъ, что переправа эта дѣйствительно опасна, хотя потокъ не имѣетъ болѣе пятидесяти футовъ ширины, когда вода не высока. Часто во время дождей *Отава* разливается на цѣлую версту въ ширину, и черезъ нее можно переходить въ бродъ только въ извѣстныя времена. Нерѣдко путешественники стоятъ по цѣлымъ днямъ на ея берегахъ. Она проходитъ по гористой странѣ, богатой разнообразными живописными видами, и украшаетъ ихъ своими водами, спѣша поскорѣе добраться до моря.

Японцы, страстные обожатели природы, не могли не восхищаться рѣкою *Отава* (*). Эта знаменитая рѣка доставляетъ неисчерпаемыя картины и сравненія поэтамъ и рисовальщикамъ; но это поэтическое преимущество раздѣляетъ она съ горою *Фузи*, которую видишь за минуту до переѣзда черезъ рѣку. Гигантская вершина этой горы

(*) по Кемпферу *Ошигава*;

по Тунбергу, *Онигава*;

по Фишеру *Ойегава* и *Ойегава*;

по Chinese Repository, *Ойегава*.

Звукъ *И* произносится носомъ въ названіи этой рѣки и многихъ другихъ. Это японская особенность.

возвышается надъ всею странюю, такъ что сосѣднія горы кажутся холмами. Гора *Фузи* или *Фудзи*—самая высокая въ Японіи; вершина ея почти весь годъ покрыта снѣгами. Высота ея (по исчисленію Зибольда) въ 3793 метра (около 1657 саж.), а лежитъ она, тоже по увѣренію Зибольда, въ провинціи *Суруга*, подъ 34° 50' сѣвер. широт. и 136° 25' вост. долготы. Японцы обыкновенно называютъ ее *Фузи-саю*. Это была огнедышащая гора, въ старину очень опасная, но послѣднее изверженіе не повторялось уже полтора вѣка, такъ что гора перестала быть предметомъ ужаса для плодородной страны, которая ее окружаетъ. Однакожъ, эта великолѣпная и грозная масса до сихъ поръ возбуждаетъ суевѣрное изумленіе. Кто можетъ добраться до вершины ея, гдѣ сила вѣтровъ безпрестанно разбиваетъ снѣгъ въ бѣлый дымъ, тотъ думаетъ, что совершилъ спасительное путешествіе въ естественный храмъ генія бурь (*).

«Народъ поднимается на гору, говоритъ Кемпферъ, для поклоненія японскому Эолу или богу вѣтровъ. Взбираться на нее надобно

(*) Фишеръ увѣряетъ, что Японцы поднимаются на вершину горы для принесенія мольбы идоламъ, которые поставлены руками предковъ въ разсѣлинахъ утесовъ. Эти восхожденія совершаются только въ августѣ.

три дня, но спуститься можно, если хочешь, въ три часа; для этого Японцы привязываютъ себя къ санкамъ изъ тростника или соломы, и катятся такимъ образомъ внизъ, зимою по снѣгу, лѣтомъ по песку, потому что гора удивительно гладка и ровна. *Ямабосы (Yamabosis)* или горные жрецы принадлежатъ къ ордену Эола и, разговаривая или прося милостыни, безпрестанно повторяютъ слово *Фузи Яма*. Поэты не могутъ найти довольно сильныхъ выраженій, а живописцы довольно яркихъ красокъ, для достойнаго и полного изображенія величія этой горы.» Кемпферъ замѣчаетъ, что по рассказамъ людей, поднимавшихся на нее, на самой вершинѣ находится глубокая яма, изъ которой въ прежнее время вылетали пламя и дымъ, пока въ ней не поднялся пригорокъ или холмикъ; но теперь этотъ кратеръ наполнился водою.

Японцы и иностранцы, всѣ восхищаются этою горою. Невозможно словами передать всю красоту окрестнаго пейзажа, въ которомъ она занимаетъ центръ и которому придаетъ

Замѣтимъ мимоходомъ, что Фишеръ пишетъ имя знаменитой горы тремя манерами:

Фези-Яма, на стр. 74.

Феци-бергъ, на стр. 299.

Феге-бергъ, на стр. 301.

Подробности объ этой горѣ см. выше.

особенное величіе правильностію своей формы и своею высотой.

Ямабосы (*Iamtabosis* или *Iamobos*) составляют отшельническое братство или, лучше сказать, религіозную секту, которой преданія, привычки, ученіе и вліяніе заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мы займемся ими, когда будемъ говорить о различныхъ формахъ религіи и вѣрованій въ Японіи. Теперь замѣтимъ только, что первѣйшая обязанность всякаго Ямабоса посѣтить *высшій мѣста* и вынести труднѣйшія испытанія отшельнической жизни. Эти кочующіе отшельники могутъ жениться; сыновья ихъ поступаютъ въ пилигримы и нищіе, а дочери идутъ въ *нищенствующія отшельницы*, о которыхъ мы уже говорили выше.

Дорога, по которой ѣдетъ миссія, идетъ у подошвы горы *Фузи* черезъ село, изъ котораго она видна во всемъ своемъ блескѣ. Европейцы останавливаются въ хижинѣ земледѣльца, который предлагаетъ имъ въ числѣ другихъ предметовъ угощенія, родъ шербета изъ *заки* и снѣга, набраннаго на знаменитой горѣ; за это дарятъ ему золотой кобангъ, японскую монету, стоящую 25 или 26 франковъ (*) (на наши деньги $6\frac{1}{4}$,

(*) См. въ концѣ книги исчисленіе вѣса, мѣры и монетъ, составленное по новѣйшимъ источникамъ.

или 6¹/₂ руб. сер.) Едва потеряютъ изъ виду большую гору, какъ является другая, черезъ которую надобно непременно переѣхать, чтобы добраться до Иедо. Она называется *Факоне* или *Факоніе* и принадлежитъ къ цѣпи горъ, богатыхъ самыми разнообразными пейзажами; тутъ самыя дикія мѣста встрѣчаются возлѣ превосходно обработанныхъ полей и веселыхъ селъ. Въ этихъ селлахъ живутъ лучшіе японскіе токари, чеканщики и лакировщики; здѣсь можно получать мастерскія ихъ произведенія за весьма умѣренную плату. Чтобы вполне насладиться видомъ этихъ очаровательныхъ мѣстъ, князя и благородные люди останавливаются за нѣсколько миль, не доѣзжая до селенія *Факоне* (на спускѣ горы), въ мѣстѣ, гдѣ молоденькія дѣвушки подають угощеніе: чай, лакомства и. т. под. Селеніе лежитъ на разстояніи четверти мили отъ вершины горы, на берегу огромнаго пруда, очень богатаго рыбой, гдѣ ловятъ, къ удивленію Тунберга, превосходнѣйшихъ осетровъ.

«Мы съ сожалѣніемъ разстались съ этимъ прелестнымъ мѣстомъ, говоритъ онъ, и спускаясь съ горы, я собиралъ травы, цвѣты и сѣмена разныхъ растеній, встрѣчавшихся по дорогѣ или около нея. Мы видѣли много водопадовъ и канавъ, устроенныхъ жителями для орошенія полей и ежедневнаго употре-

бленія. У подошвы горы насъ осмотрѣли въ караульнѣ, при императорскихъ чиновникахъ; они сидѣли все время; пока осматривали насъ и наши пожитки.»

Дѣйствительно, тутъ содержится значительный постъ для надзора за проходящими. Онъ даже важнѣе того, который помѣщенъ въ Аран, потому что Факоне считается ключемъ столицы Іедо. Всѣ дороги направлены такъ, что сходятся въ дефилей у Факоне; онъ запертъ воротами и тщательно охраняется. Офицеры, приставленные къ надзору за этимъ проходомъ, обязаны осматривать каждаго мужчину, не пропускать ни женщинъ, ни оружія. Мужчины предъявляютъ паспорта; безпаспортныхъ берутъ подъ стражу. Титсингъ рассказываетъ анекдотъ (если не сказку), показывающій, что можно обмануть бдительность стражи, но трудно избавиться отъ наказанія за обманъ, если даже успѣешь пробраться далеко за роковую преграду.

«Одинъ Японецъ изъ Іедо, оставшись вдовцемъ съ двумя дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой, долженъ былъ ѣхать въ отдаленную провинцію для важныхъ дѣлъ. Не зная, кому поручить дѣтей на время своего отсутствія, онъ рѣшился везти ихъ съ собой и, прибывъ въ Факоне, успѣлъ провести дочь въ мужскомъ платьѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ караулни встрѣтился ему знакомый,

который, зная, что тутъ есть дѣвочка, поздравилъ его съ успѣшнымъ окончаніемъ предпріятія и просилъ *на водку*. Испуганный отецъ предлагаетъ немного денегъ, но тотъ не принимаетъ и требуетъ за свое молчаніе такую сумму, которой не было у бѣднаго путешественника. Между ними завязывается ссора, и знакомецъ, обманутый въ корыстолюбивыхъ надеждахъ, бѣжитъ въ караульню и доноситъ объ обманѣ. Караульные въ трепетѣ: если доносъ справедливъ, они подвергаются смертной казни; а какъ оставить это дѣло безъ изслѣдованія, когда доносчикъ тутъ и заставляетъ ихъ бѣжать за преступникомъ и схватить его. Начальникъ караула нашелъ, однакожъ, средство помочь злу. Желая избавить себя и солдатъ отъ страшнаго наказанія, онъ тотчасъ отправилъ гонца съ мальчикомъ, которые прибѣжали къ несчастному отцу нѣсколькими минутами прежде чѣмъ пришли солдаты, посланные въ погоню; послѣдніе, разумѣется, нисколько не торопились. Гонецъ разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ дѣло, передалъ несчастному отцу мальчика, котораго тотъ долженъ былъ показать вмѣсто своей дочери, и сказалъ, что можно будетъ по закону обращаться съ доносчикомъ какъ съ клеветникомъ и *убить его въ порывѣ законнаго гнѣва!* Приказаніе показалось столь дѣльнымъ, что

его исполнили въ возможной точности. Приходятъ солдаты, осматриваютъ дѣтей и объявляютъ, что оба *мальчики*. Раздраженный отецъ ударомъ сабли срубаетъ голову доносчику, а солдаты кричатъ, что такъ и быть должно, потомъ спокойно возвращаются въ караульню, а счастливый отецъ отправляется далѣе въ путь.»

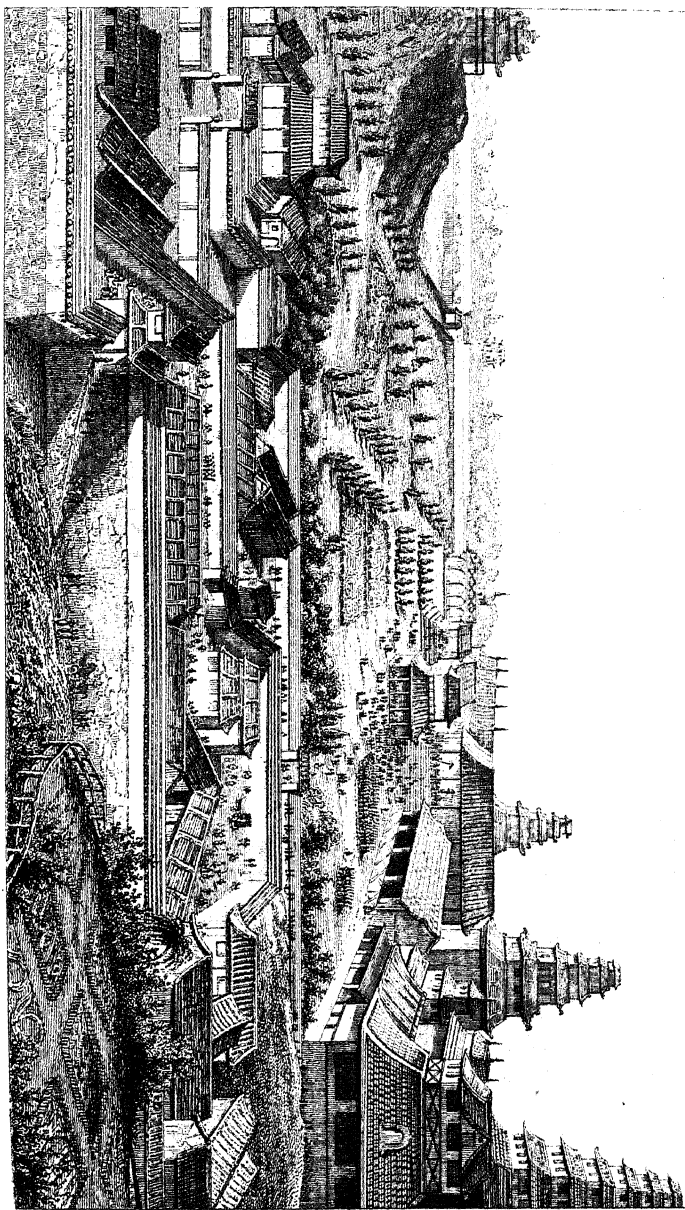
Но вернемся къ голландской миссіи. Послѣ проѣзда черезъ этотъ затруднительный пунктъ, миссія въ двое сутокъ достигаетъ до своей цѣли. Переѣзжаютъ еще двѣ или три рѣки; одна изъ нихъ очень быстра. Тунбергъ называетъ ее *Баннингава*; за нею начинаются необозримыя равнины; впрочемъ, все показываетъ, что огромная столица близко. Страна плодородна, прѣвосходно обработана. На каждомъ шагу города и села. На дорогѣ тѣснятся путешественники, которые, кажется, спѣшатъ со всѣхъ сторонъ. По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, сцена оживляется, и многочисленные праздники показываютъ, что тутъ центръ такого народонаселенія, какихъ немного въ мірѣ.

27-го марта, на разсвѣтѣ, говоритъ Фишеръ, мы уже всѣ приготовились къ вѣѣзду въ столицу. Одѣвшись въ лучшія платья, мы выѣхали изъ *Кавазаки* въ девять часовъ утра, переѣхали черезъ *Рока*

фуго гавы, и въ половинѣ двѣнадцатаго вѣхали въ *Синагаву*, западное предмѣстіе Іедо, въ невѣроятной массѣ народа. Тутъ мы должны были остановиться и принять нѣсколькихъ гостей, прежнихъ знакомыхъ и японскихъ офицеровъ, которые пришли поздравить насъ съ счастливымъ пріѣздомъ. Часа въ два мы опять отправились въ путь и проѣхали мимо дворца сацумскаго князя, который въ 1818 году самъ пріѣзжалъ съ визитомъ къ нашему *opperhoofd*. Передъ нашимъ поѣздомъ и съ боковъ шли солдаты, собственно для сохраненія порядка. По обѣимъ сторонамъ улицъ было столько народу, что мы едва могли видѣть дѣла, и несмотря на усиленіе конвоя, наши носильщики часто не могли идти впередъ свободно. Улицы, по которымъ мы шли, были широки, вымощены по сторонамъ; дома на нихъ правильной архитектуры. Мы видѣли нѣсколько огромныхъ зданій и магазиновъ; надъ послѣдними выстроены палатки. Передъ этими магазинами и передъ лавками стояло множество прикащиковъ, которые рекомендовали свой товаръ и громогласно зазывали покупателей. Здѣсь, какъ и въ Европѣ, надъ каждой лавкой вывѣска и надпись; и хотя въ Іедо нѣтъ экипажей, которые бы стучали и производили суматоху, однакожъ можно сравнить движеніе и дѣловую дѣятельность этой огром-

ной столицы только съ торговыми кварта-
лами Лондона.

«Еще не попавъ въ Синагаву, мы подвигались среди тѣсной толпы и по широкимъ улицамъ, которыя уже можно было считать за городскія; а изъ предмѣстія до мѣста жительства миссіи мы шли болѣе двухъ часовъ, хотя наши носильщики не только не уменьшили шага, но даже ускорили его. *Нагазаккія* (такъ называютъ домъ миссіи) находится возлѣ самага императорскаго дворца, въ самомъ центрѣ города; дворецъ занимаетъ пространство полу-мили въ діаметрѣ, изъ чего можно заключить, что діаметръ города простирается отъ пяти до шести часовъ пути, обыкновеннымъ шагомъ.»

The palace complex of the

ИМПЕРАТОРСКИХ АПОКРИФ. ВЪ ЛЕА.

ОПИСАНІЕ ІЕДО.—ПРЕБЫВАНІЕ ТАМЪ ГОЛЛАНДСКОЙ МИССІИ.—АУДИЕНЦІЯ У СІОГУНА, И ПР.

Мы уже замѣтили, что на большомъ островѣ Ниппонѣ голландская миссія не пользуется прежнею свободою въ путешествіи; что за путешественниками смотрятъ гораздо строже, и что имъ едва позволяютъ, особенно для развлеченія, выходить изъ назначенныхъ для нихъ квартиръ. Это особенно справедливо въ отношеніи къ пребыванію ихъ въ Іедо, и только случайно путешественники могутъ *видѣть* что нибудь кромѣ улицъ, по которымъ въѣзжаютъ въ *Нагазаккію*. Въ замѣтъ того, нѣтъ недостатка въ гостяхъ; и изъ разговоровъ съ японскими своими друзьями почерпнули они большую часть тѣхъ свѣдѣній, которыя передали намъ о столицѣ имперіи, о дворѣ *сіюгуна*, о формѣ и образѣ дѣйствія его правительства. Сначала мы въ нѣсколькихъ словахъ изложимъ все, что извѣстно о положеніи, пространствѣ и населеніи Іедо.

Городъ расположенъ у углубленія залива, который, кромѣ рѣки Іедо, самой значительной на Ниппонѣ, принимаетъ воды множества рѣчекъ, особенно съ западной стороны, гдѣ онѣ питаютъ довольно глубокой фарватеръ до мѣста, называемаго *Урагава*, около двадцати миль южнѣе Іедо. Тутъ бока залива сближаются и составляютъ лиманъ въ нѣсколько миль длиною до самого океана. Туземныя торговыя суда, останавливающіяся въ заливѣ Іедо, почти всегда бросаютъ якорь въ Синагавѣ. Иногда видишь тутъ до тысячи такихъ судовъ, собравшихся изъ всѣхъ концовъ Японіи; въ этомъ числѣ заключаются суда, привозящія дань натурою и назначенныя для рыбной ловли. Конецъ залива, у самой столицы, не такъ глубокъ; большія суда не могутъ стоять въ немъ. Черезъ городъ протекаетъ большая рѣка, впадающая въ портъ; на ней выстроено много мостовъ. Изъ нихъ главнѣйшіе: знаменитый *Ниппонъ Бассъ* или *Японскій мостъ* (то есть мостъ по преимуществу), отъ котораго считаются разстоянія во всѣ пункты имперіи, и *Іедо-Бассъ* (по Кемпферу *Іедо-Баши*) или мостъ Іедо (*).

Іедо со стороны моря разстиляется въ ви-

(*) На большой картѣ Зибольда, какъ намъ кажется, эта рѣка названа *Сумида-гава*.

дѣ полумѣсяца. Говорятъ, что столица имѣетъ отъ пятнадцати до двадцати лѣ въ окружности, а народонаселеніе въ настоящую минуту доходитъ до двухъ милліоновъ (*).

Впрочемъ этотъ огромный городъ похожъ на прочіе японскіе города, но построенъ не такъ правильно, какъ многіе другіе. Огромность его происходитъ особенно отъ того, что онъ заключаетъ императорскую резиденцію. Она занимаетъ возвышенную мѣстность, окруженную со всѣхъ сторонъ каналами, которые наполняются водами рѣки; *дворецъ сіюгуна*—посреди этой мѣстности, которую нельзя обойти и въ три часа времени. Около императорскаго жилища стоятъ другіе дворцы, какъ-то: дворецъ императорскаго принца, дворецъ императрицы (*Мидан*, законной супруги императора), отдѣльные дворцы для второстепенныхъ женъ; дворцы первѣйшихъ сановниковъ, роши и сады безъ числа, и пр. Это и дворецъ и дача въ огромнѣйшемъ размѣрѣ, японскій *Версаль*.

Миссія голландская помѣщается въ четырехъ комнатахъ, въ задней части огромнаго дома, котораго переднюю часть занимаютъ

(*) Жанснни заимствовалъ это свѣдѣніе отъ доктора Бургера, человѣка чрезвычайно ученаго и умнаго, съ которымъ имѣлъ нѣсколько разъ случай разговаривать въ Явѣ въ 1845 г. Докторъ Бургеръ два раза совершилъ поѣздки въ Іедо.

Японцы, состоящіе при голландскихъ путешественикахъ. Тутъ за Голландцами присматриваютъ дѣятельнѣе и строже чѣмъ гдѣ нибудь, по крайней мѣрѣ до того дня, когда начальникъ факторіи получаетъ аудіенцію у императора. Даже Японцы, провожающіе миссію, не исключая и самыхъ носильщиковъ, подвержены такому же бдительному надзору; а *гобаніози*, главный начальникъ всей экспедиціи, не только не смѣетъ выѣхать изъ дому для свиданія съ семействомъ, но даже и не привимаеъ ни гостей, по крайней мѣрѣ *оффиціально*, ни родственниковъ. Караулъ, стоящій у воротъ дома, наблюдаетъ за исправнымъ исполненіемъ предписанныхъ мѣръ. Подарки посылаются во дворецъ, но тамъ ихъ не трогаютъ до тѣхъ поръ, пока начальникъ факторіи не удостоится аудіенціи. Они находятся подъ сохраненіемъ губернатора Нагазаки, который поочереды живетъ при дворѣ.

Однакожъ эти строгія мѣры могутъ быть, въ нѣкоторой степени, измѣнены найбономъ (*инкогнито*). *Гобаніози* и его товарищи столько же хотятъ видѣть потихоньку своихъ родственниковъ и друзей, сколько Голландцы желаютъ избавиться отъ скуки уединенія: подарочки помогаютъ нарушенію правилъ. При томъ же губернаторъ Нагазаки лично и *оффиціально* посѣщаетъ миссію, а секретари ми-

нистровъ тоже являются поздравить *opreghoofd* съ прїѣздомъ и высмотрѣть, что у него дѣлается. Поэтому Голландцы могутъ ждать довольно спокойно того дня, когда ихъ примутъ въ императорской резиденціи. Они украшаютъ прїемную комнату въ европейскомъ вкусѣ, уставляютъ ее креслами, столами, устилаютъ коврами и пр. Кромѣ чиновныхъ лицъ, они принимаютъ другихъ гостей безъ церемоніи, какъ-будто живутъ у себя дома. Самые постоянные посѣтители ихъ придворные медики и императорскій астрономъ. Это обстоятельство кажется очень замѣчательнымъ, потому что служитъ доказательствомъ умственного стремленія этой странной націи, и несомнѣнно показываетъ, что здравый смыслъ и похвальная любознательность берутъ верхъ надъ суетнымъ тщеславіемъ, суевѣріемъ и вѣковыми предрассудками. Дѣйствительно, эти важные лица (и многіе другіе Японцы изъ просвѣщеннаго класса), ища съ замѣтнымъ усердіемъ разговора съ Европейцами, имѣютъ цѣлю, сколько возможно познакомиться съ успѣхами наукъ на западѣ и умножить количество своихъ собственныхъ знаній. Докторъ Зибольдъ, котораго свидѣтельство по этому предмету должно быть принято безъ возраженія (потому что самъ онъ отличный ученый), объявляетъ, что онъ часто былъ удивленъ вопросами, ко-

которые показывали въ Японцахъ замѣчательную степень образованія. Докторъ Бургеръ, другъ и сотрудникъ Зибольда, также увѣряетъ, что потребность учиться, желаніе просвѣщенія, серьезное и ученое любопытство составляютъ разительную черту японскаго характера; онъ убѣжденъ, что только рука науки можетъ современемъ снять преграды, поставленныя политикою одиночества между Европою и Японіею, чего не могутъ совершить ни торговля, ни война. Японскіе медики и астрономы говорятъ по голландски гораздо лучше переводчиковъ. Самый драгоценный для нихъ подарокъ—ученая книга, писанная или переведенная по голландски. Они перевели на японскій языкъ много подаренныхъ имъ книгъ. Почтенный Бургеръ указываетъ именно на *Изложеніе системы міра*, соч. Лапласа. Это факты замѣчательные, драгоценные залогомъ для будущаго.

Эти ученые Японцы—члены *Императорской Коллеги* въ Іедо; Голландцы сравниваютъ такія учрежденія съ европейскими академіями. Коллеги существуютъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ. Коллегія въ *Міако*, особенно похожа на наши *академіи наукъ*. Мы будемъ говорить о ней, когда дѣло дойдетъ до возвращенія миссіи въ Нагазаки.

Другіе гости, изъ простаго любопытства,

по знакомству, или же для интереса, являются къ новопріѣзжимъ и занимаютъ ихъ время. При этомъ случаѣ лучшія образцовыя произведенія японской промышленности предлагаются за цѣны, которыя гораздо ниже цѣнъ въ Нагазаки. Сами торговцы не приносятъ запрещенныхъ товаровъ, но посылаютъ за тѣми, которыхъ вы спросите. Важныя особы пріѣзжаютъ къ друзьямъ своимъ, Голландцамъ, не иначе какъ поздно вечеромъ и передъ посѣщеніемъ присылаютъ подарки (*mizeraizie*, то-есть *редкости*, предложенныя въ подарокъ), напр. разныя изящныя мелочи, лакированныя работы, тонкую бумагу, вѣеры, портфели, табакерки, трубки, и пр., чего ищутъ иностранцы. Если подарки цѣнны, *opperhoofd* отдариваетъ чѣмъ нибудь, особенно если подарокъ полученъ отъ знатной особы, но долженъ дѣлать это чрезвычайно осторожно и черезъ третье лицо. Японскія дамы тоже посѣщаютъ Голландцевъ, но инкогнито. Особенно часты визиты дамъ въ Иедо. Одинъ японскій дворянинъ привелъ шесть дамъ разомъ; такія гости, особенно вечеромъ, истребляютъ несмѣтное число сладостей и ликёровъ. Притомъ же онѣ позволяютъ себѣ открывать чемоданы или сундуки съ бѣльемъ путешественниковъ, выражаютъ радость и удовольствіе, рассматривая каждую штуку отдѣльно и спрашивая, какъ

какую носятъ. Нельзя не предложить имъ того, что наиболѣе имъ понравится; онѣ берутъ подарокъ тутъ же или присылаютъ за нимъ довѣреннаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, онѣ хотятъ унести какое нибудь воспоминаніе, хотя пару голландскихъ словъ на своемъ вѣрѣ. Служители, прибывшіе изъ *Децимы* и понимающіе по голландски, служатъ довѣренными переводчиками въ этихъ случаяхъ; князья и другія важныя лица, которыя пріѣзжаютъ къ Голландцамъ по тихоньку (*найбонъ*), обращаются къ нимъ охотнѣе, чѣмъ къ переводчикамъ правительства. Часто эти сановники объявляютъ свое имя только на другой день послѣ перваго визита, присылая секретаря съ подаркомъ и изъявленіемъ признательности за радушный пріемъ. Они пріѣзжаютъ безъ церемоніи, въ самой обыкновенной одеждѣ; такъ же одѣта и свита ихъ. Если разговоръ веселитъ ихъ, они становятся коротко-знакомыми и нерѣдко приказываютъ записывать отвѣты, которые кажутся имъ занимательными. Японскіе князья любезны въ обращеніи, любятъ говорить и безпрестанно предлагать вопросы объ искусствахъ, наукахъ и обычаяхъ въ европейскихъ или голландскихъ колоніяхъ; но никогда не позволяютъ себѣ ни малѣйшаго намека на японскую политику. Во времена Фишера, миссію посѣтили князья *Мацмая* и *Заммы*,

князь *Мито* (братъ сіюгуна или императора), императорскій секретарь, секретари и важнѣйшіе чиновники князей *Сацумы*, *Нагаца*, *Фиракатты*, *Овари*, *Каги* и пр. Секретарь сапумскаго князя привезъ Голландцамъ въ подарокъ двѣнадцать красивѣйшихъ птицъ, пятьдесятъ рѣдкихъ растений, пару куръ-карлицъ, пару кроликовъ-карликовъ, пару утокъ съ хвостомъ въ видѣ вѣера, и нѣсколько кусковъ шелковыхъ матерій; все это привезено въ клѣткахъ и ящикахъ такой работы, что содержащее стоило еще дороже содержимаго. Оканчивая отчетъ о развлеченіяхъ Голландцевъ и посѣтителехъ ихъ, займемъ у Дѣфа подробности объ одномъ японскомъ купцѣ, который по своему богатству, щедрости и величію въ обращеніи принадлежитъ къ числу знаменитыхъ купцовъ, встрѣчаемыхъ въ *Тысяча одной ночи*; извѣстно, какъ умѣли они добывать милліоны и тратить ихъ съ невообразимымъ великодушіемъ! Здѣсь идетъ дѣло о торговцѣ шелковыми товарами. Онъ назывался *Ичигоя* (*Itchigoya*) и имѣлъ магазины во всѣхъ большихъ городахъ имперіи. Вы покупали у него что нибудь въ *Іедо* и увозили, напримѣръ, въ *Нагазаки*, и если товаръ вамъ не нравился, то могли отсылать его въ тамошнюю контору *Ичигои*; вамъ тотчасъ возвращали деньги! При покупкѣ, вы выбирали товаръ изъ пяти или ше-

сти лишковъ, присланныхъ къ вамъ на домъ. Богатства этого человѣка вѣроятно были не-смѣтны. Во время пожара, который при Дёфѣ истребилъ тысячи домовъ въ Іедо, въ томъ числѣ и резиденцію голландской миссіи, Ичигоя лишился не только собственнаго своего дома со всѣми пожитками, но и магазина, въ которомъ хранилось шелка *милліонъ фунтовъ*: такая потеря невозвратима въ странѣ, гдѣ о страхованіи понятія не имѣютъ. Однакожъ онъ прислалъ сорокъ своихъ служителей на помощь Голландцамъ и черезъ два дня послѣ пожара началъ снова строить свое заведеніе и платилъ плотникамъ по двадцати франковъ (5 р. сер.) въ день! Впрочемъ, вотъ какъ описываетъ Дёфъ это страшное бѣдствіе, доставившее ему съ товарищами случай видѣть и другія части столицы, въ которыя обыкновенно ихъ не пускали.

«22 апрѣля 1806 г., въ десять часовъ утра, намъ сказали, что въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, въ двухъ лѣѣ отъ нашего дома. Мы едва обратили вниманіе на эту вѣсть, потому что пожары очень часты въ Іедо, и каждую ясную ночь гдѣ нибудь горитъ, такъ что поздравляютъ другъ друга съ туманною ночью, потому что при дождѣ эти несчастные случаи рѣже. Между тѣмъ большая часть города была уже въ огнѣ, и пожаръ направлялся въ нашу сторону. Въ три часа по по-

лудни, сильный вѣтеръ началъ заносить искры въ нашъ кварталъ, и около насъ загорѣлись четыре дома. За два часа до приближенія опасности мы сочли за благоразумное дѣло уложить въ чемоданы наши пожитки; когда она начала грозить намъ, мы уже были готовы къ бѣгству. Когда мы вышли на улицу, все уже было въ огнѣ. Опасно было бы идти по вѣтру, и мы діагонально пробѣжали по горѣвшей со всѣхъ сторонъ улицѣ, къ открытому мѣсту *Гара*, находившемуся за пожарищемъ. Площадь уже была покрыта народомъ; тутъ развѣвались флаги князей, которыхъ дворцы уже сгорѣли и которые выбѣжали сюда съ супругами и дѣтьми. Мы послѣдовали ихъ примѣру и усѣлись около небольшого голландскаго флага, который употреблялся нами при переѣздѣ черезъ рѣки; его-то подняли мы въ одномъ углу площади. Зрѣлище, поразившее насъ въ эту минуту, было страшнѣе всего, что можно выразить словами. Отчаянные крики женщинъ и дѣтей, вырываясь изъ этого огненного моря, увеличивали ужасъ сцены. Мы находились внѣ опасности, но безъ пристанища. Губернаторъ Нагазаки, *Фита Бунгоно Ками*, находившійся тогда въ Іедо очереднымъ, только что былъ замѣненъ другимъ, и преемникъ его, назначенный въ этотъ день губернаторомъ, уже лишился дома, превращеннаго въ

пепель. Намъ назначили для жительства домъ другого губернатора Нагазаки, который находился на своемъ посту. Домъ этотъ стоялъ на другой сторонѣ города; насъ повели туда въ десять часовъ утра. Сынъ отсутствующаго губернатора принялъ насъ съ удивительною внимательностію и расположеніемъ. Наконецъ на слѣдующее утро, почти въ полдень, сильный дождь остановилъ пожаръ. Хозяинъ нашъ сказалъ намъ, что тридцать семь княжескихъ дворцовъ истреблены дотла, и что болѣе тысячи двухъ-сотъ человѣкъ, и между ними сынъ князя *Ава*, сгорѣли или утонули, потому что знаменитый мостъ *Ниппонъ-Бассъ* рушился подъ бѣжавшими, которыхъ набралось на него слишкомъ много. Несмотря на ласковый пріемъ губернаторскаго сына, намъ было въ его дворцѣ не такъ хорошо, какъ въ своемъ домѣ, и я тотчасъ послалъ отыскивать намъ приличную квартиру. Черезъ четыре дня, найдя квартиру, какую намъ хотѣлось, мы простились съ нашимъ хозяиномъ, поблагодаривъ за гостепріимство, и переѣхали въ новое жилище, на весьма красивой площади. На заднемъ фасадѣ дома находился балконъ, съ котораго видъ былъ на мостъ, часто посѣщаемый пѣшеходами; онъ стоялъ на большой рѣкѣ, протекающей по городу. Между нами и мостомъ находилось только три дома, такъ что въ отношеніи къ

виду на окрестность мы много выиграли съ перемѣною квартиры. Число проходившихъ по мосту еще увеличилось любопытными, желавшими взглянуть на насъ, и такое любопытство нисколько насъ не беспокоило, потому что мы жили не возлѣ самаго моста. Одна-кожъ замѣтили это обстоятельство, и намъ объявили, *отъ имени губернатора Иедо*, приказъ не показываться на балконѣ, куда наше присутствіе привлекало взоры любопытной толпы. Я тотчасъ объявилъ, что хочу переговорить съ высшимъ полицейскимъ офицеромъ, который провожалъ насъ изъ Нагазаки. Я объяснилъ ему мое удивленіе, что подобный приказъ могъ быть объявленъ мнѣ губернаторомъ Иедо, потому что только съ губернаторомъ Нагазаки Голландцы состоятъ въ сношеніяхъ; только отъ него получаютъ инструкцію во время путешествія; только онъ одинъ можетъ давать намъ приказанія, потому что, какъ сказывалъ мнѣ самъ *гобаніози*, ему одному поручено отъ правительства смотрѣть за миссіей. Къ этому я прибавилъ, что нисколько не намѣренъ принимать и исполнять приказанія другихъ лицъ, и прошу его довести объ этомъ до свѣдѣнія губернатора. Воззваніе мое имѣло полный успѣхъ. На слѣдующее утро онъ приказалъ мнѣ сказать черезъ *гобаніози*, что совершенно одобряетъ мое поведеніе и позволяетъ намъ на-

слаждаться нашимъ милымъ балкономъ. Онъ даже оказалъ особенную милость, приказавъ очистить дворъ, прилегавшій къ нашему жилищу (*).

Однакожь пора вести голландскую миссію къ императорской аудіенціи, къ цѣли этого тяжелаго путешествія. Кажется, что аудіенція всегда назначается 28 числа мѣсяца (по японскому счисленію), потому что 28 день — *праздникъ, счастливый день*, посвященный визитамъ съ *комплиментами*, послѣ исполненія нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ. Если по какому нибудь особенному обстоятельству, пропустили благоприятный день, надобно ждать другаго счастливаго дня четыре недѣли; но замѣтимъ, что во времена Кемпфера одна аудіенція дана 29 марта, другая 21 апрѣля. Тунбергъ провожалъ начальника факторіи во дворецъ 18 мая, Дѣфа при-

(*) Тунбергъ, говоря о пожарахъ, которые такъ часты въ Іедо, рассказываетъ (Т. II, стр. 75), «что ихъ много случилось во время его пребыванія тамъ, но они скоро были потушены. Пожаръ 1772 г., былъ ужасенъ и составляетъ печальную эпоху; нашъ начальникъ, бывшій очевидцемъ бѣдствія, прислалъ намъ описаніе, которое приводитъ въ трепетъ. Пожаръ начался въ полдень и продолжался непрерывно до восьми часовъ вечера слѣдующаго дня; онъ занималъ пространство длиною въ шесть миль, шириною въ три.

«Домъ Голландцевъ сгорѣлъ; Голландцы перемѣнили три квартиры въ одну ночь; наконецъ искали они убѣжища въ храмѣ».

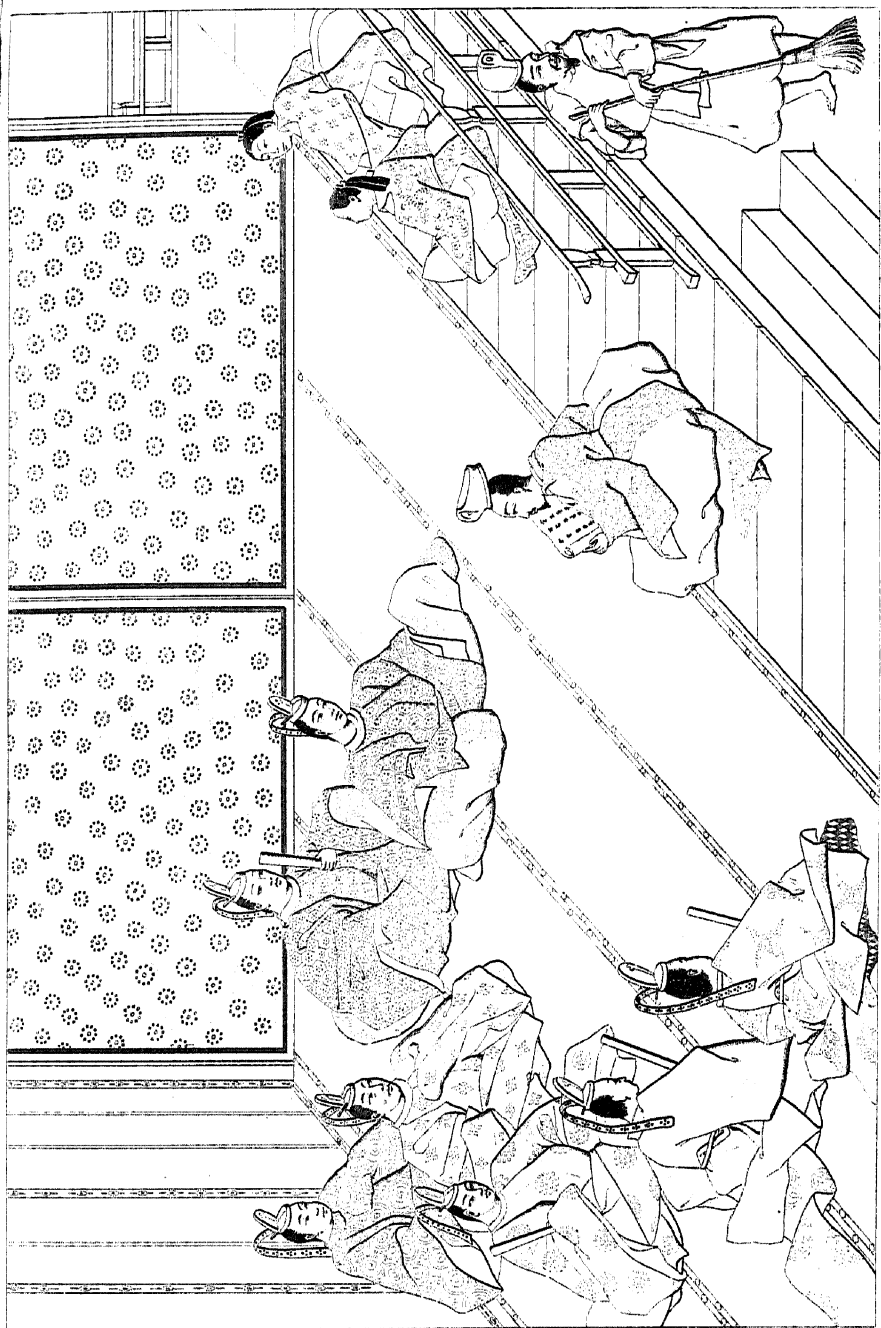
нимали 3 мая, Фишера — 6 апрѣля. Прежде всего приведемъ разсказъ Дѣфа, который имѣлъ аудіенцію, какъ президентъ или начальникъ миссіи, въ 1806 году.

«Голландцы шьютъ себѣ особое парадное платье для этой церемоніи: платье президента бархатное, доктора и секретаря суконное, съ золотымъ или серебрянымъ шитьемъ. По входѣ во внутренность дворца, всѣ трое надѣваютъ плащики (президентъ надѣваетъ бархатный, докторъ и секретарь черные шелковые). Только президентъ можетъ приказать нести за собой свою шпагу въ черномъ бархатномъ футлярѣ: никто изъ иностранцевъ не пользуется въ Японіи такимъ преимуществомъ. Но нельзя носить этой шпаги на себѣ. 28 числа третьяго японскаго мѣсяца (то есть 3 мая по новому стилю), мы парадно отправились въ императорскій дворецъ въ шесть часовъ утра, чтобы прибыть туда прежде государственныхъ совѣтниковъ. Несли насъ въ *норимонахъ* до дворцовыхъ воротъ, гдѣ даже князья обязаны выходить изъ экипажей, кромѣ князей *Овари*, *Киу-зиу* и *Мито*, которые, въ качествѣ принцевъ крови, могутъ проникать за дверь, противъ *ста человекъ стражи*. Мы пошли туда пѣшкомъ и тамъ дождались прибытія совѣтниковъ. Насъ посадили на лавки, крытыя краснымъ сукномъ, и предложили чай и трубки. Тутъ видѣли мы губер-

натора Нагазаки и главнаго инспектора иностранцевъ; они поздравили насъ съ предстоящимъ счастіемъ видѣть ихъ монарха и вошли во внутренность дворца. Потомъ пришелъ начальникъ стражи съ визитомъ къ президенту; но тутъ встрѣтился вопросъ объ этикетѣ; начальникъ стражи хотѣлъ, чтобы я вышелъ на встрѣчу къ нему изъ внутренней комнаты, гдѣ я сидѣлъ, въ наружную. Онъ увѣрялъ, что не можетъ войти въ нее, потому что у него чинъ малъ. Я съ своей стороны объявилъ, что мнѣ невозможно оставить почетное мѣсто, которое мнѣ отвели. Начальникъ стражи рѣшился итти впередъ, но остановился на разстояніи двухъ цыновокъ (почти пяти аршинъ) и оттуда кланялся мнѣ (*).

«Удержавъ такъ рѣшительно свое мѣсто (что всегда надобно дѣлать въ Японіи, когда имѣешь право на это), я захотѣлъ заставить уважать древніе обычаи, къ которымъ очень трудно вернуться, если разъ, изъ снисхожденія, они нарушены. Когда собрались

(*) Въ Японіи, гдѣ все установлено непреложными законами этикета, цыновки имѣютъ опредѣленную величину, которая французскими мѣрами выражается такъ: въ длину два метра (около 3 арш.), въ ширину — метръ (около 1½ арш.), въ толщину пять съ половиною сантиметровъ. Онѣ дѣлаются такъ, что прилегаютъ одна къ другой совершенно плотно.

всѣ совѣтники, насъ повели черезъ нѣсколь-
ко дворовъ и ввели во дворецъ, гдѣ насъ
приняли лица, которыя походили на нашихъ
пажей, только съ бритыми лбами. Они по-
вели насъ въ пріемную. Тамъ мы сѣли на
полъ, въ косвенномъ положеніи, и закрыли
ноги плащами; того непремѣнно требуетъ
японскій этикетъ (*).

«Черезъ нѣсколько времени, губернаторъ
Нагазаки и смотритель за иностранцами по-
вели меня въ аудіенцъ-залу и пригласили по-
вторить все, что мнѣ придется дѣлать во вре-
мя представленія, потому что на отвѣтствен-
ность губернатора пала бы малѣйшая ошибка,
которую я могъ сдѣлать въ назначенномъ це-
ремоніалѣ. Потомъ меня опять привели въ
пріемную, откуда черезъ нѣсколько времени, я
пошелъ на *настоящую* аудіенцію къ импера-
тору. Мы встрѣтили нѣсколько вельможъ, ко-
торыя уже возвращались. Меня провели че-
резъ корридоръ въ залу *ста цыновокъ*: ее
такъ называютъ, потому что въ ней дѣйст-
вительно сто цыновокъ; онѣ изъ соломы (ри-
совой?), толщиною до трехъ сантиметровъ.
На нихъ положены другія цыновки, еще

(*) Показать ноги—у порядочныхъ людей въ Японіи
считается непростительною трубостію! Въ Индоста-
нѣ, напротивъ того, нельзя дерзнуть показать рукъ, въ
присутствіи начальника, въ большой церемоніи!

тонше, съ богатыми бордюрами. Такъ убраны всѣ хорошія пріемныя въ Японіи. Здѣсь мы оставили главнаго переводчика, и я вошелъ, въ сопровожденіи одного губернатора, въ аудіенцъ-залу, гдѣ увидѣлъ свои подарки; они были разставлены на лѣвой сторонѣ. Тутъ мы нашли *сіюгуна* или императора, котораго костюмъ ничѣмъ не отличался отъ костюма простыхъ его подданныхъ. Я поклонился *сіюгуну* какъ кланяются князья имперіи, а одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ громко доложилъ: *Капитанъ-Горанда*. Губернаторъ Нагазаки, стоявшій за мной шагахъ въ двухъ, тотчасъ дернулъ меня за плащъ, увѣдомляя такимъ образомъ, что аудіенція кончена. Вся церемонія продолжалась не болѣе одной минуты».

Фишеръ не присутствовалъ при аудіенціи, но видѣлъ *репетицію*, и въ описаніи своемъ сообщаетъ нѣсколько другихъ любопытныхъ подробностей. «Вся церемонія, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что надобно поклониться по японски на извѣстномъ мѣстѣ, то-есть, дотронуться лбомъ до цыновки въ ту минуту, какъ громко провозглашаютъ: *Капитанъ Горанда*.» Мертвое молчаніе въ залѣ прерывается только легкимъ лепетомъ, который у Японцевъ выражаетъ глубочайшее уваженіе. *Opperhoofd* уходитъ какъ вошелъ, въ самой униженной позѣ, склонившись до зем-

ли; такъ что онъ, не нарушивъ законовъ японскаго приличія, не можетъ ничего видѣть вокругъ себя, хотя замѣчаетъ, что тутъ много людей.

Послѣ императорской аудіенціи, Голландцамъ предстоятъ еще другія обязанности, налагаемыя этикетомъ. Во-первыхъ, миссія отправляется къ *Низи-но-мару* или императорскому наслѣднику, котораго дворецъ находится на возвышеніи; отсюда можно судить о пространствѣ императорской резиденціи и ея огромности, потому что не видно ея предѣловъ ни съ одной стороны. Принцъ никогда не бываетъ дома въ это время, потому что вѣроятно находится при императорѣ. Миссію принимаютъ отъ его имени государственные совѣтники, назначенные на этотъ случай; но мы не знаемъ, какъ происходитъ эта аудіенція. Подробности о другихъ посѣщеніяхъ (всегда сопровождаемыхъ подарками) болѣе извѣстны. Миссія отправляется къ разнымъ совѣтникамъ, простымъ и чрезвычайнымъ, но никто лично не принимаетъ ея (покрайней мѣрѣ въ послѣднее время такъ дѣлалось). Голландцевъ, съ подарками, принимаютъ секретари этихъ важныхъ особъ (*) и угощаютъ чаемъ и сладостями.

Угощеніе подается на блюдахъ, но до не-

(*) *Гокаросъ.*

го никто не дотрогивается (говорить Фишеръ). Его завязываютъ въ чистую бумагу золотыми или серебряными снурками; помощникъ переводчика и метръ-дотель относятъ его въ лакированныхъ бокалахъ въ домъ миссіи. Во время этихъ посѣщеній можно слышать говоръ женъ и дѣтей, которыя изъ-за ширмъ съ любопытствомъ разсматриваютъ иностранцевъ. Если дамы не показываются, то не должно думать, чтобы это было запрещено обычаемъ; хотятъ только избѣгнуть всякой короткости съ Европейцами, и вѣроятно, дама высшаго тона, напр. жена министра, не можетъ показываться въ такомъ случаѣ иностраннымъ купцамъ или торговцамъ (*).

Впрочемъ, вездѣ подаютъ Голландцамъ трубки и табакъ.

«Въ нѣкоторыхъ домахъ, говоритъ Фишеръ, просили у насъ позволенія посмотреть наши часы, и шляпу и шпагу президента. Но всего скучнѣе, даже несноснѣе показалось мнѣ, что сѣдя на полу, я при всякомъ визитѣ долженъ былъ писать краснымъ ка-

(*) Кажется, что принятіе этихъ строгихъ мѣръ осторожности началось недавно, потому что Тунбергъ рассказываетъ, что во дворцѣ одного изъ совѣтниковъ не только подняли занавѣску, отдѣлявшую женщинъ отъ иностранцевъ, но даже попросили послѣднихъ войти въ эту залу.

рандашемъ нѣсколько словъ на разныхъ листахъ бумаги. Домой воротились мы послѣ всѣхъ этихъ церемоній въ половинѣ десятаго часа, и должны были еще принимать множество гостей съ поздравленіями, такъ что можно было подумать, что насъ хотятъ уморить учтивостями; лихорадочное волненіе, овладѣвшее нами подъ вечеръ, было такъ сильно, что мы едва не падали въ обморокъ.»

Нынѣ роль Голландцевъ при японскомъ дворѣ не такъ тяжела и особенно не такъ смѣшна, какъ во времена Кемпфера. На церемонные визиты дается имъ болѣе времени, и кажется, въ этомъ отношеніи оказывается значительный прогрессъ послѣ миссіи, къ которой принадлежалъ Фишеръ; потому что Зибольдъ, ѣздившій въ Іедо четыре года спустя (въ 1826 году), положительно говорить, что въ день аудіенціи они являлись только къ пяти совѣтникамъ перваго разряда; на слѣдующій день ѣздили къ восьми совѣтникамъ втораго класса; прочія посѣщенія, совершавшіяся во времена Фишера во второй день, были отложены при Зибольдѣ до третьяго дня.

Эти послѣдніе визиты показались Голландцамъ легче первыхъ, даже въ 1822 г.; ихъ вездѣ принимали съ существеннымъ гостепріимствомъ, потому что Фишеръ упоминаетъ,

что въ этотъ день они посѣтили двухъ совѣтниковъ *храмовыхъ* (то есть, занимающихся духовными дѣлами) и обоихъ губернаторовъ Іедо; всѣ эти сановники угощали посѣтителей горячимъ обѣдомъ и *заки*. Губернаторы, изъ которыхъ одинъ завѣдываетъ восточною, а другой западною частию столицы, приняли миссію лично. Другіе сановники этого не дѣлали. Голландцы являлись къ губернатору Нагазаки, жившему поочереди въ Іедо, но онъ не принялъ ихъ—«вѣроятно, прибавляетъ Фишеръ, потому что онъ живетъ здѣсь очень скромно и что при другихъ сановникахъ онъ не хотѣлъ показать намъ, какую незначительную роль играетъ при дворѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ человѣкъ, который такъ гордъ и такъ поднимаетъ голову въ Нагазаки, кажется, здѣсь уважаемъ не больше обыкновеннаго слугителя» (*).

Въ продолженіе немногихъ дней, пока миссія остается въ Іедо послѣ аудіенціи, императорскіе медики и астрономы открыто и явно посѣщаютъ Голландцевъ или, какъ говорятъ въ Японіи, *омоте-муки*, въ противоположность *найбону*. Не знаемъ, какимъ другимъ лицамъ позволено еще видѣть ихъ та-

(*) Тунбергъ говоритъ, что миссія, на другой день послѣ императорской аудіенціи, посѣщала обоихъ главныхъ смотрителей надъ иностранцами.

кимъ же манеромъ, но кажется, что посѣщенія дамъ и князей остаются по прежнему инкогнито. Обыкновенно черезъ три или четыре дня послѣ представленія ко двору, Голландцевъ призываютъ на прощальную аудіенцію. Церемоніаль остается тотъ же, но только нѣсколько униженнѣе, потому что самъ сіюгуи не удостоиваетъ показаться, а начальника факторіи принимаютъ государственные совѣтники въ залѣ *Ста-Дыновокъ*. Губернаторъ Нагазаки читаетъ ему ту же прокламацію, которая читается ежегодно въ Нагазаки и которую мы привели выше. Начальникъ факторіи выходитъ на нѣсколько минутъ, и возвратившись въ залу, принимаетъ подарки сіюгуна; они состоятъ изъ тридцати парадныхъ одеждъ. Онъ опять выходитъ, и его опять призываютъ для пріятія другихъ двадцати одеждъ отъ имени наследнаго принца. Тутъ возвращается онъ въ свой домъ. Послѣ полудня къ нему пріѣзжаютъ секретари государственныхъ совѣтниковъ, храмовыхъ смотрителей, губернаторовъ столицы и главныхъ смотрителей по иностраннымъ дѣламъ, съ привѣтствіемъ и пожеланіемъ счастливаго пути отъ имени своихъ начальниковъ, и подносятъ ему, въ замѣну полученныхъ отъ него подарковъ известное количество шелковыхъ одеждъ, качествомъ ниже тѣхъ, которыя подарены

сіогуномъ и наслѣднымъ принцемъ, но на ватѣ. Каждому посланцу дарятъ варенье, картузь голландскаго табаку и двѣ золоченыя трубки.

Таковъ церемоніаль, соблюдаемый нынѣ японскимъ дворомъ въ отношеніи къ голландской миссіи; такъ описываютъ его современные путешественники. Онъ мало отличается отъ того, что было назадъ тому полтора вѣка, во времена Кемпфера; но послѣдній сообщаетъ намъ подробности о другой аудіенціи, такъ сказать частной, которая слѣдовала за первою, и теперь, кажется, не имѣетъ мѣста. Мы приведемъ эти подробности; но для полноты картины необходимо привести прежде разсказъ стараго доктора о торжественной аудіенціи, разсказъ, оригинальный столько же по формѣ, сколько по содержацію.

«29 марта, въ четвергъ, въ день, назначенный для нашей аудіенціи, подарки сіогуу были отправлены ко двору; за ними ѣхали депутаты отъ *Сино Бами* и комиссары, которымъ порученъ надзоръ за иностранными дѣлами. Они должны разложить подарки на деревянныхъ столахъ въ залѣ *Тысячи-Цыновокъ*, какъ ее называютъ, гдѣ императору слѣдовало осмотрѣть ихъ. Мы слѣдовали тотчасъ за ними, въ плащахъ изъ черной шелковой матеріи и парадныхъ

платьяхъ по европейскому образцу. За нами шли управители губернаторовъ Нагазаки, нашъ *дозенъ* или прикащикъ *Бугио*, два посланца изъ Нагазаки и сынъ переводчика, всѣ пѣшкомъ. Мы, трое Голландцевъ, и четвертый, нашъ переводчикъ, ѣхали верхомъ одинъ за другимъ. Каждую лошадь велъ подъ-уздыцъ служитель и шелъ по правую сторону: съ этого бока садятся на коня и слѣзаютъ съ него, по японскому манеру. Прежде при каждой лошади шло по два служителя; мы уничтожили этотъ обычай, потому-что онъ вводилъ насъ въ лишнія издержки. Нашъ резидентъ или капитанъ, какъ называютъ его Голландцы, слѣдовалъ за нами; его несли въ *норимонѣ*, а за нимъ несли въ *каго* нашего прежняго переводчика. Шествіе заключалось остальными нашими служителями и свитой, которая шла за нами пѣшкомъ, на приличномъ разстояніи, какъ ей было предписано. Въ такомъ порядкѣ приближались мы ко дворцу и послѣ получасовой ходьбы, подошли къ первой оградѣ, которая была хорошо укрѣплена стѣнами и окопами. Тутъ перешли мы черезъ большой мостъ, съ золочеными перилами и мѣдными шарами на рѣшеткѣ. Рѣка широка и, кажется, течетъ къ сѣверу около дворца: на ней видѣли мы множество судовъ и барокъ. Входъ черезъ двое укрѣпленныхъ воротъ; между ними небольшой

карауль. Когда мы прошли черезъ вторыя ворота, то очутились на большой площади, гдѣ увидѣли на правой сторонѣ карауль побольше, но онъ, показалось намъ, стоялъ тутъ болѣе для парада, чѣмъ для защиты. Зала караульни была обита сукномъ; пики были воткнуты въ землю, при входѣ въ нее. Внутренность ея была украшена золоченымъ оружіемъ, лакированными ружьями, пиками, щитами, луками, стрѣлами и колчанами, разставленными очень искусно и любопытнымъ манеромъ. Солдаты сидѣли на землѣ, скрестивъ ноги, въ добромъ порядкѣ; одѣты они были въ черныя шелковыя платья, каждый съ двумя саблями. Миновавъ первую ограду, и идя между дворцами и домами князей и вельможъ (зданія эти построены въ округѣ перваго дворца), мы дошли до второй ограды, укрѣпленной почти такъ же, какъ и первая; вся примѣтная разница состояла въ томъ, что мостъ, ворота, внутренній карауль и дворцы были огромнѣе и великолѣпнѣе. Тутъ оставили мы норимонъ и каго, нашихъ лошадей и служителей, и насъ повели черезъ вторую ограду въ *Фумацъ*, жилище императора, куда мы вошли по длинному каменному мосту; пройдя черезъ двойной бастіонъ и черезъ двое укрѣпленныхъ воротъ, шаговъ черезъ двадцать мы продолжали идти по неправильной улицѣ, очень

неровной, по обѣимъ сторонамъ которой стояли необыкновенно высокія стѣны. Такъ добрались мы до *Фиаккинбана*, то есть, до стражи ста человѣкъ, или до главной дворцовой караульни; она находилась направо отъ насъ, на концѣ улицы, о которой я говорилъ, какъ разъ возлѣ послѣднихъ воротъ, ведущихъ въ императорскій дворецъ. Намъ приказали ждать въ залѣ стражи до той минуты, какъ поведутъ насъ на аудіенцію, которая начнется (сказали намъ), когда великій государственный совѣтъ соберется во дворецъ. Оба начальника или капитана стражи приняли насъ ласково и угощали чаемъ и курительнымъ табакомъ. Вскорѣ потомъ *Сино-Бами* и оба комиссара пришли къ намъ съ привѣтствіемъ и остались съ нами бесѣдовать; они привели съ собой императорскихъ камеръ-юнкеровъ, которыхъ мы не знали. Прождавъ почти часъ, (въ это время нѣсколько государственныхъ совѣтниковъ императора, молодыхъ и старыхъ, явились во дворецъ, иные пѣшкомъ, другіе въ носимонахъ), мы пошли черезъ двое великолѣпныхъ воротъ, раздѣленныхъ площадью, огромною и четвероугольною, во дворецъ, куда надобно подниматься изъ вторыхъ воротъ по нѣсколькимъ ступенькамъ. Между вторыми воротами и переднимъ фасомъ дворца заключается пространство только въ нѣсколько шаговъ

шириною; оно было набито придворными и отрядами стражи; отсюда повели насъ еще по двумъ лѣстницамъ во дворецъ. Сперва вошли мы въ большую залу, направо отъ входа; тутъ ждутъ всѣ лица и совѣтники государственные, долженствующие предстать на аудіенцію. Эта зала очень пространная и высокая, но когда въ ней разставлены всѣ ширмы, то она кажется темною; свѣтъ въ нее идетъ изъ оконъ наверху, выходящихъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ хранится мебель для императорскихъ покоевъ. Зала впрочемъ богато меблирована въ туземномъ вкусѣ, и ея золоченые столбы, стѣны и ширмы очень пріятны глазу. Мы прождали тутъ немного болѣе часа; когда императоръ сѣлъ въ аудіенцъ-залъ, вошли *Сино-Бами* и оба комиссара и повели нашего резидента къ императору, оставивъ насъ на мѣстѣ. Едва резидентъ вошелъ, какъ они громкими голосами закричали: *Голланда Капитанъ!* что служило сигналомъ, чтобы онъ приблизился для принесенія поклона императору и обычныхъ привѣтствій; по этому обычаю, онъ ползъ на рукахъ и колѣнкахъ до указаннаго ему мѣста, между подарками съ одной стороны, а съ другой сидѣлъ императоръ. Тогда, ставъ на колѣни, онъ такъ наклонился, что ударился лбомъ въ полъ; потомъ поползъ назадъ, какъ ракъ, не произнеся ни слова. Всегда проис-

ходить дѣло такъ на аудіенціяхъ, которыя мы получаемъ отъ этого могущественнаго властелина; не болѣе наблюдается церемонія и въ аудіенціяхъ, которыя онъ даетъ самымъ важнымъ и сильнымъ князьямъ имперіи: призвавъ ихъ въ аудіенцъ залу, называютъ ихъ громко по имени; потомъ они ползутъ на четверенькахъ, съ величайшимъ подобострастіемъ и не говоря ни слова, къ сіюгунову трону, и ударивъ въ полъ лбомъ, ползутъ назадъ въ томъ же почтительномъ положеніи.

«Аудіенцъ-зала, называемая также залю Ста-Цыновокъ, нисколько не похожа на ту, которую описалъ и представилъ Монтанусъ, въ описаніи знаменитыхъ голландскихъ посольствъ къ японскому императору. Возвышенный тронъ, ступеньки, по которымъ къ нему всходятъ, ковры на нихъ, великолѣпныя колонны, поддерживающія зданіе, гдѣ тронъ, тѣ колонны, между которыми сановники имперіи преклоняютъ колѣна передъ императоромъ, и тысяча подобныхъ вещей... все это существуетъ только въ воображеніи автора. Все въ этой залѣ дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе и богато, но ничего нѣтъ, чего бы я не представилъ на своемъ рисункѣ. Во второе наше путешествіе ко двору, по окончаніи аудіенціи, губернаторъ Нагазаки самъ показывалъ намъ

залу; вотъ почему я имѣлъ случай снять ея планъ, что впрочемъ было и не трудно. Для этого только было нужно спросить о числѣ цыновокъ, деревянныхъ столовъ, ширмъ и оконъ. Полъ устланъ ста цыновками, всѣ онѣ одинаковой величины, поэтому то и называютъ ее *Сенъ-сіо-Сики*, то есть зала Ста-Цыновокъ. Съ одной стороны она открыта на небольшой дворъ, откуда получаетъ свѣтъ; съ противоположной стороны прилегаетъ къ двумъ другимъ комнатамъ, которыя раскрыты со двора, чтобы проходилъ свѣтъ. Одна изъ этихъ комнатъ гораздо больше другой, и назначена для государственныхъ совѣтниковъ, когда они даютъ аудіенціи. Другая меньше, темнѣе, и на цѣлую ступеньку выше залы: въ ней садится императоръ, и въ такомъ положеніи скрестивъ ноги, на небольшомъ числѣ ковровъ, даетъ аудіенцію. Не легко разсмотрѣть его, потому что свѣтъ не доходитъ до того мѣста, гдѣ онъ сидитъ; аудіенція не только слишкомъ коротка, но и принимаемая особа находится въ такомъ униженномъ положеніи, что не можетъ поднять голову и взглянуть на *сіогуна*. Аудіенція впрочемъ величественна и внушаетъ почтеніе, особенно потому что всѣ государственные совѣтники стоятъ въ совершенномъ безмолвіи, равно какъ и множество князей и сановниковъ, камеръ-

юнкеровъ и другихъ главныхъ придворныхъ чиновъ, которые сидятъ по бокамъ залы въ величайшемъ порядкѣ и въ парадныхъ одеждахъ.

«Прежде намъ нечего было дѣлать при дворѣ какъ только воздать ему почтеніе тѣмъ способомъ, который я описалъ. Черезъ нѣсколько дней читали нашему капитану нѣкоторыя правила касательно нашей торговли и нашего образа жизни; онъ давалъ обѣщаніе отъ имени факторіи, что исполнить ихъ, и потомъ его тотчасъ же отсылали въ Нагазаки; но уже лѣтъ двадцать тому назадъ какъ и его и прочихъ Голландцевъ, посылаемыхъ въ Иедо, вводятъ далѣе во дворецъ, чтобы доставить императрицѣ, придворнымъ дамамъ и принцессамъ крови возможность видѣть ихъ. Во время этой второй аудіенціи императоръ и приглашенныя дамы сидятъ за ширмами и жалузи; государственные же совѣтники и прочіе придворные чины сидятъ открыто, какъ обыкновенно, въ порядкѣ, который производитъ прекрасное зрѣлище. Когда капитанъ поклонился, императоръ ушелъ въ свои комнаты; вскорѣ позвали насъ съ нашимъ капитаномъ и провели по многимъ комнатамъ въ галерею, украшенную весьма искусно чеканомъ и позолотою. Тутъ прождали мы съ четверть часа; потомъ прошли еще по нѣсколькимъ

корридорамъ и галереямъ, въ большую комнату, гдѣ насъ пригласили сѣсть. Здѣсь многіе бритые придворные, какъ то: императорскіе медики, метръ-дотели и духовные, подошли къ намъ, спрашивали о нашихъ именахъ, лѣтахъ и предлагали другіе подобные вопросы; но скоро вытянули передъ нами золоченыя ширмы, чтобы избавить насъ отъ этой толпы и ея докучливости. Тутъ просидѣли мы съ полчаса, пока дворъ собирался въ комнатахъ императора, гдѣ слѣдовало намъ имѣть аудіенцію, и насъ повели по многимъ темнымъ галереямъ. Во всю длину этихъ разныхъ галерей тянулася непрерывная цѣпь тѣлохранителей, а послѣ нихъ, ближе къ комнатамъ императора, цѣпь держали знатные коронные чины, обращенные лицомъ къ аудіенцъ-залу. Они сидѣли на пяткахъ, наклонивъ головы, въ парадныхъ одеждахъ. Аудіенцъ-зала состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій, обращенныхъ на среднюю площадь; нѣкоторыя изъ нихъ были открыты со стороны площади, другія закрыты ширмами и жалузи; иныя состояли изъ пятнадцати цыновокъ, другія изъ восемнадцати; цыновка лежала выше или ниже, смотря по достоинству лица, сидѣвшаго на ней. Средняя площадь оставалась непокрытою цыновками, и потому была ниже; въ этомъ-то мѣстѣ на полу, сдѣланномъ изъ красивыхъ ла-

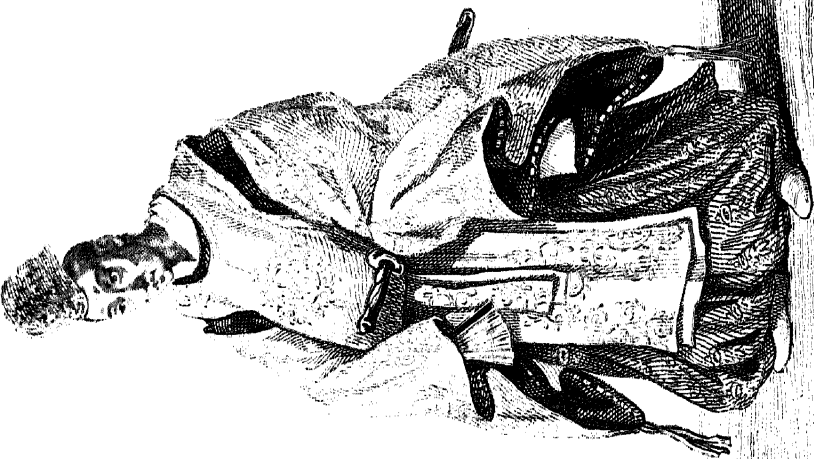
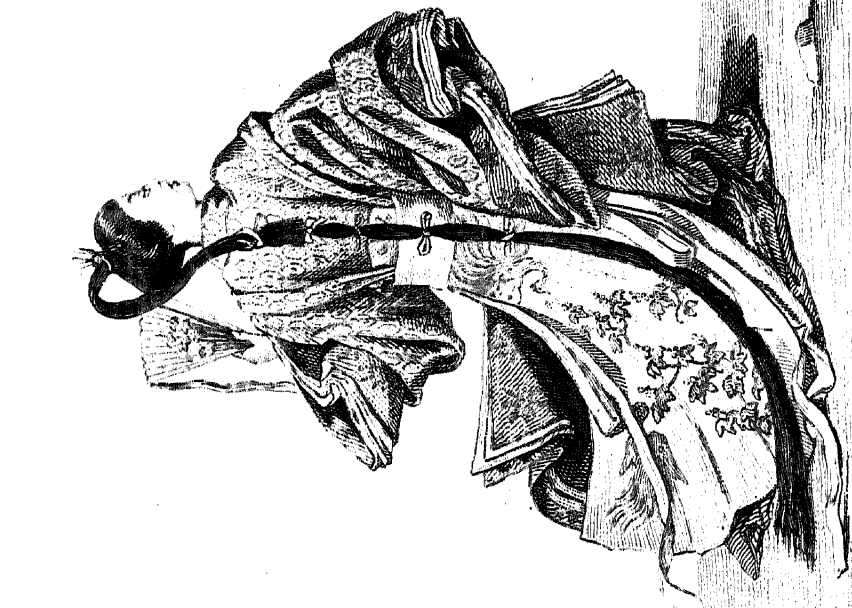
кированныхъ досокъ, приказали намъ сѣсть. Императоръ и императрица сидѣли за жалюзи, направо отъ насъ. Пока я танцевалъ по приказанію императора, я имѣлъ два раза случай взглянуть на императрицу; она была очень хороша, брюнетка, съ прекрасными черными глазами, какъ у европейскихъ женщинъ; они были полны огня, и мнѣ показалось, по величинѣ ея большой головы, что она должна быть высокаго роста; лѣтъ ей было тридцать шесть. Подъ именемъ жалюзи я разумѣю ковры изъ разрѣзаннаго тростника, гнущагося и тонкаго, подбитые тонкою и прозрачною шелковою матеріею, съ отверстіями шириною въ пядень, чтобы лица, находящіяся за жалюзи, могли смотрѣть и видѣть. Расписываютъ ихъ разными фигурами, для украшенія, или лучше сказать, для того, чтобы скрыть тѣхъ, кто сидитъ сзади; хотя и безъ этого нельзя видѣть сидящихъ нѣсколько издалека, особенно если жалюзи не освѣщены сзади (*). Самъ императоръ сидѣлъ въ такомъ темномъ мѣстѣ, что мы не замѣтили бы его, еслибъ не узнали по голосу: однакожъ онъ говорилъ такъ тихо, какъ будто хотѣлъ быть тутъ инognito, именно въ отношеніи къ намъ. За дру-

(*) Въ Индостанѣ двери и окна по большой части украшены этого рода занавѣсами, называемыми *чиксы*.

гими жалузи сидѣли принцы крови и придворныя дамы императрицы; я замѣтилъ, что между тростниками всунули свертки бумаги, чтобы расширить отверстія и лучше видѣть. Я насчиталъ до тридцати такихъ бумагъ, изъ чего заключилъ, что такое же число лицъ сидѣло за жалузи. Одинъ *Бенго* сидѣлъ на высокой цыновкѣ въ открытомъ мѣстѣ, передъ нами на правой сторонѣ, тамъ, гдѣ сидѣлъ императоръ, какъ я уже замѣтилъ. На лѣвой сторонѣ, въ другомъ отдѣленіи, сидѣли государственные совѣтники перваго и втораго класса, въ превосходномъ порядкѣ. Галерея за нами была наполнена главнѣйшими придворными императора и камеръ-юнкерами. Галерея, ведшая къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ императоръ, была занята дѣтьми князей имперіи, жившихъ тогда при дворѣ, императорскими пажами и нѣсколькими духовными, которые прятались для наблюденія. Такимъ образомъ устроили театръ, на которомъ мы должны были играть роль. Когда комиссары иностранныхъ дѣлъ привели насъ въ галерею близъ аудіенцъ-залы, пришелъ государственный совѣтникъ втораго класса и провелъ насъ на среднюю площадь, которая описана выше. Тутъ-то посадили насъ, но прежде мы, поклонившись по японскому обычаю, ползли, преклонивъ къ землѣ голову, въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ импера-

торъ; нашъ первый переводчикъ сѣлъ нѣсколько впереди насъ, чтобы лучше слышать, а мы сѣли по лѣвую сторону рядкомъ, совершивъ обычныя поклоненія. Бенго привѣтствовалъ насъ отъ имени императора: первый переводчикъ принялъ привѣтствіе изъ устъ Бенго и передалъ намъ; на это президентъ отвѣчалъ привѣтствіемъ отъ имени своихъ хозяевъ, и униженно благодарилъ императора за дозволеніе свободной торговли Голландцамъ. Слова его повторилъ первый переводчикъ по-японски, поклонившись до полу. Онъ говорилъ такъ громко, что императоръ могъ разслушать его. Бенго принялъ императорскій отвѣтъ, передалъ переводчику, а тотъ намъ. Переводчикъ могъ бы самъ принять его изъ устъ императора и избавить Бенго отъ труда; но полагаю, что слова, выходящія изъ императорскихъ устъ, считаются столь драгоценными и священными, что не могутъ быть приняты чиновникомъ не высшаго разряда. (Объ этомъ уже сказано выше.) Послѣ первыхъ привѣтствій, послѣдовали забавныя сцены и намъ задали тысячу вопросовъ довольно смѣшныхъ: напр., они захотѣли знать имя и лѣта каждого изъ насъ; приказали намъ написать отвѣтъ на клочкѣ бумаги: для этого мы принесли съ собой европейскую чернилицу. Намъ приказали отдать Бенго бумагу и чернилицу; тотъ,

сквозь отверстіе въ жалузи, передалъ ихъ въ руки японскаго повелителя. У нашего капитана или посла спросили, какое разстояніе Голландіи отъ Батавіи, и отъ Нагазаки до Батавіи; кто имѣетъ болѣе власти, главный директоръ голландской компаніи Восточной-Индіи или голландскій принцъ. Вотъ вопросы, предложенные на мое имя: какія внутренія или наружныя болѣзни считаю я самыми опасными и трудноизлечимыми; по какой методѣ лечу я чирьи и внутреннія нагноенія; ищутъ ли европейскіе медики средства продолжать человѣческую жизнь до безсмертія, что китайскіе медики дѣлаютъ уже нѣсколько вѣковъ; совершили ль мы значительные успѣхи въ этихъ изысканіяхъ, и какое послѣдне-открытое средство въ Европѣ для продолженія жизни? Я отвѣчалъ, что многіе доктора въ Европѣ долго искали тайны, какъ бы продолжать жизнь и сохранить людей здоровыми до старости. Потомъ спросили у меня, какое средство я считаю лучшимъ; я отвѣчалъ: послѣдне-открытое. Опять спросили, какое же это средство? Я отвѣчалъ, что это спиртъ, имѣющій способность поддерживать жидкости въ нашемъ тѣлѣ и давать силу духу. Этотъ общій отвѣтъ не удовлетворилъ ихъ вполнѣ; меня тотчасъ попросили сказать имя этого превосходнаго средства. Зная, что все уважаемое Япон-

цами носить длинныя пышныя имена, я отвѣчалъ, что лекарство называется *Sal volatile oleosum Sylvii*; имя это записано за жалюзи, и для этого заставили меня повторить его нѣсколько разъ. Потомъ спросили меня, кѣмъ оно изобрѣтено и гдѣ? Я отвѣчалъ: въ Голландіи профессоромъ Сильвіусомъ. Еще спросили у меня: могу ли составить его?— Тутъ нашъ резидентъ шепнулъ мнѣ: нѣтъ, но я отвѣчалъ: да, но не въ Японіи. Потомъ спросили, можно ли достать его въ Батавіи, и послѣ отвѣта, что можно, императоръ приказалъ прислать ему это средство съ первыми кораблями, которые оттуда прибудутъ. Сіогунъ, сидѣвшій съ дамами почти противъ насъ довольно далеко, приблизился къ намъ и сѣлъ за жалюзи, какъ можно ближе къ нашей правой сторонѣ. Онъ приказалъ намъ снять плащи, которые составляли парадность нашей одежды; встать, чтобы онъ могъ разсмотрѣть насъ; ходить, останавливаться, привѣтствовать другъ друга, скакать, представлять пьяныхъ, болтать кое-какъ по японски, читать по голландски, рисовать, пѣть, надѣвать и снимать плащи. Пока мы исполняли всѣ эти приказанія какъ умѣли, я прибавилъ къ своей пляскѣ любовную нѣмецкую пѣсенку. Такимъ образомъ, и еще другимъ обезьянствомъ, мы имѣли терпѣніе забавлять сіюгуна и весь японскій дворъ.

Однакожь посольъ избавленъ отъ исполненія повелѣній такого рода; дѣло его—представлять могущество своихъ хозяевъ, и потому остерегаются, чтобы не оскорбить его или его званіе. Притомъ же онъ велъ себя степенно, и Японцы поняли, что не ему можно давать шутовскія приказанія. Когда мы упражнялись уже часа два, къ чему насъ приглашали очень учтиво, вошли бритые лакеи и поставили передъ каждымъ изъ насъ по столику съ мясомъ, приготовленнымъ по японски, и съ парюю костяныхъ палочекъ, которыя должны были замѣнять намъ ножи и вилки; мы взяли и съѣли нѣсколько кусковъ, и нашъ старшій первый переводчикъ, который едва могъ ходить, получилъ приказаніе отнести все къ себѣ. Намъ приказали опять надѣть плащи и откланяться, что мы тотчасъ исполнили съ радостію, кончая такимъ образомъ эту вторую аудіенцію. Оба комиссара провели насъ въ переднюю, гдѣ мы распрощались и съ ними.

«Уже было три часа пополудни, а намъ предстояло еще сдѣлать нѣсколько визитовъ государственнымъ совѣтникамъ перваго и втораго классовъ. Для этого мы вышли изъ Фенмара: при выходѣ съ нами прощались офицеры главнаго императорскаго караула, и мы пошли пѣшкомъ. Служители наши уже отнесли подарки къ тѣмъ лицамъ, къ кото-

рымъ намъ слѣдовало идти, и какъ мы не видали ихъ на нашей аудіенціи, то предположили, что они уже получили наши подарки.

«Подарки состояли изъ шелковыхъ матерій китайскихъ, бенгальскихъ и другихъ странъ, бѣлья, черной саржи, изъ нѣсколькихъ аршинъ чернаго сукна, *гингенса* и флакона съ виномъ закрытаго. Вездѣ принимали насъ чрезвычайно учтиво управители и секретари и угощали чаемъ, табакомъ, сладостями, сколько позволяла непродолжительность нашихъ остановокъ. Комнаты, гдѣ насъ принимали, были наполнены, за ширмами и жалюзи, множествомъ любопытныхъ гостей, желавшихъ взглянуть на наши обычаи и церемоніи; но они ничего не добились, кромѣ коротенькой пляски въ домѣ Бенго, который только что воротился изъ дворца, и еще пѣсни, которую пропѣлъ каждый изъ насъ у младшаго государственнаго совѣтника, жившаго въ сѣверной части дворца. Мы сѣли въ каго и на лошадей и, выѣхавъ изъ дворца въ сѣверныя ворота, воротились въ гостилицу по другой дорогѣ; мы замѣтили, на лѣво отъ нея, укрѣпленныя стѣны и рвы въ разныхъ мѣстахъ. Только въ шесть часовъ вечера, совершенно истомленные, успѣли мы воротиться домой.

«Въ пятницу, 30-го марта, мы отправи-

лись со двора очень рано, для нѣсколькихъ визитовъ, которые оставалось намъ сдѣлать. Подарки, въ родѣ описанныхъ выше, были посланы заранѣе съ нашими японскими управляющими, которые разставили ихъ на доскахъ и размѣстили по туземному обычаю. При входѣ въ каждый домъ насъ встрѣчали два главнѣйшіе служителя и вели въ комнату, гдѣ намъ слѣдовало дать аудіенцію. Комнаты вокругъ аудіенцъ-залы вездѣ наполнялись зрителями, которые собирались толпою. Едва мы сажались, какъ намъ подносили чай и табакъ; сначала управитель дома или секретарь, одинъ или въ сопровожденіи дворянина, приходили привѣтствовать насъ отъ имени хозяина и принимать наши привѣтствія. Вездѣ отдѣленія комнатъ были расположены такъ, что мы сидѣли лицомъ къ дамамъ, которыя насъ угощали очень учтиво и щедро: онѣ подавали намъ пирожки и разнаго рода сласти. Въ этотъ день мы посѣтили и одарили обоихъ губернаторовъ Іедо, трехъ духовныхъ судей и двухъ комиссаровъ иностранныхъ дѣлъ, которые жили на цѣлую льѣ одинъ отъ другаго: одинъ на юго-западъ, другой на сѣверо-западъ отъ дворца. Оба они хотятъ выказаться особенными покровителями Голландцевъ; поэтому они принимали насъ съ необыкновенною роскошью и великолѣпіемъ. На улицѣ стояло двадцать

вооруженныхъ людей; они представляли прекрасный видъ, держа въ рукахъ длинныя палки, и кромѣ того служили для устраненія толпы народа и препятствовали ей беспокоить насъ. Мы были встрѣчены при входѣ и введены въ домъ почти такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ тою только разницею, что насъ ввели далѣе въ домъ, чтобы избавить отъ толпы любопытныхъ, и чтобъ намъ было посвободнѣе, равно какъ и дамамъ, приглашеннымъ на эту церемонію. Въ аудіенцъ-залъ противъ насъ стояли ширмы или родъ рѣшетки, за которой сидѣло множество женщинъ изъ семейства комисаровъ, женъ ихъ, родственниковъ и друзей, такъ что все было набито. Едва мы успѣли сѣсть, какъ вошли семь служителей гуськомъ, и подали намъ трубки, табакъ и всѣ принадлежности куренья; вскорѣ потомъ принесли они что-то жареное на лакированныхъ доскахъ, потомъ жареную рыбу, тоже на доскахъ; всѣ эти служители приносили маленькое блюдо съ нѣсколькими кусочками; разъ принесли два яйца, одно въ смятку, другое въ густую (послѣднее облупили), и между ними рюмку стараго *заки*. Такъ потчивали насъ болѣе часа съ половиною, и попросили пѣть и танцевать: въ первомъ мы отказали, а во второмъ удовлетворили ихъ любопытству. У перваго комисара по-

давали намъ похлебку изъ сладкихъ сливъ вмѣсто водки; у втораго родъ хлѣба (*rain de mangue*) въ черной и холодной жидкости съ горчичнымъ сѣменемъ и рѣпою, и наконецъ померанцовыя корки съ сахаромъ, что подается только въ необыкновенныхъ случаяхъ, въ знакъ добраго желанія. Мы выпили чай и, распростившись, воротились домой въ пять часовъ вечера.

«31-го марта мы опять выѣхали со двора въ десять часовъ утра, и поѣхали къ тремъ губернаторамъ Нагазаки: двоихъ изъ нихъ не было въ Іедо, они находились на мѣстѣ должности. При этомъ случаѣ мы поднесли имъ только по одному закрытому флакону вина, потому что они уже получили слѣдовавшіе имъ подарки въ Нагазаки. Самъ Сино-Бами подошелъ къ намъ при входѣ въ его домъ: его провожала многочисленная свита. Подозвавъ къ себѣ обоихъ нашихъ переводчиковъ, онъ приказалъ сказать намъ, что очень желаетъ, чтобы мы повеселились въ его домѣ. Поэтому насъ приняли необыкновенно хорошо, просили погулять и повеселиться въ саду, такъ какъ мы въ Іедо въ домѣ друга, а не въ домѣ судьи и губернатора въ Нагазаки; насъ угощали горячимъ мясомъ и чаемъ, почти такъ же, какъ у иностранныхъ комиссаровъ; и во все это время, его братъ, съ множе-

ствомъ знатныхъ особъ, родственниковъ и друзей, обходился съ нами очень учтиво. Пробывъ тутъ два часа, мы поѣхали въ домъ къ Тонозама; тамъ провели насъ въ самый отдаленный и изящный покой. Насъ просили подойти къ жалузи по обѣимъ сторонамъ комнаты: за ширмами сидѣло дамъ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ домахъ. Онѣ очень учтиво просили насъ показать имъ платье, оружіе капитана, его перстни, трубки, и прочее тому подобное; все это подавалось имъ сквозь жалузи или подъ него. Особа, угощавшая насъ вмѣсто отсутствующаго губернатора, обращалась съ нами тоже очень учтиво, равно какъ и другіе мужчины, находившіеся въ комнатѣ, и мы не могли не видѣть, что все это дѣлается отъ доброй души, такъ что непритворно радовались и охотно повеселили компанію каждый особенною пѣсенкой! Великолѣпіе этого дома выказалось въ богатствѣ и выборѣ угощенія: оно равнялось съ угощеніемъ перваго комисара, но превосходило его учтивостію и искренностію приѣма. Просидѣвъ тутъ полтора часа, мы раскланялись. Домъ Тонозама находится на самомъ сѣверѣ или сѣверо-западѣ, на разстояніи полторы мили отъ нашего дома, въ самой пріятной части города: тутъ разнообразіе холмовъ и кустарниковъ.— Семейство Зубозама живетъ въ домишкѣ воз-

лѣ рва, идущаго около дворца: тутъ мы встрѣтили немного женщинъ; онѣ посматривали на насъ изъ дыръ, которыя сами проткнули въ ширмахъ. Крѣпкіе напитки, выпитые въ этотъ день съ излишкомъ, стукнули намъ въ голову, и мы поспѣшили воротиться домой; однакожъ все-таки напился чаю и покурили табаку. Мы тѣмъ болѣе поспѣшили кончить, что боялись за нашихъ переводчиковъ, которымъ въ этотъ день досталось порядочно работы: въ другой разъ они, пожалуй, не захотятъ сопровождать насъ въ подобномъ случаѣ. Кромѣ того, дворянинъ, угощавшій насъ отъ имени своего хозяина, хотя и выказывалъ особенную учтивость, но показался намъ слишкомъ смѣлымъ и непріятнымъ въ обращеніи; это заставило насъ поспѣшить уѣхать, потому что въ этомъ случаѣ мы считали себя не купцами, присланными для торговли, но послами, отправленными къ могущественному монарху, съ которыми слѣдуетъ обходиться честно и съ нѣкоторою угодливостію.»

Такъ вотъ какъ Европа была представлена въ Японіи назадъ тому полтораста лѣтъ! Вотъ какою цѣною люди, у которыхъ національное чувство повидимому преобладало надъ прочими, не стыдились покупать покровительство, полезное ихъ торговымъ годамъ! Кемпферъ, сознавая, что Голланд-

цы играютъ въ Іедо унизительную для Европейцевъ роль, самъ рѣшался платить постыдною угодливостію и унизительнымъ шутовствомъ за ласковой приѣмъ нѣкоторыхъ вельможъ. Дѣйствительно, по неволѣ повторишь за нимъ: «*Quid non mortalia pectora cogis, auri sacra fames!*» и въ то же время сожалѣешь или, по крайней мѣрѣ, удивляешься, что онъ не умѣлъ воздержаться отъ такихъ поступковъ!

Впрочемъ, надобно признаться (и это говоритъ въ пользу японскаго смысла), что Голландцы находятъ, въ короткомъ знакомствѣ нѣсколькихъ истинно-воспитанныхъ и жаждущихъ науки людей, пріятное вознагражденіе за униженія официальной жизни. Во всѣ времена Голландцы встрѣчали между японскими чиновниками всѣхъ разрядовъ искреннихъ друзей и умныхъ цѣнителей. Мы помнимъ еще, что было сказано, назадъ тому много лѣтъ, достопочтеннымъ Титсингомъ въ этомъ отношеніи, и потомъ подтверждено многими отличными Голландцами, посѣщавшими Японію, и между прочимъ Бургеромъ, о которомъ мы уже говорили, какъ о неоспоримомъ авторитетѣ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Японіи. Характеръ японскій, оригинальный въ столькихъ отношеніяхъ, отличается стремленіемъ къ нѣкоторымъ чувствованіямъ, и эти чувствованія, выказываясь въ

частныхъ короткихъ сношеніяхъ, дошли до такой выразительности, о которой нельзя не упомянуть. Многіе Японцы просили у друзей своихъ Голландцевъ, какъ особенной милости, чтобъ они выбрали и дали имъ голландское имя! Въ первый разъ это случилось въ прошедшемъ столѣтіи, когда одинъ Японецъ, научившись кое-какъ говорить по-голландски, вздумалъ еще болѣе отличиться отъ своихъ соотечественниковъ и принять имя по выбору президента голландской факторіи, и дѣйствительно испыталъ удовольствіе называться *Адрианомъ Пау* (*Adrian Pauw*)! Черезъ нѣсколько времени, этому примѣру послѣдовалъ одинъ изъ децимскихъ переводчиковъ, и получилъ имя *Авраамъ*! Скоро это отличіе породило завистниковъ, и Дѣфъ, во время пребыванія въ Іедо, долженъ былъ принять нѣсколько просьбъ въ этомъ смыслѣ. Въ числѣ просителей находились ученый астрономъ *Такагазо-Сампей* (бывшій императорскимъ комиссаромъ въ дѣлѣ Головнина) и еще докторъ императора. Надобно было уступить неотступнымъ ихъ просьбамъ. Не зная, какими прозвищами наградить такихъ важныхъ и ученыхъ людей, Дѣфъ рѣшился наконецъ прозвать астронома *Глобіусомъ*, а доктора *Ботаникусъ*! Сыну сацумскаго князя и его секретарю, изъявившимъ желаніе получить прозвища, далъ имена, первому *Frederik-*

Henrik (имя одного изъ древнихъ штатгалтеровъ), второму *Pieter van der Stulps*.

Впрочемъ многіе случаи показываютъ, что образованные Японцы любятъ показывать уваженіе европейскимъ своимъ гостямъ. Такъ, когда Бломгофъ готовился къ выѣзду изъ столицы, гобаніози миссіи, по согласію съ хозяиномъ дома, гдѣ останавливались Голландцы, желая оказать уваженіе президенту факторіи, созвалъ на великолѣпный пиръ всѣхъ друзей Бломгофа и Фишера. Въ этомъ случаѣ, всѣ Японцы, приглашенные на обѣдъ, надѣли голландскій костюмъ; платья эти вообще были очень стары и стариннаго покроя,—понятно, какое странное зрѣлище представляло это собраніе! Это искреннее выраженіе дружбы, доказывающее короткость и взаимный размѣръ услугъ, достаточно свидѣтельствуемъ, что между Голландцами и Японцами въ частной жизни существуютъ отношенія, нисколько не унижительныя ни для той, ни для другой стороны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ МИССИИ ВЪ ДЕЦИМУ.

Пребываніе миссіи въ Іедо продолжается рѣдко болѣе восьми или двѣнадцати дней послѣ прощальной аудіенціи. Рано утромъ пріѣзжаютъ секретари губернаторовъ Іедо и Нагазаки, отъ имени своихъ начальниковъ, проститься съ иностранцами. Это сигналъ отъѣзда, составляющаго событіе для всей столицы. Любопытство выказывается еще ярче и дѣятельнѣе, и стало быть еще не-сноснѣе, въ ту минуту, какъ Голландцы удаляются на три года: комнаты ихъ наполняются посѣтителями; толпа тѣснится передъ воротами ихъ дома, въ надеждѣ видѣть ихъ. Нельзя дать понятія о движеніи и хлопотнѣ этой прощальной сцены. «Когда мы вышли на улицу, говоритъ Фишеръ, около четырехъ часовъ по полудни, то должны были закрыться въ нашихъ *норимонахъ*, чтобы избавиться отъ жаднаго любопытства

зрителей, которые, не смотря на грубость нашего конвоя, бросались въ нашу сторону, чтобы хоть взглянуть на насъ. Мы остановились мимоходомъ у дворца сацумскаго князя и вышли изъ поримоновъ поклониться почтенному старику, который стоялъ у окна со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ половинѣ седьмаго часа мы прибыли въ предмѣстіе *Синагава*, гдѣ ждали насъ друзья изъ *Іедо*, желая провести съ нами послѣдній вечеръ и сказать намъ *прости!* На слѣдующій день, мы рано пустились въ путь, и въ *Омури*, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ *Синагавы*, встрѣтили двухъ сыновей князя *Нагацзъ*, которые нарочно пріѣхали сюда для тайнаго свиданія съ нами, не добившись можетъ быть того же въ *Іедо*. Старшій встрѣтилъ насъ чрезвычайно ласково, и сказалъ по-голландски: «*eerstemaal gezien*» (въ первый разъ видѣнные), что у Японцевъ составляетъ необходимую формулу при первомъ свиданіи. Этотъ молодой князь принялъ голландское имя *Mauritz* и очень уважалъ Голландцевъ, по примѣру отца своего. Нѣсколько офицеровъ изъ ихъ многочисленной свиты часто посѣщали насъ въ *Іедо* и здѣсь съ нами простились».

Миссія, на возвратномъ пути, идетъ по той же дорогѣ; останавливаются почти въ тѣхъ же мѣстахъ, съ тою только разницею,

что гдѣ прежде обѣдали, тамъ теперь ночуютъ; гдѣ прежде ночевали, тамъ теперь обѣдаютъ. Снова надобно подвергаться осмотру у воротъ *Факоне* и *Араи*; но видъ страны измѣнился, послѣдніе слѣды зимы исчезли; путешественникъ встрѣчаетъ тѣ же виды, но украшенные магическимъ жезломъ лѣта; по мѣрѣ приближенія къ югу и *Нагазаки* роскошь растительности становится еще разнообразнѣе. Въ этомъ отношеніи возвратный путь пріятнѣе первой поѣздки, и кромѣ того особенно занимателенъ и драгоцѣненъ, потому что Голландцамъ позволяютъ жить въ *Міако* и *Огозакъ*, съ возможностью посѣщать все, что оба эти города представляютъ любопытнаго. *Міако* есть настоящая столица Японской Имперіи. Это резиденція *микадо*, который представляетъ верховнаго императора, и хотя не управляетъ дѣлами, но почитается главою религіи и раздаетъ почести, титула и преимущества, которыя Японцы предпочитаютъ даже богатству.

По прибытіи въ *Міако*, Голландцы отдають визитъ великому судѣ и губернаторамъ города, которые принимаютъ ихъ лично и которымъ они передають назначенные подарки. Извѣстно, что подарки эти оставлены въ *Міако* при первомъ проѣздѣ голландскихъ путешественниковъ. Въ замѣнъ, имъ дарятъ шелковыя и серебряныя платья. Впрочемъ,

Голландцы не смѣютъ и подумать о чести представиться микадо. Этотъ сынъ неба такъ неприступенъ, что иностранцы, особенно христіане, не могутъ приближаться къ его особѣ или входить во внутренность *даури*. Даже воображаютъ, что они не дерзаютъ и мыслить о немъ, а не только уже подносить ему подарки. Слѣдственно, Голландцы могли только непрямими путями собрать нѣсколько свѣдѣній о духовномъ властителѣ и его дворѣ. Слово *даури*, означающее этотъ дворъ, было принято нѣкоторыми писателями за имя или за титулъ императора; это произошло можетъ быть отъ того, что сами Японцы называютъ микадо *владѣльцемъ двора «даури сама»*. Въ этомъ словѣ Европейцы не обращали вниманія на окончаніе *сама* (владѣлецъ), и потому принимали *даури* за выраженіе достоинства высокаго лица, въ существованіи котораго убѣждало ихъ единодушное свидѣтельство Японцевъ.

Этотъ верховный владыка Ниппона и его принадлежностей, но владыка только по имени, происходитъ отъ боговъ по прямой линіи, и равенъ имъ, ибо *богиня Солнца (Аматаразу ого гами)*, начальница всего міра, со включеніемъ людей и неодушевленныхъ предметовъ, олицетворяется каждымъ *микадо*. Такое убѣжденіе, принятое цѣлою націею, не возбуждаетъ сомнѣній, и потому никогда

и никто не возражалъ противъ полной во всѣхъ отношеніяхъ власти *микадо*; но разъ, военный начальникъ, которому онъ самъ поручилъ исполнительную власть, успѣлъ, назадъ тому нѣсколько вѣковъ, захватить наслѣдственность въ своей должности и завладѣлъ дѣйствительною властію, подъ именемъ *сіюгуна*, какъ намѣстникъ *микадо*, оставивъ этому послѣднему имя владыки, весь блескъ двора, и даже управленіе по части *этикета*.

Матеріальныя заботы подлуннаго міра недостойны занимать вниманіе этого наслѣдника боговъ, и мысль его не можетъ останавливаться на такихъ мелочахъ, безъ собственнаго оскверненія. Таково положеніе *микадо* въ слѣдствіе общественнаго мнѣнія; положеніе, объясненное *сіюгуномъ* въ пользу своей власти. Кажется, что *микадо* имѣетъ полную власть только въ дѣлахъ религіи; но въ Японіи, какъ и во многихъ государствахъ крайней Азіи, религія имѣетъ самую тѣсную связь съ общественною и политическою жизнію, равно какъ и со всѣми дѣйствіями жизни частной, и кажется вѣроятнымъ, что *сіюгунъ*, въ дѣлахъ управленія, не можетъ совершенно обойтись безъ содѣйствія *микадо*, не только потому, что всякая власть исходитъ отъ послѣдняго, но и потому, что его утвержденіе необходимо для извѣстныхъ

распоряженій, и рѣшеніемъ его руководствуются во всѣхъ вопросахъ, прямо или косвенно относящихся до религіи.

Лица, окружающія микадо и составляющія настоящую духовную іерархію, считаются въ такомъ высокомъ чинѣ, что князья, министры *сіюгуна* и даже самъ *сіюгунъ* стараются добыть себѣ титула, чисто почетныя, главныхъ чиновъ въ *даури*. Говорятъ, что *сіюгунъ*, какъ государственный сановникъ, не болѣе какъ четвертое лицо въ государствѣ. Какія же привилегированныя существа занимаютъ второе и третье мѣсто? Если вѣрить Фишеру, Клапроту и Зибольду, эти люди называются: президентъ совѣта *микадо*, или регентъ имперіи, если *микадо* будетъ малолѣтний (*кванбакъ*) (*), — и *Са-даи-синъ* или первый слуга лѣвой руки.

Сынъ или дочь, которую микадо назначаетъ обладателемъ престола, также вѣроятно имѣетъ шагъ передъ *сіюгуномъ*. Одинъ микадо имѣетъ право назначать дни подвижныхъ праздниковъ, цвѣта, присвоенные нѣкоторымъ религіознымъ актамъ и пр. Онъ

(*) Его также называютъ *ацураки мору*, то-есть, хранитель парадныхъ колпачковъ микадо! *Кванбакъ* — значитъ важная особа. Званіе *кванбака* не можетъ быть дано *сіюгуну*. *Нисномаръ* или наслѣдный принцъ получаетъ титулъ *у даи-синъ* или перваго слуги правой руки, только по достиженіи сорока лѣтъ.

назначаетъ или утверждаетъ начальниковъ разныхъ отшельническихъ орденовъ; онъ разрѣшаетъ безъ апелляціи всѣ религіозныя вопросы, и пр. Но самое торжественное и необычайное проявленіе его вліянія на благосостояніе имперіи, какъ говорятъ Японцы, состоитъ въ томъ, что онъ, олицетворяя собою *богиню Солнца*, ежедневно сидитъ нѣсколько часовъ неподвижно на своемъ тронѣ, и этою неподвижностію поддерживаетъ равновѣсіе, прочность и спокойствіе своей имперіи. Еслибъ по несчастію его глава уклонилась въ правую или лѣвую сторону, — той части государства, отъ которой она отклонилась, угрожаетъ страшная опасность или даже совершенное разрушеніе. Такъ увѣряютъ посвященные въ тайны *даири*. Выдержавъ такую неподвижность въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, микадо кладетъ свою корону на тронъ, гдѣ она лежитъ какъ охранительница общественнаго спокойствія во весь день и всю слѣдующую ночь (*).

Почести, оказываемыя микадо, такъ же не обыкновенны, какъ его положеніе и исключительныя требованія, и соразмѣрны съ его происхожденіемъ отъ боговъ: не только люди, но даже сами боги, по увѣренію Япон-

(*) Говорятъ, что микадо давно уже избавили себя отъ этого торжественнаго принужденія.

цевъ, оказываютъ ему уваженіе; *ками* или геніи покровители имперіи ищутъ знакомства съ микадо и прилетаютъ ежегодно къ нему въ гости на цѣлый мѣсяцъ, и цѣлый мѣсяцъ живутъ при его дворѣ. Въ продолженіе этого мѣсяца, называемаго *отсутствіемъ боговъ*, потому что они разстались съ небомъ и своими храмами, чтобы посѣтить земнаго своего представителя, всѣ храмы считаются пустыми, и никто въ нихъ не входитъ. *Микадо* не можетъ самъ перемѣнять мѣста; его надобно переносить на плечахъ правовѣрныхъ, чтобы онъ не осквернился прикосновеніемъ къ землѣ. Ни одинъ взглядъ смертный (т. е. простаго человѣка) не долженъ досягать до него, и поэтому онъ никогда не выходитъ изъ внутренности своего дворца. Ему не стригутъ волосъ, не брѣютъ бороды, не обрѣзаваютъ ногтей; а если и дѣлаютъ это, то во время его сна, чтобы онъ нисколько не беспокоился. Говорили даже, что будто бы его тщательно держатъ въ тѣни отъ солнечныхъ лучей, потому что они недостойны прикасаться къ нему; но теперь это считается за басню. Такая предосторожность была бы въ совершенномъ разногласіи съ отношеніями, которыя должны существовать между *микадо* и *богиней Солнца*. Болѣе вѣроятно и болѣе согласно съ понятіями Японцевъ о достоинствахъ микадо то, что все,

употребляемое ежедневно на его службу, должно быть *новое*. Никогда не надѣвается онъ платья, которое уже носилъ; блюда и тарелки, содержавшія его пищу, стаканы или чаши, содержавшія его питье, даже всѣ кухонныя принадлежности, должны быть возобновляемы каждый разъ, какъ онъ захочетъ кушать! Но этикетъ не останавливается и на этомъ: что служило представителю боговъ не можетъ служить уже никому! Носить что нибудь изъ его гардероба, скусать кусочекъ съ его блюда, употребить въ дѣло его кухонную посуду — все это страшныя преступленія, которыя привлекутъ на голову виновныхъ гнѣвъ боговъ! Поэтому, все, что разъ служило *микадо*, разорвано, разбито, уничтожено; одежда его, считая по фасону, ему одному свойственному, и изъ матеріи такого *цвѣта*, который онъ одинъ можетъ носить, одежда его сожигается тотчасъ послѣ того, какъ онъ ее снимаетъ. Безпрестанно возобновляются эти матеріальныя принадлежности, уже напередъ обреченныя уничтоженію; и чтобы тратить на это безпрестанное возобновленіе какъ можно меньше издержекъ, которыя падаютъ на *сіогуну*, равно какъ и всѣ издержки по духовному двору или *даири*, экономятъ, какъ могутъ, то-есть, въ гардеробъ, на столъ и въ кухню *микадо* поступаютъ самыя грубые предметы,

самыя дешевыя вещи! Не ручается за совершенную вѣрность этихъ внутреннихъ подробностей; но все заставляетъ думать, что онѣ очень близки къ истинѣ. Микадо — существо совершенно небывалое. Его происхожденіе отъ боговъ ставитъ его въ положеніе, котораго не можетъ испытать ни одинъ смертный.

Принужденіе, въ которомъ живетъ сынъ неба, должно непременно влечь за собою тоску и скуку. Поэтому очень часто микадо отказывается отъ своего званія въ пользу сына или дочери; дочери въ этомъ случаѣ предпочитаются. Такія отреченія случались въ самыя отдаленныя времена; случались и недавно. Прежде они передавали дѣйствительную и полную власть, а въ последнее время, только должность безъ занятія. Микадо имѣетъ двѣнадцать женъ (*).

Въ Японіи многоженство дозволено. Микадо выбираетъ этихъ двѣнадцать супруговъ между дамами своего двора; онѣ отличаются отъ другихъ японскихъ женщинъ формою своей одежды. По словамъ однихъ путешественниковъ, костюмъ ихъ великолѣпенъ, и платья ихъ такъ широки и такъ богато вышиты зо-

(*) Супруги микадо раздѣляются на женъ перваго разряда и на женъ втораго разряда. Старшая супруга перваго разряда называется *мисаки*.

лотомъ и серебромъ, что онѣ почти не могутъ двигаться. По словамъ другихъ, жены *микадо*, подобно своему супругу, никогда не надѣваются одной одежды два раза. Не только эти два свидѣтельства противорѣчатъ одно другому, но первое изъ нихъ не согласно съ тѣми экономическими мѣрами, которыя принимаетъ *сiogунъ* по содержанію двора духовнаго владыки. Понятно, что нельзя имѣть вѣрныхъ извѣстій объ этомъ предметѣ, потому что Европейцы не могутъ проникнуть въ *даири* и получить изъ устъ особъ, видящихъ императорское семейство, настоящія и несомнѣнныя свѣдѣнія. Увѣряютъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ жены *микадо* заботятся о причeskѣ волосъ не менѣе прочихъ японскихъ дамъ, но передъ лицомъ *микадо* являются не иначе, какъ съ распущенными волосами. Впрочемъ, необыкновенная полнота одежды принадлежитъ къ числу признаковъ, по которымъ узнаютъ особъ, составляющихъ дворъ *микадо*, мужчинъ и женщинъ; въ этомъ отношеніи подражаютъ имъ, сколько могутъ, все сословія.

Въ числѣ этихъ суетныхъ церемоній, среди суевѣрныхъ обрядовъ и монотоннаго этикета въ *даири*, встрѣчается фактъ, тѣмъ болѣе важный и достойный вниманія, что онъ совершенно неожиданъ. Если, по разумѣнію Японцевъ, дворъ *микадо* служитъ цент-

ромъ религіи, то, въ то же время, онъ есть пріютъ высшей литературы, центръ, изъ котораго изливается народная поэзія и философія. Академія въ Іедо, можетъ быть, ученѣе; но между придворными *даури* Японія видитъ лучшихъ своихъ поэтовъ, историковъ и знаменитѣйшихъ ученыхъ; женщины наравнѣ съ мужчинами отличаются тамъ въ этихъ умственныхъ торжествахъ. Литература во всѣхъ ея видахъ—главное развлеченіе и любимѣйшее занятіе двора *микадо*.

Хотя *даури* составляетъ особый городъ въ городѣ *Міяко*, однакожъ не занимаетъ такого пространства, какъ дворецъ *сіогуна* въ Іедо. Впрочемъ, и городъ *Міяко* не такъ обширенъ, какъ столица Іедо; но онъ лучше выстроенъ и красивѣе, самъ по себѣ и по роскоши почвы и окрестныхъ мѣстоположеній. По здоровому климату и чистотѣ воздуха, *Міяко* гораздо выше всѣхъ прочихъ японскихъ городовъ. Онъ считается японскимъ раемъ и замѣчателенъ красотою женщинъ (*).

Здѣсь Голландцы дѣлаютъ главныя закупки, потому что *Міяко* есть складочное мѣсто лучшихъ произведеній японскихъ мануфактуръ. Народонаселенія въ этой столицѣ бо-

(*) *Міяко* называется у Японцевъ *Фей-у-сію*, то-есть, городъ мира или спокойствія. Его также называютъ *Кіо* и еще *Рокъ-сію* или *Рокъ-цзю*.

лѣе 600 тысячъ душъ, не считая принадлежащихъ къ *даири*; чины ихъ такъ высоки, что вѣроятно ихъ нельзя включать въ народную перепись. Толпа, тѣснящаяся около Голландцевъ и смотрящая на обѣдъ, который даютъ имъ въ саду одного изъ храмовъ, можетъ заставить думать, что жителей гораздо болѣе 600 тысячъ; потому-то Голландцы всѣ единогласно утверждаютъ, что нигдѣ, ни даже въ *Иедо*, не замѣтно такого стеченія народа.

Храмы въ *Міяко*—самые превосходные памятники; лучше ихъ Японія ничего не можетъ представить любопытству иностранцевъ. Чтобы дать понятіе объ этихъ зданіяхъ, приведемъ слова стариннаго и наивнаго *Кемпфера*:

«18-го апрѣля отправились мы изъ *Міяко*, въ *норимонахъ* и *каго*. Сначала шли мы по той же дорогѣ, по которой ѣздили наканунѣ, вдоль длинной улицы, потомъ перебрались черезъ мостъ, и вошли въ горы, которыя возвышались направо отъ насъ. Всѣ улицы на пути нашемъ были правильны, чисты и веселы, съ маленькими, но опрятно-выстроенными домами; съ обѣихъ сторонъ много лавокъ. Наѣхъ пустили во дворъ великолѣпнаго императорскаго храма *Цуганинъ* или *Шусганинъ*: по старинному обычаю, намъ показываютъ, на возвратномъ нашемъ пути

и въ послѣдній день пребыванія нашего въ Мiяко, величественные и великолѣпные храмы; во всей имперіи нѣтъ подобныхъ зданій по огромности, богатству и изяществу. Они очень искусно размѣщены на скатѣ холмовъ, окружающихъ столицу. Можно сказать, что обычай отъ времени получилъ силу закона, такъ что мы въ этомъ отношеніи не имѣемъ ни малѣйшей свободы. Насъ ведутъ въ храмы, и мы должны осматривать ихъ, волей или неволей; нашего посла или директора торговли даже не спрашиваютъ. Къ первому храму идутъ по широкой и просторной аллеѣ, совершенно ровной, вдоль горы, на протяженіи тысячи шаговъ. Ворота были большія и великолѣпныя, съ двойною крышею, загнутою, какъ и всѣ крыши на храмахъ и башняхъ здѣшнихъ дворцовъ. Тутъ мы вышли изъ норименовъ, изъ уваженія къ императору, что дѣлаютъ въ этомъ случаѣ даже князья имперіи. Эта аллея, усыпанная щебнемъ и пескомъ, усѣяна по обоимъ бокамъ высокими и великолѣпными домами чиновниковъ, служащихъ при храмѣ. На концѣ аллеи вышли мы на большую террасу, покрытую щебнемъ, обсаженную деревьями и кустарникомъ. Пройдя сквозь два великолѣпныя деревянныя зданія, мы поднялись по прекрасной, чистой лѣстницѣ въ другое великолѣпное зданіе, тоже деревян-

ное: оно стояло очень высоко, выше чѣмъ стоятъ самые богатые и славные дворцы; главный фасъ былъ величественнѣе и красивѣе фаса императорскаго дворца въ Иедо; галерея была очень искусно покрыта лакомъ, а комнаты устланы тонкими циновками вмѣсто ковровъ. Посреди аванъ-залы или первой большой комнаты стоялъ жертвенникъ или небольшой храмъ, и въ немъ огромный истуканъ съ завитыми волосами, окруженный меньшими идолами и нѣкоторыми другими украшеніями. По обоимъ бокамъ этого жертвенника стояли два другіе, поменьше и украшенные не такъ тщательно. Отсюда повели насъ въ двѣ комнаты, выстроенныя для императора, который тутъ садится: онѣ (по здѣшнему выраженію) двумя циновками выше передней или той залы, о которой я говорилъ выше. Изъ комнатъ видны жертвенники черезъ двѣ двери. Возлѣ этихъ двухъ комнатъ, выстроенныхъ подъ горою, съ которой предестный видъ на множество разнообразныхъ деревьевъ и кустарниковъ, и на скатѣ которой нѣсколько маленькихъ храмовъ, прикрытыхъ боскетами; возлѣ этихъ комнатъ, говорю я, небольшой увеселительный садикъ, какъ бы въ миниатюрѣ, расположенный въ японскомъ вкусѣ и съ такою правильностію, какую допускала мѣстность. Адлея усыпаны чистенько бѣлымъ пескомъ.

Рѣдкія растенія и деревья, доведенныя до совершенства искусствомъ, съ любопытными каменьями, украшаютъ квадраты цвѣтниковъ; но всего пріятнѣе для глазъ рядъ холмиковъ, въ устройствѣ которыхъ подражали натурѣ: они покрыты превосходнѣйшими растеніями и превосходнѣйшими туземными цвѣтами. Между ними текла свѣтлая рѣчка и журчала пріятно; на ней въ разныхъ мѣстахъ стояли мостики, служившіе украшеніемъ и средствомъ сообщенія между разными частями сада. Мы дошли до конца сада, который представилъ намъ невыразимо-прекрасныя виды, и потомъ вышли черезъ лѣвую калитку, въ небольшой сосѣдній храмъ, стоящій немного выше на горѣ, на разстояніи почти тридцати шаговъ. Въ этомъ храмѣ хранятъ имена усопшихъ императоровъ; они написаны на столѣ золотыми буквами; около стола поставлены низкіе табуреты съ писанными бумажками; изъ нихъ три большія и одна маленькая; это формулы молитвъ, произносимыхъ за упокой души *Геніозинъ*. При входѣ въ храмъ стояло двѣ кружки для припята подаванія отъ народа, а передъ кружками стоялъ стулъ. Два молодые служителя храма, показывавшіе намъ все достойное замѣчанія, повели насъ еще въ другой великолѣпный храмъ, отдѣленный отъ перваго площадью. Его поддерживали толстые

и крѣпкіе столбы вышиною въ полтора брас-са. Великолѣпіе этого храма, какъ намъ по-казалось снаружи, главнѣйше состояло въ его четырехъ загнутыхъ одна на другую кры-шахъ. Низшая, и слѣдственно самая боль-шая, наброшена на стѣны для прикрытія портика или наружной галереи, которая тя-нулась около всего храма. Столбы и корни-ши, поддерживавшіе крышу, расписаны для красы красною и желтою краскою. Полъ устланъ цыновками; впрочемъ внутренность храма была совершенно пуста и поддер-живалась тридцатью деревянными столба-ми. На правой сторонѣ храма было пустое мѣсто, и такое же на лѣвой; въ этомъ по-слѣднемъ стояло нѣсколько идоловъ въ ни-шахъ. Передъ главнымъ идиоломъ задернута была занавѣса; а передъ нею стояло круглое зеркало, съ кружками для принятія подая-ній народа. По осмотрѣ этого храма, провод-ники повели насъ въ другое зданіе, по на-ружности не столько великолѣпное, но внут-ри неуступавшее первому ни въ чистотѣ ни въ украшеніяхъ. Средняя площадь — родъ храма или жертвенника, назначеннаго для принесенія моленій; она наполнена идолами и изображеніями японскихъ боговъ. Тутъ угощали насъ шесть служителей изъ это-го монастыря; старшему было лѣтъ двад-цать-шесть, а самому молодому лѣтъ ше-

стнадцать. Они подавали намъ *заки*, грибы, жаренные бобы, пироги, фрукты, коренья и растенія. Просидѣвъ тутъ полтора часа, мы раскланялись, и два служителя провели насъ до большой площади или портика, который находится передъ этимъ великолѣпнымъ императорскимъ монастыремъ; монастырь, сказывали намъ, содержитъ двадцать семь храмовъ въ своей оградѣ. Отсюда пошли мы въ другой храмъ, называемой *Гибонъ* или храмъ цвѣтовъ, въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ предыдущаго. Нѣкоторые изъ насъ отпразднелись туда въ норимонахъ, другіе предпочли итти пѣшкомъ, потому что дорога очень пріятна, по прелестной пустынѣ. Этотъ храмъ *Гибонъ* или цвѣтовъ былъ окруженъ тридцатью или сорока храниками; всѣ расположены правильно. Въ разныхъ мѣстахъ на дворахъ храма видѣли мы лавки съ товарами; въ другихъ мѣстахъ народъ занимался стрѣльбою изъ лука. Дворъ былъ украшенъ деревьями, правильно разсаженными, и казалось, они стояли тутъ для увеселенія молодыхъ людей. Храмъ былъ длиненъ и узокъ по срединѣ, и отдѣлялся отъ прочихъ частей галереєю. Тутъ стоялъ большой истуканъ съ маленькими идолами и нѣсколькими украшениями. Между прочимъ мы видѣли тутъ большое лакированное изображеніе молодой женщины; длиною оно было отъ двухъ до

трехъ брассовъ, и окружено другими идолами или молодыми героями. Въ то же мѣсто поставили голландскій корабликъ, нѣсколько сабель и шлагъ, и другихъ игрушекъ. Отъ этого храма повели насъ далѣе, на подторыльѣ, по улицѣ называемой *Зивулязакки*, что значитъ улица нищихъ и простонародныхъ удовольствій. Она довела насъ до знаменитаго храма *Киомицъ*; тутъ прежде всего мы увидѣли высокую башню въ семь этажей, изъ которыхъ нижній на нѣсколько ступенекъ выше земли; въ немъ жертвенникъ, съ большимъ истуканомъ и нѣсколькими маленькими идолами. Немного далѣе на горѣ храмъ *Киомицъ*, поддерживаемый съ одной стороны горою, а съ другой столбами, изъ которыхъ иные въ восемь *кинговъ* вышины. Тутъ встрѣтили мы толпу народа. Въ храмѣ, окруженномъ рѣшеткою, ничего не было, кромѣ большаго круглаго зеркала, двухъ кружекъ для сбирания милостыни, и нѣсколькихъ *цумгумовъ* (родъ колоколовъ), въ которые звонятъ подающіе милостыню. Недалеко отъ храма есть каменная лѣстница въ восемьдесятъ пять ступенекъ, ведущая къ знаменитому источнику, который вытекаетъ изъ утеса въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что воды его даютъ умъ и благоразуміе тѣмъ, кто ихъ пьетъ. Зовутъ его *Осевантаки*. Вода свѣтлая и чистая, и мнѣ показалось, что

она вообще ничѣмъ не отличается отъ прочихъ водъ въ *Міако*. Отъ источника, мы пошли далеко по горѣ, по искусственной террасѣ, и, пройдя черезъ нѣсколько маленькихъ храмиковъ или жертвенниковъ, пришли къ большому храму, который построенъ подобно предыдущему. Однимъ бокомъ онъ опирается въ гору, а другую его сторону поддерживаютъ столбы. Видъ этого храма прекрасенъ и любопытенъ, болѣе чѣмъ выразить можно, потому что онъ стоитъ очень высоко. Я замѣтилъ, что важнѣйшіе идолы въ этомъ храмѣ представлены въ сидячемъ положеніи и держатся за руки. Отсюда повели насъ въ огромный храмъ *Даибоцзъ*, стоящій недалеко отъ дороги въ *Фуссими*. Однакожъ, до вступленія въ этотъ храмъ, насъ ввели въ дрянной кабачекъ, гдѣ насъ угощадъ хозяинъ, которому мы дали въ знакъ признательности *кобангъ*, что стоило въ четверо болѣе его угощенія, потому что оно было очень незавидное. Храмъ *Даибоцзъ* выстроенъ на возвышеніи у самой большой дороги. Дворъ храма окруженъ высокою стѣною изъ огромныхъ камней, особенно на фасадѣ: тутъ были камни въ два брасса въ квадратѣ. У внутренней стороны стѣны шла галерея, открытая со стороны двора, но покрытая крышею на двухъ рядахъ столбовъ вышиною въ три брасса, и въ два брасса разстоянія

между ними. Я насчиталъ около пятидесяти столбовъ съ каждой стороны воротъ; да и самыя ворота, хотя небольшія, украшены столбами и двойною загнутою крышею. Съ каждой стороны стояло по герою, почти нагому; статуи были кое-какъ прикрыты кусками черной матеріи. Статуя имѣла львиную голову, и была вышиною въ четыре брасса, впрочемъ довольно пропорціональна, и стояла на пѣдесталѣ въ брассъ вышиною. Каждая изъ этихъ статуй имѣла свое собственное значеніе. Противъ нихъ возвышался храмъ *Даибоцъ*, на самой срединѣ двора. Это безъ сомнѣнія самое возвышенное зданіе, какое мы видѣли въ Японіи; оно покрыто двойною загнутою крышею, которая великолѣпна и возвышается надъ всѣми строеніями въ Міяко. Храмъ поддерживается восемью рядами столбовъ; въ каждомъ ряду ихъ двѣнадцать, но какъ въ срединѣ нѣтъ двухъ столбовъ, то ихъ всего девяносто четыре. Дверей было очень много, и всѣ онѣ маленькія. Внутри храмъ былъ совершенно открытъ подъ второю крышею, которая лежала на пилястрахъ, окрашенныхъ въ красную краску. Тутъ такъ темно, по причинѣ необыкновенной вышины и малаго входившаго свѣта, что мы съ трудомъ могли разсмотрѣть храмъ. Полъ, противъ обыкновенія, вымощенъ четверугольными кусками мрамора; внутри

никакихъ украшеній, кромѣ огромнаго истукана. Столбы чрезвычайно толсты, по крайней мѣрѣ въ полтора брасса. Они состояли изъ нѣсколькихъ, соединенныхъ плитровъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ; такую же краскою окрашены и прочія деревянные части зданія. Истуканъ, весь вызолоченный, очень высокъ и великъ; на ладони его можно было помѣстить три цыновки. У него огромные уши, завитые волосы, на головѣ нѣчто въ родѣ короны, которую можно было видѣть изъ окна подъ первою крышею; на лбу было большое пятно, въ родѣ мушки, безъ позолоты (*).

«Плечи были обнажены, а грудь и тѣло небрежно покрыты кускомъ матеріи. Онъ держалъ правую руку поднятою, а лѣвую прижималъ къ животу, и сидѣлъ по индѣйски, скрестивъ ноги, на цвѣткѣ *таратъ* (*lotus*), поддерживаемомъ другимъ цвѣткомъ, котораго длинныя листья служили украшеніемъ; оба цвѣтка возвышались надъ поломъ почти на два брасса. На спинѣ этого большаго истукана находился огромный овалъ, съ разными маленькими идолами человѣческой формы, сидящими на цвѣткахъ *тарата*. Этотъ овалъ былъ такъ великъ, что покрывалъ четыре столба, а идолъ такъ широкъ, что пле-

(*) У Индусовъ это называется *тика*.

чами доставалъ отъ одного столба до другаго, хотя между ними разстояніе въ четыре брасса. Цвѣтокъ *тарата*, на которомъ сидѣлъ истуканъ, окруженъ восьмиугольными воротами, и потому-то тутъ не поставили двухъ столбовъ. Осмотрѣвъ этотъ храмъ внимательно, мы вышли изъ него въ другую дверь, не въ ту, черезъ которую вошли; надъ нею была одна только крыша. Мы отправились на сосѣдній дворъ, гдѣ намъ показали *гумгумъ*, огромной величины; онъ одинъ висѣлъ въ деревянномъ домикѣ. Онъ былъ толщиною въ добрую пядень, пусть и глубокъ, длиною съ пикку *беніоса*, футовъ двадцати въ окружности. Отсюда повели насъ въ другой храмъ, который непомерно длиненъ по ширинѣ своей. Посреди его сидѣлъ истуканъ съ сорока-шестью руками; вокругъ него стояли шестнадцать героевъ въ черныхъ одеждахъ, колоссальной величины. Немного далѣе, по обѣимъ сторонамъ, тянулись два ряда позолоченныхъ идоловъ, почти одинаковаго роста; всѣ они стояли. У каждаго было двадцать рукъ; ближайшіе къ истукану держали въ рукахъ длинные жезлы. Другіе держали розовые вѣнки; нѣкоторые — разные инструменты или украшенія. На головѣ самаго большаго изъ нихъ, увѣнчаннаго вѣнкомъ изъ золотыхъ лучей, стояли семь идоловъ, изъ ко-

торыхъ средній былъ меньше другихъ; у всѣхъ грудь была открыта и испещрена разными украшеніями. Кромѣ идоловъ, о которыхъ я говорю, было еще рядовъ десять или двѣнадцать другихъ идоловъ въ величину человѣческаго роста, которые стоятъ одинъ за другимъ на близкомъ разстояніи, такъ что передній стоитъ ниже задняго, чтобы самаго послѣдняго можно было видѣть. Говорятъ, что въ этомъ храмѣ всего тридцать три тысячи триста тридцать три идола; поэтому и называютъ его *Сан-Ман-Санъ-Синъ-Самбіатъ-Сансинъ-Сан-тан*, то есть, храмъ тридцати трехъ тысячъ трехъ сотъ тридцати трехъ идоловъ.»

Такое же впечатлѣніе производили эти странные памятники на всѣхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Японію прежде и послѣ Кемпфера. Всѣ они изумлялись характеру этого гигантскаго идолопоклонства, заимствованнаго изъ древней Индіи. Тунбергъ бѣгло рассказываетъ что видѣлъ въ храмахъ, и въ рассказѣ его не встрѣчается ни одного разительнаго замѣчанія; но подтверждаетъ всѣ важнѣйшіе пункты Кемпферова разсказа. Онъ, кажется, особенно былъ пораженъ колоссальною величиною и выраженіемъ статуи *Даибутъ* (Фишеръ пишетъ *Daywüt*, Зибольдъ *Doibuts*), и огромностію ея храма (*).

(*) Смотри подробности объ этомъ предметѣ въ его путешествіи, т. II, стр. 90 и 91.

Позднѣйшіе путешественники, говоря о храмахъ, всѣ ссылаются на Кемпфера. Словомъ, нѣтъ подробныхъ и обдуманыхъ описаній японскихъ храмовъ; и исторія разныхъ религіозныхъ сектъ, распространившихся по Японіи, равно какъ и отношенія ихъ къ духовной и свѣтской верховной власти, еще весьма мало извѣстны. Ниже будетъ изложено все, что путешественники успѣли собрать по этому предмету (*).

Изъ Міяко миссія переѣзжаетъ на баркахъ въ Огозаку. Поѣздка эта, внизъ по рѣкѣ *Иодогава*, совершается въ одни сутки. Здѣсь Голландцы живутъ довольно долго и не только могутъ хорошо видѣть городъ, но и принимать участіе въ увеселеніяхъ разнаго рода, которыя здѣсь многочисленнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Японіи. Миссія обыкновенно останавливается въ Огозакѣ на цѣлую недѣлю.

Огозаки большой городъ. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній объ его обширности; но можно составить себѣ понятіе и о пространствѣ имъ занимаемомъ, и объ его народонаселеніи, по слѣдующимъ двумъ фактамъ, которые не подлежатъ сомнѣнію, а именно: въ огромномъ этомъ городѣ считается

(*) У Клапрота есть подробное описаніе колоссальной статуи Будды въ храмѣ *Даибутъ*.

сто мостовъ, какъ на рѣкѣ, такъ и на каналахъ,—и жители его хвастаютъ, что могутъ выставить армію въ 80,000 человекъ. Огозака центръ большой торговли имперіи: на его рынокъ собираются иностранные товары, привозимые въ Нагазаки. Въ немъ, кромѣ того, множество мануфактуръ, которыхъ произведенія пользуются извѣстностію. Зибольдъ особенно отличаетъ мѣдные заводы. Въ старину владѣлецъ этихъ заводовъ подносилъ послу большую монету (*огобанъ*) и нѣсколько мелкихъ *кобанговъ* его товарищамъ, но эта глава уничтожена (*).

Огозаки укрѣпленъ, какъ умѣютъ укрѣплять въ Китаѣ и въ Японіи, то есть, на него нельзя напасть въ располхъ, и въ немъ есть цитадель, которой комендантъ по чину важнѣе губернатора города, однакожъ не имѣетъ ни власти надъ послѣднимъ, ни даже ежедневныхъ съ нимъ сношеній по службѣ.

Губернаторъ Огозаки принимаетъ, въ торжественной аудіенціи, голландскую миссію и подарки, которые она оставила ему на первомъ пути въ Іедо. Потомъ онъ угощаетъ Голландцевъ столько же великолѣпно, сколько

(*) Глава: терминъ, принятый Голландцами и взятый изъ японскаго выраженія, означающаго привычку или подробность этикета, установленнаго правительствомъ въ официальныхъ сношеніяхъ съ иностранцами.

ко гостепріимно. Для нихъ составляютъ нѣ-
сколько прогулокъ; и Японцы умѣютъ такъ
хорошо угощать гостей, показываютъ столь-
ко дружбы, искренней веселости, угодливо-
сти, что президентъ Дѣфъ, нѣсколько лѣтъ
спустя, съ особеннымъ наслажденіемъ вспо-
миналъ о прогулкѣ, при которой присутство-
валъ и которая была устроена нарочно для
него въ одномъ изъ лучшихъ чайныхъ до-
мовъ въ Огозакѣ. Уже извѣстно читателю,
что этотъ городъ есть *городъ наслажденій* по
преимуществу и знаменитъ удовольствіями и
увеселеніями, которыя можетъ доставить.
Можно ли наслаждаться въ немъ дешево?
Это вѣроятно; однакожъ, если считать театръ
однимъ изъ лучшихъ и необходимѣйшихъ
наслажденій, то въ Японіи удовольствіе ви-
дѣть и слышать хорошаго актера покупа-
ется очень дорого: первыя мѣста въ большомъ
театрѣ въ Огозакѣ стоятъ пять піастровъ и
болѣе (отъ 30 до 40 франковъ или отъ 7½
до 10 р. сер.). Театральная зала обширна и
содержитъ, кромѣ партера, три яруса ложъ,
изящно украшенныхъ. Декораціи, костюмы,
постановка превосходны по богатству; но ма-
нера писать и разставлять декораціи, къ со-
жалѣнію, показываетъ, что Японцы, какъ и
всѣ восточные народы, вовсе не знаютъ за-
коновъ перспективы, и потому трудно по-
нять, съ перваго взгляда, что представляетъ

сцена. Описанія японскихъ театровъ, находящіяся у насъ подъ руками, не даютъ полнаго и вѣрнаго понятія объ этихъ сборищахъ. Однакожъ, все таки можно утвердительно сказать, что театральная японская зала, въ день представленія, вовсе не похожа на европейскія театральныя залы. Каждый зритель сидитъ на циновкѣ, за которую заплатилъ (это наше кресло); тутъ подають ему прохладительныя: таковъ ужъ обычай, чтобы лакомиться въ самомъ театрѣ. Эти угощенія, въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, доставляетъ самъ директоръ театра, что даетъ ему немалый доходъ (*).

Сколько извѣстно, японскихъ драмъ никто еще не переводилъ. Даже не даны намъ сюжеты японскихъ піесъ, ни краткіе очерки

(*) Въ Японіи, какъ въ Китаѣ, есть труппы кочующихъ актеровъ, музыкантовъ, фокусниковъ, бойцовъ, плясуновъ, шарлатановъ, которые даютъ представленія подъ открытымъ небомъ или въ частныхъ домахъ, за извѣстную плату. Маленькіе города и села должны довольствоваться этими кочующими труппами. Нагазакі вѣроятно принадлежитъ къ числу такихъ же городовъ; но въ большихъ городахъ есть постоянные театры, а въ Огосакѣ театръ въ такомъ ходу, что лучшие актеры находятъ тамъ вѣрное и выгодное пристанище. За то постоянная труппа въ Огосакѣ считается лучшею въ имперіи. Капитанъ Сарисъ, въ 1612 году, говоритъ объ *актрисахъ, невольницахъ* того, кто ихъ нанимаетъ и пр. Теперь же, въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, только мальчики играютъ роли женщинъ.

хода ихъ, такъ что мы не можемъ имѣть понятія о тамошнемъ драматическомъ творчествѣ. Знаемъ только, что японская драма—чисто и исключительно народная, и дѣйствіе всегда относится къ доблестямъ, подвигамъ, любовнымъ приключеніямъ боговъ и героевъ, которыхъ похождения пущены въ народъ баснословными преданіями. Однакожъ, иныя піесы основаны на фактахъ или интригахъ выдуманныхъ, и похожи на *пословицы въ лицахъ*, по нравственной своей цѣли. Общее направленіе этихъ піесъ (очень простыхъ, потому что на сценѣ никогда или почти никогда не бываетъ болѣе двухъ дѣйствующихъ лицъ въ одномъ явленіи) безукоризненно, если поставишь себя на японскую точку зрѣнія; потому что піесы выказываютъ въ сильной степени разительныя черты народнаго характера, а нравственныя понятія Японцевъ, ихъ чувство приличія странно противорѣчатъ съ нашими! Въ героическихъ драмахъ, жажда мести — главнѣйшая пружина тѣхъ отличныхъ подвиговъ, которымъ они удивляются; она всегда нераздѣльна съ самымъ благороднымъ мужествомъ или по крайней мѣрѣ съ непоколебимою неустрашимостію. Самыя кровавадыя насилія, мученія пытки воспроизводятся на сценѣ такъ вѣрно, что возбуждаютъ трепетъ. Къ этимъ ужасамъ, нерѣдко примѣшиваютъ

ся самымъ страннымъ образомъ смѣшныя сцены. Японцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о единствѣ времени и мѣста; въ одной и той же драмѣ рассказываютъ рожденіе, жизнь и смерть героя, ведутъ его съ острова на островъ, съ острововъ на материкъ, или съ земли на небо, если герой піесы баснословное божество или долженъ въ него превратиться. Но всего страннѣе не сама піеса, но манера представлять ее и разрѣзывать на отрывки, чтобы угодить вкусу и требованіямъ публики. Почти то же случается и въ Европѣ; и насъ зовутъ иногда послушать одинъ актъ оперы, одну сцену изъ драмы или трагедіи, нѣсколько явленій изъ знаменитаго водевиля. Но Японцы давно уже превзошли насъ въ этомъ драматическомъ эклектизмѣ, и кромѣ того, нашли средство дать правильную форму самой не-правильности. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко случается, что въ Огозакѣ даютъ три піесы въ одинъ день; но первый актъ второй піесы идетъ за первымъ актомъ первой, второй актъ первой піесы, идетъ за первымъ актомъ второй піесы, и т. д. Такимъ образомъ по-сѣтители, желающіе видѣть любимую свою піесу, или нежелающіе сидѣть полдня на одномъ мѣстѣ, могутъ часто выходить, курить, кушать рюмочки заки, толковать о своихъ дѣлахъ или удовольствіяхъ, въ то

время, какъ играютъ тотъ актъ, котораго они не хотятъ смотрѣть. Они возвратятся въ залу, когда начнется актъ любимой ихъ пьесы. Длиннота представленій весьма полезна (и это уже не бездѣлица) прекрасному полу. Японскія дамы, въ которыхъ инстинктъ кокетства развитъ, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько въ нашихъ, съ радостію хватаются за удобный случай выказать роскошь наряда. Онѣ отправляются въ театръ съ своими горничными, которыя несутъ цѣлые комода богатѣйшихъ одеждъ;—госпожи перемѣняютъ въ одинъ вечеръ нѣсколько разъ свои платья. Директоры театровъ въ Европѣ и европейскія кокетки сойдутся ли когданибудь въ мысли учредить что либо подобное? Стоитъ сдѣлать только одинъ шагъ, и Парижъ, въ этомъ отношеніи, будетъ слѣдовать модѣ японскаго города Огозаки.

Японскіе актеры считаютъ приторную декламацию за существенную часть своего искусства. Сказать, что они черезъ-чуръ вышшають голосъ было бы мало, если хочешь дать понятіе объ ихъ стилѣ. Совершенство театральной декламации состоитъ (по ихъ мнѣнію) въ пѣвѣ звуковъ рѣзкихъ, страстныхъ, въ голосѣ искусственномъ, который иногда кое-какъ поддерживается въ продолженіе четверти часа. Впрочемъ, первымъ достоинствомъ актера считается умѣнье его

играть нѣсколько ролей въ одной піесѣ, и представлять въ ней разные характеры. Эта штука покажется не очень трудною, если вспомнимъ, что на сценѣ никогда не бываетъ болѣе двухъ дѣйствующихъ лицъ. Всего страннѣе то, что актеръ, идя на сцену, проходитъ по партеру. Это дѣлается, повидимому, для того, чтобы приучить зрителей къ костюму и внѣшней физіономіи каждой роли, изъ числа тѣхъ, которыя играютъ однимъ и тѣмъ же актеромъ; и дѣйствительно, публика невольно вспоминаетъ и актера и его роль, когда онъ такъ часто проходитъ по партеру.

Актрисы нѣтъ въ Японіи. Женскія роли всегда играютъ мальчики. Тоже и въ Китаѣ. И въ той и въ другой странѣ многія причины заставили прибѣгнуть къ этому средству. Во первыхъ, трудно вообразить, чтобы женщина могла выдержать эту тяжелую декламацию и происходящую отъ нея усталость. Во вторыхъ, хотя драматическимъ артистамъ въ Китаѣ и Японіи платятъ щедрѣе, чѣмъ въ Европѣ, однакожъ ремесло ихъ въ такомъ презрѣннѣи, что женщина не можетъ заняться имъ, не обезчестивъ себя совершенно. Происходитъ ли это отъ того, что актеры (и особенно японскіе) отличаются безнравственнымъ поведеніемъ и развращеніемъ; или безумное ихъ развращеніе есть слѣдствіе пред-

разсудка, который поражаетъ цѣлое сословіе и отдѣляетъ его отъ всего общества? Послѣднее предположеніе самое вѣроятное; но оно ведетъ къ изысканію причинъ предразсудка, и спрашивая самихъ Японцевъ, доходишь до слѣдующаго замѣчательнаго результата: по ихъ мнѣнію «человѣкъ, который изъ денегъ и для чужаго удовольствія соглашается сбросить собственный характеръ и перемѣнять поведеніе и рѣчи свои такъ часто, какъ и платья, не чувствуетъ собственного своего достоинства и добровольно жертвуетъ своею честію въ пользу своего кармана.»

Главное торжество японскихъ и китайскихъ актеровъ—въ мимической части ихъ искусства. Они изумительно удачно умѣютъ передавать постепенное развитіе нѣкоторыхъ страстей. Въ этомъ отношеніи, они часто превосходятъ всякое ожиданіе европейскихъ зрителей. Такъ гласятъ рассказы всѣхъ Голландцевъ; это же подтверждаетъ Фишеръ. Зибольдъ замѣчаетъ «что цѣлый день сидятъ въ театрѣ, это приводитъ къ уничтоженію перваго пріятнаго впечатлѣнія.» Не имѣя возможности дать здѣсь японскую піесу, даемъ китайскую, потому что Японія заняла у Китая нѣсколько элементовъ нынѣшняго своего языка, своей литературы, искусствъ, своей промышленности. Но какъ Японія совер-

шенствовала все, что занимала у сосѣдей, то надобно думать, что и въ драматическомъ искусствѣ она не отстала отъ нихъ. Разсказъ Жюля Дюпре дастъ полное понятіе о китайской и японской пантомимѣ (*).

«Мы пошли въ домъ, стоявшій возлѣ театральной залы; окна его выходили на нее: нельзя было достать мѣста лучше и удобнѣе. Подъ нами огромная площадь, вымощенная головами и освѣщенная печальнымъ свѣтомъ нѣсколькихъ факеловъ. Эта масса бритыхъ головъ представляла странную картину.

«Дуракъ трудится на сценѣ и тщетно силится снять двѣ головы, воткнутыя на подставку; приходитъ молодой ученый и, подумавъ нѣсколько минутъ, рѣшается попытаться, не будетъ ли онъ искуснѣе или счастливѣе. Дуракъ смѣется надъ нимъ, вызываетъ его на состязаніе; но ученый юноша снимаетъ обѣ головы и торжественно пляшетъ съ трофеями побѣды. Удивленный и раздраженный дуракъ бѣжитъ жаловаться къ старому мандарину, который не хочетъ ему вѣрить: однакожъ призываетъ юношу, который повторяетъ странный опытъ въ присутствіи судьи.

«Старикъ приходитъ въ восторгъ; молодой ученый падаетъ къ его ногамъ и проситъ

(*) См. *Revue Indépendante*, 1847, 10 декабря.

руки его дочери; послѣ нѣсколькихъ отказовъ и еще сильнѣйшихъ просьбъ, мандаринъ соглашается на бракъ дочери.

«Въ слѣдующемъ актѣ сцена занята дѣвушкой, которая ждетъ прихода молодаго ученаго. Она говоритъ ему самыя соблазнительныя рѣчи; поетъ, танцуетъ при немъ разныя пляски и старается возбудить въ немъ страсть. Молодой мудрецъ противустоитъ соблазну. Дѣвушка прибѣгаетъ къ помощи колдовства; употребляетъ магнитическіе приемы, окуриваетъ его зажженою палочкою; тутъ онъ начинаетъ ее преслѣдовать, а она ужъ защищается; онъ умоляетъ, а ей приходится бѣжать и притворяться холодною. Наконецъ, считая испытаніе достаточнымъ, она уступаетъ и награждаетъ его поцѣлуемъ.

«Въ третьемъ актѣ, молодой ученый является на сцену печальный, терзаемый угрызениями совѣсти; онъ старается бѣжать отъ взоровъ страшнаго волшебника, того злобнаго генія, который восторжествовалъ надъ его добродѣтелью; геній выводитъ на полу кабалистическіе знаки, отъ которыхъ ученый трепещетъ. Онъ прибѣгаетъ къ помощи старичка-мудреца, и тотъ успокоиваетъ его и даетъ ему мухогонку. Приходитъ дочь мандарина, настоящая, законная супруга ученаго, и ласкается къ мужу. Онъ отталкиваетъ

ее мухогонкой, но жена успѣваетъ вырвать ее и бросить, и оба упадаютъ другъ другу въ объятія. Геній возвращается въ видѣ женщины, въ пестромъ платьѣ, красномъ съ чернымъ, съ распущенными волосами; онъ танцуетъ, подаетъ таинственные знаки; отрывистая музыка аккомпанируетъ пантомимѣ. Супруги дрожатъ: однимъ взмахомъ руки женщина-геній вырываетъ супругу изъ объятій мужа; несчастная дочь мандарина падаетъ въ безчувственность. Преступный мужъ, блѣдный какъ смерть, убитый ужасомъ, сидитъ лицомъ къ лицу съ чудовищемъ, которое не спускаетъ съ него глазъ и не даетъ ему пошевелиться; челюсти ученаго бьются одна о другую, колѣнки его сталкиваются, весь онъ дрожитъ. Наконецъ онъ падаетъ, и вампиръ (геній этотъ именно вампиръ) бросается на него, кусаетъ ему шею, высасываетъ кровь и прерываетъ свои занятія только, чтобъ выразить свое удовольствіе плясками и самою живою пантомимой! Чудовище исчезаетъ, скушавъ желудокъ и сердце несчастной своей жертвы и уложивъ остатки на брачное ложе.

«Можно подумать, что пѣса кончена, но это будетъ ошибка. Въ четвертомъ актѣ служанка приноситъ прохладительные напитки; подносъ выпадаетъ изъ рукъ ея, когда она видитъ госпожу свою на полу безъ чувствъ;

она дрожа приподнимаетъ занавѣски постели и съ ужасомъ опускаетъ ихъ, видя страшную картину извѣденнаго человѣка. Горничная хлопочетъ около своей госпожи и наконецъ приводитъ ее въ чувство. Узнавъ о несчастіи мужа, госпожа предается необъяснимой горести, самымъ страннымъ выраженіямъ китайской горести. Горничная старается придать ей мужества: послѣ долгихъ сокрушеній вдова отправляется отыскивать стараго мудреца, который уже одинъ разъ помогалъ ея мужу; наконецъ она находитъ его и проситъ, чтобы онъ наставилъ и научилъ ее: она все готова перенести, только бы возвратили ей мужа. Тронувшись несчастіями юной четы, которой добродѣтель была достойна иной участи, старикъ обѣщаетъ ей сдѣлать все, что можетъ, но не отвѣчаетъ за успѣхъ. Потомъ онъ посылаетъ ее къ прокаженному и предлагаетъ ей съѣсть гной изъ его ранъ. При видѣ такого отвратительнаго обѣда, который только Китайцы могутъ кушать, вдова стоитъ въ нерѣшимости; подносить ложку къ розовымъ устамъ, но рука ея дрожитъ, ротъ невольно отворачивается. Наконецъ, она собираетъ послѣднія усилія, супружеская любовь торжествуетъ, и супругъ возвращается къ жизни. Я далъ подробный отчетъ въ ходѣ этой пьесы, потому что она, по мнѣнію моему, обрисовываетъ очень рѣз-

ко одну изъ сторонъ китайскаго театра: трудно понять, какъ можетъ общество, нѣсколько образованное, позволять представленіе такихъ нелѣпыхъ сценъ.

«Есть переводы китайскихъ піесъ, искуснѣе составленныхъ чѣмъ эта, которая принадлежитъ къ младенчеству драматическаго искусства; однакожъ, она можетъ дать о немъ понятіе европейскимъ читателямъ, если я только умѣлъ разсказать ее хорошо.

«Актеры вообще хороши; отдавъ дань народному вкусу, принявъ хладнокровно коверканье мужчинъ и фальшивую грацію женщинъ, которую картинки передаютъ довольно вѣрно, нельзя не сознаться, что игра ихъ полна естественности и живости. Мы не могли не восхищаться нѣкоторыми моментами въ роли молодаго ученаго. Впрочемъ лучшимъ свидѣтельствомъ несомнѣннаго таланта актеровъ служить то, что мы съ любопытствомъ слѣдили за пантомимой цѣлой піесы, изъ которой, разумѣется, не могли понять ни одного слова.

«Нѣкоторыя мѣста произвели сильное впечатлѣніе на публику; особенно пробудили ея любопытство сцены между вампиромъ и ученымъ, и между вдовой и прокаженнымъ. Общее волненіе выражалось самымъ сильнымъ безпокойствомъ; всѣ головы вытягивались; сзади такъ подвигались впередъ,

что зрители первыхъ рядовъ упирались въ самую сцену; но ни разу не слышалось громкаго говора, который бы означалъ порицаніе или похвалу. Удивительно безмолвіе этой толпы, чрезвычайно сжатой и почти неизчислимой.

«Труппа, которую мы видѣли, состояла изъ однихъ только мужчинъ; молодые мальчики играли роли женщинъ; нельзя было догадаться, что они не женщины, по ихъ тоненькимъ голосамъ, вертлявости и одеждѣ. Однакожъ, женщинамъ, кажется, не запрещено играть на сценѣ, потому что Девисъ, въ своемъ путешествіи въ Китай, положительно говоритъ, что бракъ между актрисой и чиновникомъ уничтожается самъ собою, и женихъ и невѣста наказываются шестидесятью ударами.»

Эти подробности очень любопытны и свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ частномъ развитіи народовъ, потому что у нихъ могли проявиться такіе результаты. Жансини, видѣвшій театръ въ Китаѣ, въ Индустанѣ и Явѣ, сохранилъ воспоминанія о подобныхъ піесахъ, которыя были сыграны кочующими актерами съ истиннымъ талантомъ. Мы смотримъ на эти факты, какъ на естественныя послѣдствія той особенной цивилизаціи, до которой достигли народы крайняго Востока, каждый по своему положенію; эта

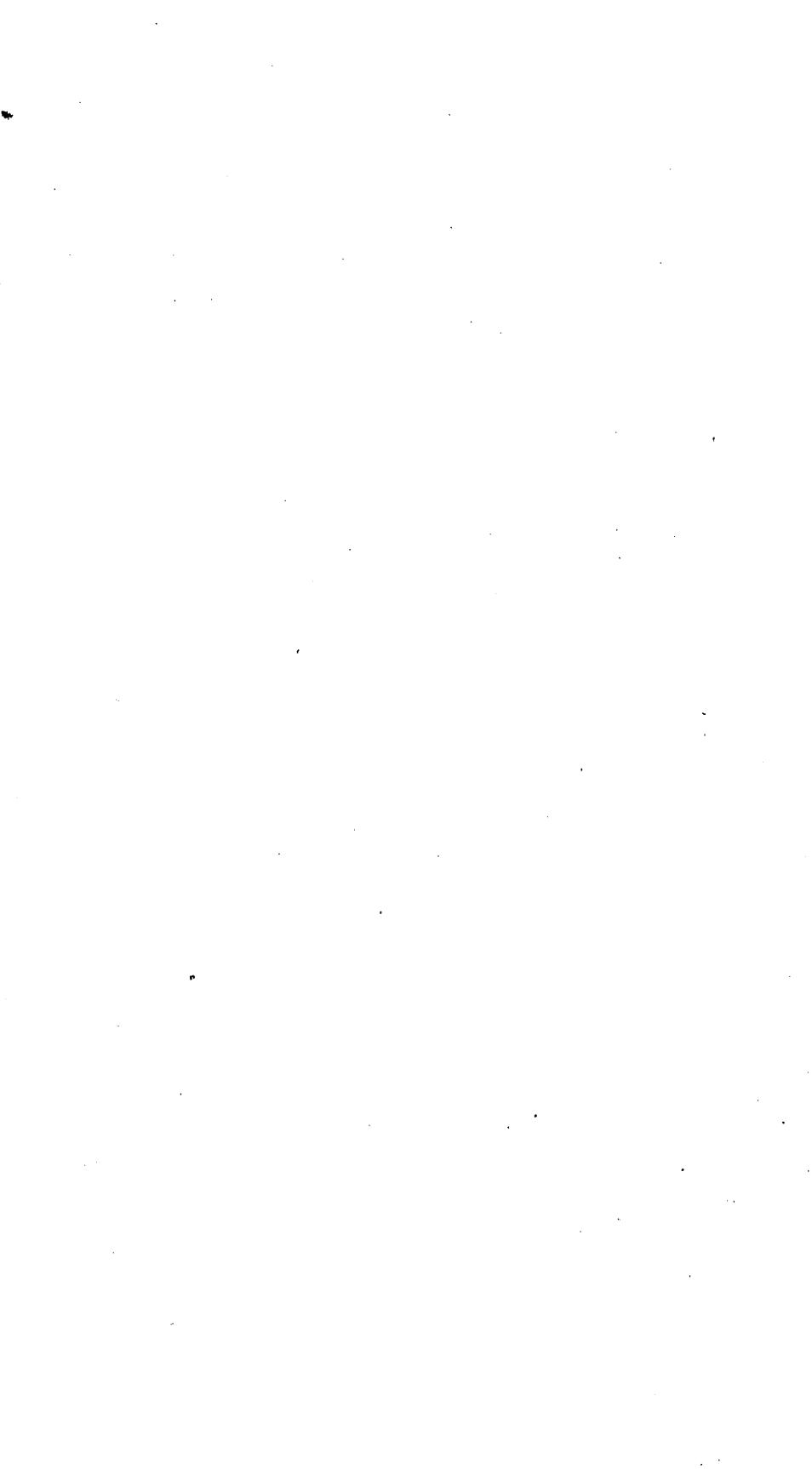
цивилизация имѣла свои относительные успѣхи, но ея послѣднее слово сказано давно и она, въ паденіи своемъ, должна будетъ уступить мѣсто новому ряду идей и понятій. Этотъ новый рядъ идей принесутъ Европейцы и положительныя ихъ науки.

Но пора воротиться къ голландской миссіи, которую мы должны доставить въ Дециму.

Передъ отъѣздомъ изъ Огозаки, Голландцы получаютъ разные товары или предметы искусствъ и рѣдкости, которые они заказали при проѣздѣ въ Іедо. Также передъ отъѣздомъ съ большаго острова Ниппона, они запасаются разными домашними потребностями, напр. древеснымъ углемъ, который трудно достать въ Децимѣ и за большія деньги. Всѣ закупки отправляются водою вмѣстѣ съ тяжеловѣснымъ багажемъ. Чины миссіи ѣдутъ въ *Амагазаки*, по рѣкѣ *Іодо-гава*. Хозяинъ дома и нѣсколько друзей провожаютъ Голландцевъ; къ нимъ присоединяются также нѣсколько дамъ и содѣйствуютъ пріятности путешествія. Послѣдній этапъ въ *Ягами*, гдѣ миссія имѣетъ ночлегъ и куда собираются пріятели ея изъ Нагазаки и переводчики, для поздравленія Голландцевъ съ счастливымъ окончаніемъ путешествія. Здѣсь осматриваютъ чемоданы и сундуки путешественниковъ въ послѣдній разъ; таможня или по-

лиція налагаетъ свои клейма на всѣ товары. Но этотъ осмотръ производится небрежно съ намѣреніемъ; запрещенныя статьи, купленные по дорогѣ и прибавленныя къ имуществу путешественниковъ, не конфискуются, не изъ уваженія къ Европейцамъ, а для покровительства спекуляціямъ Японцевъ, которые провожали миссію.

Въ слѣдующее утро, между Ягами и Нагазаки, всѣ знакомые Голландцевъ являются встрѣчать ихъ. При приходѣ большой барки съ тяжелымъ грузомъ, начальникъ факторіи даетъ обѣдъ тому *гобаніози*, который провожалъ миссію въ Іедо. Черезъ нѣсколько дней онъ ѣдетъ съ параднымъ визитомъ къ губернатору Нагазаки, и такимъ образомъ кончается важное дѣло, — періодическая поѣздка ко двору *сіюгуна*.

ОЧЕРКЪ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ.

Отнеся времена до-историческія въ тотъ отдѣлъ, гдѣ будетъ говорено о японской мифологіи и разныхъ религіозныхъ сектахъ, мы займемся здѣсь только достовѣрною исторіею Японіи. Въ описаніе наше войдутъ только событія, обозначающія народный характеръ, и эпохи, любопытныя или для моралиста, или для историка и политическаго человѣка.

Достовѣрная исторія Японіи начинается съ перваго смертнаго владыки, *Зинъ-мо-тенъ-воо*, котораго имя значитъ *божественный воинъ* или *божественный завоеватель*. Изъ этого можно заключить, что онъ завоевалъ Ниппонъ. Какъ бы то ни было, онъ царствовалъ здѣсь, если вѣрить японскимъ лѣтописямъ, семьдесятъ-девять лѣтъ и выстроилъ *даири* или *храмъ-дворецъ*, посвященный богинѣ-солнца и основалъ имперію *Микадо*. Какое бы ни было его происхожденіе, былъ ли онъ

дѣйствительно основатель имперіи или, какъ думаетъ Клапротъ, просто воинъ и побѣдитель китайскій, всѣ *микадо* происходятъ отъ него по прямой линіи, даже до настоящей минуты. Утвержденіе его безусловной власти въ *Дай-Ниппонъ* вообще относятъ къ 660 году до Р. Х.

Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ всѣ *микадо*, во имя наслѣдственнаго права, пользовались самою неограниченною властію и даже, когда они передали начальство войсками сыновьямъ своимъ или родственникамъ, власть ихъ все таки оставалась безграничною. Первое зло, вѣроятно, нанесъ ей обычай, по которому *микадо* отрекались отъ власти въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, предоставляя ее дѣтямъ своимъ, еще малолѣтнимъ; этому злу отрекавшіеся *микадо* старались помочь тѣмъ, что управляли сами вмѣсто малолѣтнихъ. Наконецъ, одинъ *микадо*, женатый на дочери могущественнаго князя, отрекся отъ престола въ пользу своего трехлѣтняго сына. Честолюбивый дѣдъ малютки принялъ на себя регентство, а отрекшагося *микадо* лишилъ свободы. Изъ этого вспыхнула междоусобная война, во время которой явился на политическомъ поприщѣ *Йоритомо*, одно изъ знаменитѣйшихъ и важнѣйшихъ лицъ въ японской исторіи (онъ, кажется, былъ дальній родственникъ фамиліи *мика-*

до). Онъ возсталъ за лишеннаго свободы микадо противъ похитителя власти. Война длилась нѣсколько лѣтъ, и во время ея случилось событіе, давшее поводъ къ основанію монашествующаго ордена слѣпыхъ, о которомъ мы поговоримъ подробно ниже. Наконецъ *Йоритомо* восторжествовалъ, возвратилъ свободу заключенному отцу юнаго микадо и передалъ ему регентство, но *Фово* (какъ его звали) (*) недолго пользовался этимъ званіемъ.

Вся настоящая власть осталась въ рукахъ *Йоритомо*, котораго самъ онъ произвелъ въ званіе *сіо-и-дай-сіогунъ*, генералиссимуса, сражающагося противу варваровъ (**).

Старый, отрекшійся микадо умеръ, и *Йоритомо*, какъ намѣстникъ его, дѣйствительно управлялъ имперіею въ продолженіе двадцати лѣтъ. Власть его утвердилась постепенно, и наконецъ пріобрѣла такую силу, что при смерти его въ 1199 (или по Зибольду, въ 1200 году), сынъ его принялъ въ наслѣдство его титулъ или званіе, его достоинство и власть.

Послѣ перваго *сіогуна*, рядъ микадо-мла-

(*) *Фово* (*Гово*), по мнѣнію Клапрота, значитъ: императоръ, посвященный въ буддистскіе жрецы.

(**) Учрежденіе должности *сіогуна* относится къ 86-му году до Р. Хр., то есть, этому замѣчательному событію уже болѣе девятнадцати вѣковъ

денцевъ утвердилъ еще болѣе силу *сіюгуновъ*, и званіе ихъ превратилось въ наслѣдственное до такой степени, что лѣтописи начинаютъ уже упоминать объ отреченіи *сіюгуновъ*, о *сіюгунахъ малолѣтнихъ*, и о *наслѣдникахъ*, которые дерутся за это званіе. Эта важная перемѣна въ политическомъ устройствѣ Японіи получила такой характеръ во времена вдовы *Іоритомо*, что она, бывши уже буддистскою отшельницею, заняла престолъ и управляла вмѣсто малолѣтнаго *сіюгуна*. Она удержала власть за собою до самой своей смерти, и лѣтописи духовнаго двора называютъ ее *Ама-сіюгунъ* или *отшельница-сіюгунъ*. Но кажется кромѣ ея, не было другой женщины между *сіюгунами*. Хотя вся дѣйствительная власть перешла въ руки этихъ генералиссимусовъ; однакоже вся наружная власть и нѣкоторыя важныя преимущества оставались у *микадо*; напримѣръ, онъ могъ назначать и утверждать своего намѣстника, то-есть, *сіюгуна*. Такое правительство, состоявшее изъ самовластительнаго владѣльца и всемогущаго его намѣстника, поддерживалось во второй половинѣ XVI вѣка; въ это время *сіюгуны* были дѣйствительно хозяева имперіи, не то что теперь, незначительныя лица, безъ всякаго дѣла, и дѣйствующія только подъ вліяніемъ предсѣдателя совѣта.

Въ это-то время явились въ первый разъ Португальцы въ Японію, потому что корабль ихъ былъ отброшенъ противнымъ вѣтромъ къ японскимъ берегамъ, до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ. Вотъ какъ туземный лѣтописецъ рассказываетъ это событіе: (*)

«При микадо Коцара (или Гонара) и при сіюгунѣ *Иози-Гару* (или *Иозе-Фаро*) въ двѣнадцатый годъ *ненго-тенбунъ*, въ двадцать второй день восьмага мѣсяца (въ октябрѣ 1543 года), иностранный корабль присталъ къ берегу Танега-Сима, близъ Куры, въ отдаленной провинціи Низимура. Люди, составлявшіе экипажъ — ихъ было до двухъ сотъ — казались очень странными: языкъ этихъ незнакомцевъ былъ непонятенъ; отечество ихъ было столько же неизвѣстно, сколько и сами они. На кораблѣ находился Китаецъ, по имени Гогу, понимавшій писаніе; отъ него узнали, что корабль этотъ *нан-банъ* (**).

«26 числа привели этотъ корабль въ портъ Аку-оки въ сѣверо-западную часть острова; и Токи-таки, губернаторъ, приказалъ строжайше осмотрѣть его при посредствѣ бонза японскаго, который служилъ переводчикомъ

(*) Переводъ взятъ изъ Зибольда.

(**) Это значитъ южные варвары; *нан-манъ* (китайскія слова) здѣсь превратились въ японскія.

съ китайскаго. На кораблѣ южныхъ варваровъ находились два начальника, Мура-Сіукія и Криста-Мута. При нихъ было огнестрѣльное оружіе; тутъ впервые узнали Японцы этотъ родъ оружія, равно какъ и составленіе пороха.»

Японцы сохранили еще портреты (любопытные памятники графическаго искусства) господъ *Мура-Сіукія* и *Криста-Мута*, въ которыхъ Португальцы узнаютъ *Антоніо Мота* и *Франческо Зеймото*; это, какъ извѣстно, первые Португальцы, видѣвшіе Японию.

Въ то время Японцы были народъ торговый, и торговали, по увѣреніямъ лѣтописцевъ, дѣятельно и выгодно съ шестнадцатью сосѣдними странами. Они съ радостію принимали иностранцевъ, которые привезли имъ новые товары и новыя произведенія своей промышленности; они скоро распространили сношенія съ Португальцами, и даже давали тѣмъ, которые оставались въ Японіи, своихъ дочерей въ замужство. Іезуитскіе миссіонеры, прибывшіе вскорѣ потомъ, тоже были хорошо приняты и могли свободно проповѣдывать среди этихъ народовъ, склонныхъ къ принятію новыхъ идей и возвышенныхъ чувствъ. Быстрые и необычайные успѣхи іезуитовъ удивили христіанскій міръ.

Даже въ *Міяко*, почти въ самомъ *даири*, и можетъ быть даже въ недоступномъ мѣ-

стѣ, они считали своихъ неопитовъ. Блистательныя надежды истребила междоусобная война, которая вначалѣ обѣщала установленіе христіанства въ Японіи. Упадокъ и разрушеніе этихъ надеждъ должно приписать, какъ мы увидимъ послѣ, политическимъ причинамъ; и еслибъ іезуиты рѣшились не вмѣшиваться по обыкновенію своему въ туземное управленіе, то христіанство можетъ быть было бы теперь религіею всей Японіи. Къ сожалѣнію матеріальныя выгоды пробудили въ іезуитахъ неумѣстное и гибельное властолюбіе. (*)

Въ половинѣ XVI вѣка, два брата, изъ потомковъ Іоритомо, вступили въ борьбу за достоинство *сіюгуна*: Князья имперіи приняли сторону того или другаго; иные сражались противъ обоихъ, стараясь добыть себѣ независимость. Въ это время междоусобная война охватила всю Японію. Во время войны противники погибли, и князья-вассалы начали сражаться за вакантное званіе.

Сильнѣйшій и искуснѣйшій изъ нихъ былъ Нобунага, князь *Овари*, отъявленный другъ одного изъ братьевъ-соперниковъ,

(*) Іезуиты не разъ вредили распространенію святыхъ христіанскихъ истинъ; вредъ, нанесенный ими религіи и нравственности, наиболѣе замѣтенъ въ Японіи.

пока онъ былъ живъ. Послѣ смерти его, Нобунага взялся за оружіе въ собственную свою пользу. При сильной помощи храбраго и талантливаго сподвижника своего *Гиде-Іози* или *Фиде-Іози*, который служилъ ему и успѣлъ вкрасться въ его довѣренность, князь *Овари* восторжествовалъ надъ соперниками и овладѣлъ званіемъ сіюгуна; микадо утвердилъ его въ этой должности, чувствуя, что не въ-силахъ противиться ему. Новый сіюгунъ наградилъ *Гиде-Іози* знатною военною должностію, и сначала показывалъ себя ревностнымъ другомъ христіанъ и миссіонеровъ.

Потомъ Нобунага былъ убитъ какимъ-то хищникомъ, который такимъ образомъ присвоилъ себѣ званіе сіюгуна. Вскорѣ убійца тоже погибъ, отъ чего произошло смятеніе, во время котораго *Гиде-Іози* завладѣлъ верховною властію, предметомъ распрей и раздоровъ. На этотъ разъ, микадо опять утвердилъ то, чему не могъ помѣшать, и отдалъ храброму *Гиде-Іози* званіе сіюгуна, подъ новымъ именемъ Тайко, или Тайко-Сама, то есть, господинъ Тайко.

Тайко, вступивъ въ свое званіе, нанесъ первые удары христіанству, изъ опасенія іезуитовъ, покорилъ Корею, которая освободилась послѣ побѣды императрицы *Син-гукво-гу*, и объявилъ намѣреніе покорить Китай,

когда смерть остановила его. Тайко-Сама умеръ шестидесяти трехъ лѣтъ, въ 1598 году. (*)

Единственному его сыну, *Гиде-Иори*, было только шесть лѣтъ. (**)

Отецъ думалъ, умирая, что обезпечить ему власть, если женить его на внука *Иеяса* или, какъ пишетъ Зибольдъ, *Ie-Iasou* или *Ijejasu*, могущественнаго князя *Микавы*, своего особеннаго друга и совѣтника, котораго онъ наградилъ тремя прибавочными княжествами. Онъ принялъ отъ *Иеяса* торжественное обѣщаніе, что *Гиде-Иори* будетъ признанъ *сіогуномъ* какъ скоро ему минетъ пятнадцать лѣтъ.

Смерть Тайко-Сама послужила поводомъ къ новымъ насильственнымъ попыткамъ вассальныхъ князей освободиться по наружности отъ власти микадо, а въ сущности отъ власти *сіогуна*. Между тѣмъ властолюбивый измѣнникъ *Иеясъ*, давно уже желавшій пріобрѣсть власть, которую обѣщалъ удержать за супругомъ своей внуки, подготовлялъ тайно смятеніе въ пользу своихъ намѣреній. Подъ предлогомъ опекунства надъ *Гиде-Иори*,

(*) Замѣчательно, что Тайко-Сама былъ очень низокъ ростомъ.

(**) *Кемпферъ*, *Шарльвуа*, и др. называютъ его *Фиде-Иори*.

онъ выпрашивалъ у микадо разныя титла, все выше и выше; наконецъ выпросилъ титулъ *сіюгуна*, и началъ явную войну противъ настоящаго *сіюгуна*, своего внука, съ которымъ онъ былъ связанъ такими священными узами и присягой. Юнаго *Гиде-Іори* поддерживали всѣ японскіе христіане. Онъ оказывалъ христіанамъ особенное благоволеніе, и еслибъ восторжествовалъ, то христіанство вѣроятно было бы религіею всей Японіи!

Но въ 1615 году *Іеясъ* осадилъ супруга своей внуки во дворцѣ Огозаки, и овладѣлъ этою крѣпостію измѣной. Другихъ крѣпостей не оставалось у его противника. Неизвѣстно, что случилось съ несчастнымъ *Гиде-Іори*. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ зажегъ дворецъ и погибъ въ пожарѣ, видя, что придется попасть въ непріятельскія руки; по увѣреніямъ другихъ, онъ успѣлъ спастись во время пожара и бѣжалъ въ главный городъ *Сацуму*, гдѣ потомки его живутъ до сихъ поръ. Достовѣрно только то, что *сіюгуны* особенно снисходительны къ князьямъ *Сацумы*, и охотно женятся на ихъ дочеряхъ. Супруга нынѣшняго *сіюгуна* взята оттуда же.

Іеясъ, во время этихъ смятеній припимавшій имена *Дан-фу-Сама* и *Онгонхіо*, рѣшился удержать въ своемъ потомствѣ титулъ *сіюгуна*.

Это удалось ему, потому что онъ во всемъ слѣдовалъ предположеніямъ Тайко-Сама. Онъ ослабилъ главнѣйшихъ вассаловъ, нѣкоторыхъ совершенно разорилъ, отдалъ конфискованныя провинціи своимъ приверженцамъ и младшимъ изъ своихъ дѣтей, и ослабилъ всѣ удѣлы, сколько могъ, раздробивъ ихъ на малыя части. Онъ отнялъ даже у микадо ту незначительную власть, которую оставилъ ему Тайко-Сама, и довелъ сына боговъ до того незавиднаго положенія, которое мы уже изобразили. Наконецъ онъ сильно преслѣдовалъ христіанъ и иностранныхъ миссіонеровъ, приверженцевъ своего противника. Зибольдъ рѣшительно основываетъ это преслѣдованіе на политическихъ, а не на религіозныхъ причинахъ. Эти же самыя причины, въ слѣдующее царствованіе, повлекли за собою ту систему исключенія и запрещенія, которая до сихъ поръ дѣйствуетъ въ Японіи. Зибольдъ, впрочемъ, передаетъ только мнѣніе Кемпфера, который сожалеетъ о бесполезныхъ жестокостяхъ во время этого продолжительнаго и безпримѣрнаго преслѣдованія.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Кемпферъ (см. т. II стр. 68 и слѣд. въ прибавленіи):

«По этимъ важнымъ причинамъ Тайко остановилъ успѣхи Португальцевъ, которые

получали уже много вѣса въ Японіи; онъ также началъ останавливать и тѣхъ, которые принимали христіанство. Однако же онъ мало подвинулся въ этомъ дѣлѣ, которое по видимому требовало много времени. Онъ вскорѣ умеръ, предоставивъ наслѣдникамъ своимъ довершить начатое. Они приказали, подъ страхомъ смертной казни распятіемъ, всѣмъ Португальцамъ и христіанамъ — Японцамъ и всему ихъ духовенству немедленно выѣхать изъ имперіи. Прочимъ же Японцамъ приказано было впредь никуда не выѣзжать, находящимся за границей — воротиться домой въ извѣстный срокъ; если пропустятъ его, то будутъ казнены такою же казнію, если ихъ поймаютъ. Наконецъ требовалось, чтобы принявшіе христіанскую вѣру немедленно отъ нея отказались. Не безъ большихъ затрудненій приведены эти приказанія въ исполненіе. Новые христіане не поддавались убѣжденію; слѣдовало дѣйствовать мечемъ, висѣлицей, огнемъ и другими страшными средствами, чтобы убѣдить ихъ и заставить думать, что они заблуждаются. Не смотря на эти жестокія муки и разнообразіе наказаній, вымысленныхъ неумолимыми палачами, христіане, къ стыду язычества, съ радостію запечатлѣвали кровію истины христіанскія, на тѣхъ крестахъ, на которыхъ ихъ вѣшали. Они показали столько примѣровъ терпѣнія, что са-

мые враги ихъ были поражены удивленіемъ и изумленіемъ.

«Это жестокое гоненіе, которому нѣтъ подобнаго въ исторіи, продолжалось около сорока лѣтъ. *Туемицъ*, внукъ *Іеяса*, наконецъ нанесъ послѣдній ударъ христіанству; онъ истребилъ, съ безпримѣрнымъ варварствомъ, послѣднихъ христіанъ въ Японіи: въ одинъ день избито ихъ до тридцати семи тысячъ. Отчаяніе и казни, расточенныя ихъ братьямъ, принудили ихъ заключиться въ замокъ Симабара, на берегахъ Арима, съ твердымъ намѣреніемъ защищаться до послѣдней капли крови. Замокъ былъ взятъ, послѣ трехмѣсячной осады, въ двадцать восьмой день втораго мѣсяца періода *каніе*, то есть, 12 апрѣля 1638 года; тутъ произошла послѣдняя сцена этой кровавой трагедіи, и когда пролили христіанскую кровь до послѣдней капли, убійства и гоненіе прекратились въ 1640 году. Такъ Японская Имперія заперлась навсегда, какъ для туземцевъ, такъ и для иностранцевъ. Напрасно Португальцы, поселившіеся въ Макао, посылали великолѣпное посольство въ Японію: ни народное право, ни священный санъ пословъ не могли избавить ихъ отъ казни, на которую японское правительство осуждало всѣхъ, кто осмѣливался являться въ имперію въ противность объявленнаго закона. Посламъ и всей

ихъ свитѣ (всего семьдесятъ одному человѣку) отрубили головы (*).

«Исключили только нѣкоторыхъ, самыхъ низшихъ служителей, чтобы они могли передать своимъ соотечественникамъ страшное извѣстіе объ этомъ звѣрскомъ и непростительномъ убійствѣ.

«Когда дѣла находились въ такомъ положеніи и имперія была заперта со всѣхъ сторонъ, ничто уже не могло мѣшать видамъ и желаніямъ свѣтскихъ властителей. Имъ нельзя уже было бояться торговли и вліянія тѣхъ, которыхъ они принимали и которымъ дозволяли жить въ своемъ государствѣ.

«Иностранные нравы и обычаи, занесен-

(*) «Окончивъ это кровавое жертвоприношеніе, остальныхъ тридцать человѣкъ привели обратно въ тюрьму.... Корабль сожгли на другой день, а уцѣлѣвшимъ показали мѣсто казни и головы ихъ товарищей, разложенныя на доскахъ, съ надписью повелѣнія *Тозогуна*: «Впредь, пока солнце будетъ свѣтить міру, никто да не приѣзжаетъ въ Японію моремъ, даже подъ именемъ посла, и приказаніе это не можетъ быть никогда отмѣнено; отмѣняющему — смертная казнь, не исключая даже самого *хиса*, владыку всѣхъ японскихъ божествъ.»

«Японцы такъ желали истребить даже воспоминаніе о христіанской вѣрѣ, что въ этомъ случаѣ не спросили даже семи сотъ тысячъ экю, которые купцы въ Макао были имъ должны: «См. *Relation de la province du Japon*; переводъ съ португальскаго на итальянскій, и съ итальянскаго на французскій О. Фр. Лаіе (Lahier). *Tournaу*. 1645 года.

ные туземцами или введенные между ними чужеземцами, были первымъ и главнымъ предметомъ этой реформы. Карты, кости, дуэли, роскошь, изысканность въ столѣ и въ платьяхъ, и всѣ иностранныя сласти были причислены къ препятствіямъ, мѣшающимъ добродѣтели и воздержанію. Даже священныя истины христіанской религіи были объявлены несовмѣстными съ новою формою правленія, съ спокойствіемъ имперіи, съ поклоненіемъ богамъ, и съ властію микадо или духовныхъ наслѣдственныхъ императоровъ. Торговля и поѣздки туземцевъ въ чужія земли и пріѣздъ иностранцевъ въ Японію признаны вредными для общественнаго мира, потому что питаютъ стремленіе къ иностраннымъ обычаямъ, которое не можетъ согласоваться съ существеннымъ устройствомъ страны и геніемъ народа. Словомъ приписали всѣ бѣдствія, претерпѣнныя государствомъ или могущія случиться, иностраннымъ нравамъ и обычаямъ;—вообразили, что нельзя возстановить здоровья въ тѣлѣ, если не отрѣзать отъ него зараженныхъ частей; и тщетно надѣялись бы на истребленіе зла, еслибъ не истребили его корня.

«Таково было положеніе и направленіе имперіи въ то время; новая форма правленія, свойство страны и самоохраненіе ми-

кадо побуждали запереть имперію, навсегда изгнать изъ нея иностранцевъ и иноземные обычаи. Поэтому императоръ и его совѣтники рѣшили неотмѣнимымъ закономъ, что имперія заперта навсегда.»

Зибольдъ, въ 1846 году, то есть, черезъ сто пятьдесятъ четыре года послѣ Кемпфера говорилъ:

«Законъ, отдалившій Японцевъ отъ прочихъ народовъ, запретившій первымъ выходъ изъ имперіи, а вторымъ въѣздъ въ нея, за исключеніемъ нѣсколькихъ Голландцевъ и Китайцевъ,—этотъ законъ заставилъ туземцевъ дѣлать бѣольшую часть произведеній, которыя привозились извнѣ. Предавшись искусствамъ и разрабатывая отечественную почву, изобрѣтательный народъ скоро нашелъ средства и матеріалы, для замѣна важнѣйшихъ привозныхъ статей.

«Внѣшняя торговля, прежде цвѣтушая, почти уничтожилась, а промышленные успѣхи туземцевъ еще болѣе увеличили преграду, которую правительство поставило между ними и иностранными торговцами.

«Сырыя произведенія страны увеличивались въ цѣнѣ, по мѣрѣ того, какъ Японцы приучались обходиться безъ привозныхъ товаровъ; однакожъ продолжали покупать дорогою цѣною нѣкоторыя произведенія, сдѣлавшіяся необходимыми для туземцевъ и

которыхъ сама Японія не могла доставлять по климату и почвѣ. Земледѣльческая и мануфактурная промышленность оказали значительные успѣхи. Страна производила въ огромномъ размѣрѣ хлопчатую бумагу, сахаръ, краски и медикаменты. Вездѣ трудолюбивыя руки производили ткани, орудія, посуду и предметы роскоши, такіе, что они могли соперничать съ тѣми, которые Японія получала прежде изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Имперія, раскинувшаяся подъ пятнадцатью градусами широты, соединяетъ столько различныхъ климатовъ, что почти всѣ провинціи доставляютъ свои собственные произведенія превосходнаго качества, что возбуждаетъ чрезвычайную дѣятельность обмѣновъ внутри государства, и даетъ имъ важность, какой они не имѣютъ въ другихъ странахъ міра.

«Значительная внутренняя торговля ускорила обращеніе монеты, которую въ прежнее время частные люди прятали въ свои сундуки или вывозили иностранные купцы при выѣздѣ изъ имперіи. Чтобы сохранить монету, необходимую для внутреннихъ торговыхъ сдѣлокъ, запретили Голландцамъ вывозить золото и серебро. Кромѣ того, сіюгунъ, въ видахъ осторожности, объявилъ себя единственнымъ обладателемъ драгоценныхъ металловъ, самъ пересталъ разрабо-

тывать нѣсколько рудниковъ и приказалъ всѣмъ князьямъ—вассаламъ, прекратить разработку въ принадлежащихъ имъ провинціяхъ.

«Между тѣмъ какъ виѣшняя торговля упала, въ слѣдствіе запрещенія ввозить металлы, необходимость платить иностранцамъ товарами покровительствовала внутренней промышленности. Богатства, народонаселеніе, дѣятельность, все быстро увеличилось, и общее движеніе развило роскошь и любовь къ искусствамъ, которыхъ проявленіе *сіогунъ* желалъ, изъ политическихъ видовъ, сосредоточить въ своей обширной столицѣ.

«Не смотря на ограниченіе, заморская торговля все-таки имѣла въ это время вліяніе на японскую промышленность. Приучивъ жителей къ потребностямъ, которыхъ они прежде не знавали, спекуляція подвинула ихъ на изобрѣтенія и открытія. Однакожъ, новыя произведенія были въ родѣ прежнихъ, и народный типъ восторжествовалъ надъ иностранными модами. Подражая промышленнымъ и художественнымъ произведеніямъ европейскимъ, Японцы всегда старались улучшить ихъ. Ихъ образъ жизни, нравы, обычаи и религія такъ отличны отъ нашихъ, что предметы, принаровленные къ нашему быту, никакъ не могутъ распространиться въ Японіи посредствомъ ввоза или подража-

нія. Пока японское народонаселеніе не породнится съ другими народами, внѣшняя торговля въ этомъ архипелагѣ не будетъ имѣть той важности, какую имѣетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ Европейцы посредствомъ большихъ заведеній сблизились съ туземцами или, покоривъ ихъ, принудили принять наши нравы и обычаи, для установленія выгодной мѣны между метрополіей и заморскими областями. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, нѣтъ надежды на соединеніе Японцевъ съ другими народами и на покореніе Японіи какою нибудь европейскою державою, равно какъ и на свободную торговлю между этою страной и Западомъ. Сначала надобно отвратить Японцевъ отъ ихъ религіозныхъ и государственныхъ учрежденій, къ которымъ они еще болѣе привязались, видя поведеніе Европейцевъ и особенно іезуитовъ съ 1560 по 1640 годъ. Послѣ печальной опытности, извлеченной Японцами и японскимъ правительствомъ изъ первыхъ дружескихъ сношеній съ Европейцами, они видятъ въ европейской торговлѣ только врага своему народному богатству; и всякую попытку къ введенію новой вѣры, считаютъ преступленіемъ противъ правъ господствующей династіи, которой основатель водворилъ миръ въ имперіи и которой члены поддерживали это спокойствіе, простирая систему исключенія

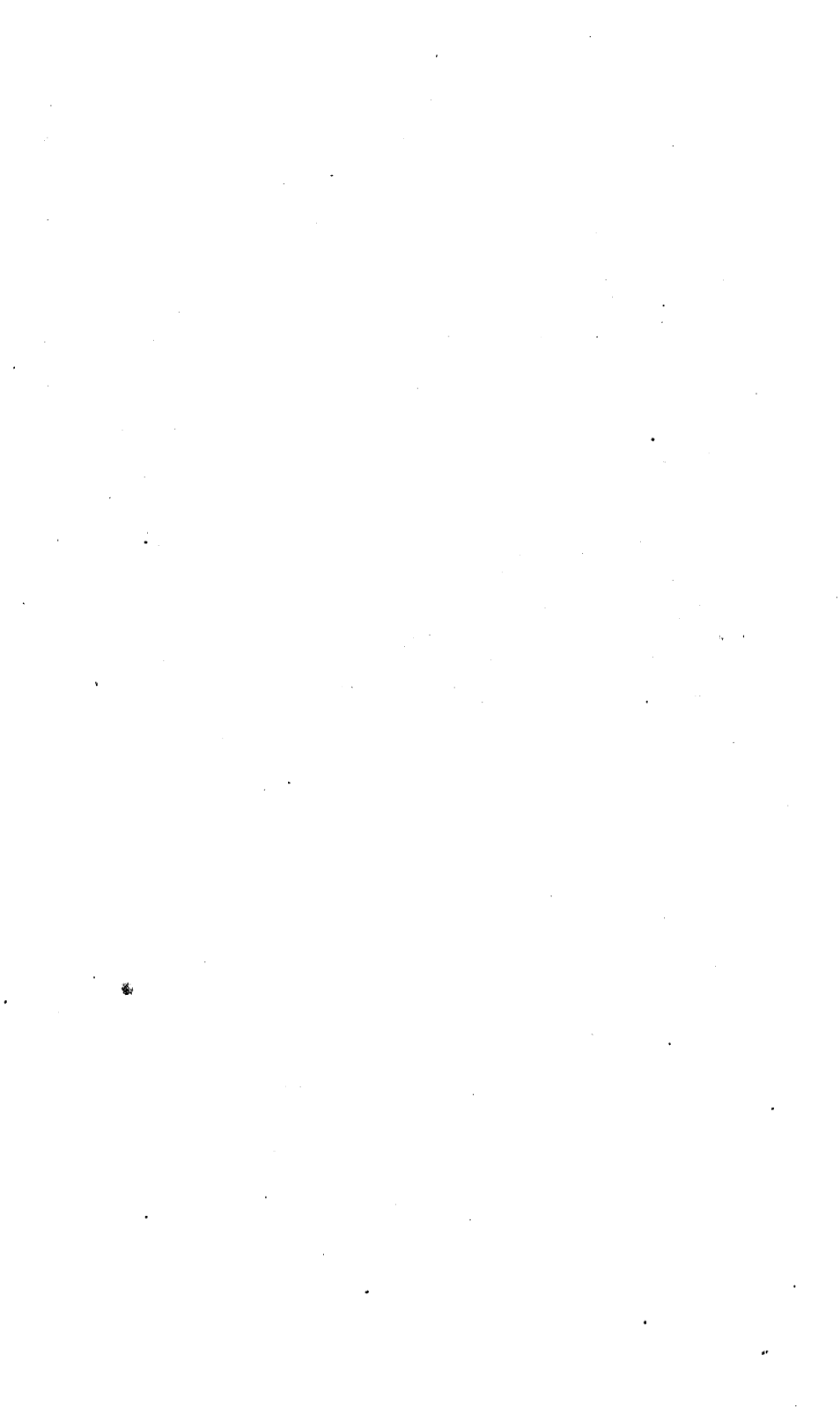
иностранцевъ до крайнихъ предѣловъ. Таковы политическія правила Японцевъ, на рода совершенно непохожаго на Китайцевъ, особенно въ политическомъ отношеніи.

«Впрочемъ торговля, которую ведутъ между собою эти островитяне, такъ усилилась, что правительство могло бы безъ важнаго ущерба отказаться отъ торговли съ иностранцами, особенно съ Европейцами, если бы его политика и уваженіе къ древнимъ обычаямъ не запрещали ему разорвать узы, которыми оно связано съ Голландцами. Повторяемъ, Японская Имперія почти не зависитъ отъ другихъ странъ, даже въ торговомъ отношеніи. При нынѣшнемъ ея пространствѣ, это цѣлый міръ; она можетъ бросить сношенія съ Европейцами, безъ всякаго для себя вреда. Малые сношенія, сохранившіяся съ Китаемъ, доставляютъ ей извѣстія о ходѣ событій въ старомъ мірѣ, и сверхъ того, иностранныя произведенія, къ которымъ привыкъ народъ. Впрочемъ японскіе купцы всегда имѣютъ товары, привозимые изъ Кореи, съ острововъ Лју-Кіу и Курильскихъ, съ острововъ, платящихъ дань Японіи и замѣняющихъ ей колоніи.» (*)

(*) См. *Moniteur des Indes orientales et occidentales*, и пр. Т. I, 1846 года.

Что вывести изъ этихъ свидѣтельствъ?
Что думать о будущности Японіи?

Первый *наслѣдственный* министръ, который всѣмъ управляетъ, можетъ быть, захочетъ быть полнымъ владыкой; можетъ быть, онъ оставитъ Іедо *сіогуну*, какъ Міяко оставлено *сыну неба* (микадо), и заведетъ третій дворъ, гдѣ будетъ жить представителемъ намѣстника микадо! Но все-таки основная мысль учрежденій не измѣнится. Японія, все еще поставленная подъ особенное покровительство богини Солнца, будетъ всегда для Японцевъ, какъ и теперь, первою страной въ мірѣ. Не внутри этой страны надо искать причинъ, по которымъ можетъ произойти перемѣна. Переворотъ, могущій измѣнить Японію, придетъ извнѣ. Европа не дозволитъ ей жить въ такомъ одиночествѣ, какъ уже случилось съ Китаемъ, и довольствоваться собственными своими средствами. Какъ это совершится, войною или вліяніемъ наукъ, искусствъ, промышленности на жителей Японіи, жаждущихъ познаній и умственныхъ и матеріальныхъ удовольствій? Рѣшенія этого вопроса нельзя предвидѣть....

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ЯПОНИИ.

Вообще смотрять на японское правительство, какъ на деспотическое, и похожее, во всемъ на другія восточныя; но между ними есть различіе. Въ Японіи неумолимый и непреклонный властитель—это преданіе, всегда неизмѣнное и имѣющее силу закона. *Микадо* (сынъ неба) и его намѣстникъ *сіогунъ* столь же повинуются его непреложности, сколько и послѣдній изъ Японцевъ.

Японія — имперія *феодалная*, въ строжайшемъ смыслѣ слова; *микадо*, въ качествѣ наслѣдника и представителя боговъ, считается владыкой и повелителемъ имперіи; *сіогунъ* его намѣстникъ и повѣренный. За исключеніемъ части, отчисленной къ престолу, вся имперія раздѣлена на княжества, розданныя наслѣдственнымъ владѣльцамъ; ниже этихъ главныхъ владѣльцевъ, зѣмли еще подраздѣляются и принадлежать малымъ владѣльцамъ, которые обязаны доставлять на свой счетъ людей въ императорскую армію.

Безсиліе *микадо*, этихъ владыкъ безъ власти, окруженныхъ множествомъ самыхъ странныхъ почестей, довольно ясно. Поэтому то, какъ уже сказано, они спѣшатъ сбросить бесполезную ношу и отречься отъ своего званія, которое переходитъ къ одному изъ ихъ сыновей. Но отказываясь отъ верховнаго сана, они получаютъ не много свободы; по крайней мѣрѣ избавляютъ себя отъ необходимости сидѣть на одномъ мѣстѣ цѣлые дни безъ всякаго движенія; вѣроятно, послѣ отреченія, имъ дозволяется двигаться (*).

Второе государственное лицо въ Японіи (хотя оно третье или четвертое въ дворянской іерархіи) есть наместникъ *микадо*, называемый *сіогунъ* или *кубо* (**).

(*) Нѣкоторые независимыя отъ людей обстоятельства много повредили достоинству *микадо*, потому что насильно заставили его ходить. О нихъ упоминають японскія лѣтописи. Такъ въ 1788 году, во время пожара, разрушившаго до тла городъ Міяко, *микадо* принужденъ былъ ѣхать въ обыкновенномъ своемъ экипажѣ (на волахъ), потомъ идти пѣшкомъ, и наконецъ бѣжать, чтобы избавиться отъ пламени!... Сынъ неба, при этомъ случаѣ, пытался въ продолженіе двухъ дней обыкновеннымъ рисомъ (ему всегда выбираютъ лучший рисъ по зернышку) и употреблялъ ту же посуду безъ перемѣны!!!

(**). *Сіогунъ* (Клапротъ говоритъ, что произносятъ *сеогунъ*) пишется по японски *сидъ гоунъ*; это китайское выраженіе *tsianghioun*, соответствующее нашему главнокомандующему.

Называютъ его этими двумя именами, однакожь они вовсе не синонимы. Клапротъ полагаетъ, что титулъ сіюгуна лучше идетъ къ обязанностямъ его должности, а Зибольдъ убѣжденъ, что и самъ сіюгунъ такъ думаетъ, потому что самъ употребляетъ этотъ титулъ. Много писателей представляютъ его неограниченнымъ распорядителемъ; но разсмотрѣвши тѣхъ же писателей, легко убѣдиться, что власть его столько же воображаема, сколько власть его верховнаго начальника; онъ живетъ какъ и микадо, въ совершенномъ уединеніи и также подчиненъ всѣмъ условіямъ обычая и надзора.

Только весьма рѣдко сіюгунъ можетъ выходить изъ своего дворца, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ не ѣздитъ, а посылаетъ повѣренныхъ, на поклоненіе или, какъ говорятъ Японцы, для привѣтствія *микадо*. Государственныя дѣла едва достойны занимать его; и его время такъ разобрано требова-

Не слѣдуетъ писать *djogoun*, какъ находимъ у нѣкоторыхъ писателей; согласная *dj* не существуетъ у Японцевъ.

Титулъ *кубо* (дворецъ) прилагается иногда, но очень рѣдко, къ микадо; чаще употребляютъ его, относя къ сіюгуну, съ прибавкою слова *сама* (владѣлецъ), и говорятъ *кубо-сама* (владѣтель дворца). Иногда же называютъ сіюгуна *тенка* или *тенка-сама*. Титсингъ говоритъ, что часто называютъ его *Кіо*. — *Микадо* слово въ слово значитъ *Сынъ неба*.

ніями этикета, что ему невозможно было бы предоставить часть въ день на занятія управленіемъ имперіи, еслибъ даже пришла ему охота заняться государственными дѣлами.

Оффиціальныя торжества, аудіенціи, принятіе привѣтствій и подарковъ отъ особъ, которымъ это дозволено, равно и раздача подарковъ въ множество пріемныхъ дней, могли бы наполнить жизнь трехъ человѣкъ. Но важныя церемоніи управляются цѣлою арміею придворныхъ, которые занимаютъ разныя домашнія должности и безпрестанно окружаютъ *сiогуна*. Онъ не занимается дѣлами, которыя предоставлены совѣту имперіи. Въ настоящую минуту этотъ совѣтъ сосредоточиваетъ въ себѣ всю исполнительную власть.

Писавшіе объ Японіи не согласны на счетъ числа членовъ этого совѣта; Зибольдъ говоритъ, что ихъ всего тринадцать; пять совѣтниковъ перваго разряда, изъ князей, и восемь совѣтниковъ втораго разряда, изъ дворянъ. Есть министры, не члены сего совѣта: это *господа храма*, которые, хотя и свѣтскіе, занимаются духовными дѣлами, и тѣ два министра, которыхъ иные называютъ комиссарами иностранныхъ дѣлъ, другіе полицейскими чиновниками. Такое смѣшеніе очень понятно, потому что японскія сноше-

нія съ иностранцами производятся по бѣльшей части въ полицейской сферѣ. Совѣтниковъ обоихъ разрядовъ выбираютъ изъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Одинъ изъ совѣтниковъ перваго разряда предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ. Онъ называется *губернаторомъ имперіи* и долженъ быть изъ потомковъ знаменитаго министра *Ино-камо-но-ками*. Обязанности президента нѣсколько похожи на должность перваго министра (какъ это званіе принимается въ Европѣ), или лучше сказать, это верховный визирь, съ чрезвычайно-обширною властію. Всѣ прочіе совѣтники и всѣ начальники разныхъ управленій подчинены ему. Ничего важнаго не предпринимаютъ безъ его содѣйствія въ Японіи.

Дѣла докладываются совѣту, и онъ рѣшаетъ почти всѣ вопросы; онъ утверждаетъ или смягчаетъ смертные приговоры, назначаемые губернаторами, раздаетъ высшія должности и переписывается съ мѣстными властями. Когда встрѣтится затрудненіе въ ходѣ дѣла, потому ли что законъ не ясенъ или не встрѣчалось подобныхъ примѣровъ, самые высшіе сановники не могутъ обойтись безъ разрѣшенія совѣта и ждутъ пока онъ укажетъ имъ путь. У cadaго совѣтника своя особая часть, за которую онъ отвѣчаетъ по всѣмъ текущимъ дѣламъ; но какъ скоро дѣло коснется до чего нибудь важнаго, то оно

вносится въ общій совѣтъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ *губернаторъ имперіи*.

По разсмотрѣніи дѣла въ совѣтѣ, оно иногда поступаетъ на разрѣшеніе *сіюгуна*. Чаше всего онъ утверждаетъ, не спросивъ даже о чемъ идетъ рѣчь; однакожъ, случается (хотя и рѣдко), что ему приходится на умъ заняться дѣлами, и онъ отказывается утвердить совѣтское рѣшеніе, или по убѣжденію или по какимъ нибудь постороннимъ важнымъ причинамъ. Ходъ дѣла въ подобномъ случаѣ опредѣленъ *закономъ*. Проектъ рѣшенія не уничтожается, какъ могутъ подуматъ, которые воображаютъ, что *сіюгунъ* обладаетъ неограниченною властію; нѣтъ, проектъ представляется тремъ принципамъ крови, ближайшимъ родственникамъ *сіюгуна*, и въ томъ числѣ его законному наслѣднику, если онъ совершеннолѣтній. Приговоръ ихъ неотмѣнимъ; онъ влечетъ за собой важныя послѣдствія, которыя ужасають Европейцевъ.

Если приговоръ оправдываетъ членовъ совѣта, *сіюгуну* остается только отказаться отъ своего достоинства въ пользу сына или законнаго наслѣдника, потому что онъ не можетъ взять назадъ прежнее мнѣніе. Такія отреченія, по разнымъ причинамъ, такъ часты, что имъ дано особенное имя, *инкию* (*inkiou*). Въ Японіи есть особые дворцы, назначенные для житія *сіюгуновъ*, послѣ отрече-

ченія. Какъ скоро принцы крови произнесли неблагопріятный приговоръ, *сіогунъ* уѣзжаетъ въ новый дворецъ, оставляя императорскій своему преемнику.

Въ противномъ случаѣ, т. е. когда отвергается мнѣніе совѣта, послѣдствія страшнѣе: министръ, предложившій про-эктъ и защищавшій его, и часто съ нимъ весь совѣтъ (не исключая и президента) должны, по японскому обычаю, распороть себѣ брюхо. Такая страшная развязка случается не часто; но есть подобные примѣры. Если прибавить къ этому, что всѣ члены совѣта, вмѣстѣ и каждый отдѣльно, безпрестанно окружены явными и тайными шпионами, на счетъ начальниковъ, подчиненныхъ, самыхъ членовъ совѣта; то понятно, что эти министры, повидимому столь могущественные, не могутъ сдѣлать лишняго шага, нарушить законъ малѣйшимъ образомъ, безъ немедленнаго и страшнаго наказанія.

Сіогунъ и его совѣтъ особенно заботятся о власти князей, вассаловъ имперіи. Этихъ владѣтельныхъ княжествъ, переходящихъ по наслѣдству и подлежащихъ конфискаціи только въ случаѣ измѣны, прежде считалось шестьдесятъ восемь. Но во время междоусобныхъ войнъ, владѣнія соперниковъ раздробились на малые участки. Теперь существуетъ шестьдесятъ четыре отдѣльныхъ удѣла, которые

заклучаютъ въ себѣ княжества, провинціи и императорскіе города.

Князья (по японски — *кок'сiу* или господа земли) раздѣляются на два класса: *даимиу*, (многодостопочтенные) и *саимиу* (многопочтенные); первые зависятъ прямо отъ микадо; вторые отъ сiогуна (*).

И тѣ и другіе считаются полными владѣльцами своихъ удѣловъ; они окружены всѣми признаками неограниченной власти, и каждый изъ нихъ, съ помощію своихъ вассаловъ, содержитъ особое войско. Не смотря на то, самый сильнѣйшій изъ нихъ ничего не можетъ начать противъ сiогуна или его совѣта. При строгомъ надзорѣ за ними, совѣту извѣстны малѣйшія подробности ихъ частной жизни; они живутъ въ такомъ стѣсненіи, что часто прибѣгаютъ къ послѣднему средству, то-есть, къ *инкиу* или отреченію въ пользу сына; поэтому въ Японіи рѣдко встрѣтишь немолодаго владѣтельнаго князя (**).

Каждое изъ княжествъ управляется не княземъ, и не его министрами, а двумя *гокаро-*

(*) *Даимиу* и *саимиу* соотвѣтствуютъ англійскому *most noble* и *right honorable*.

(**) Фишеръ говоритъ, что князь *Сацумы* — достойный уваженія старецъ; но это, можетъ быть, единственное исключеніе.

сами, или секретарями совѣта; одинъ изъ нихъ живетъ въ самомъ княжествѣ, другой въ Іедо, гдѣ также удерживаютъ семью отсутствующаго секретаря. Такимъ образомъ, на каждую должность въ провинціи опредѣлено по два чиновника; они смѣняются по очереди, и свободный живетъ цѣлый годъ въ своемъ семействѣ. Эти секретари, опредѣленные къ удѣльнымъ князьямъ, управляютъ не во имя князей, ни даже своимъ собственнымъ именемъ; они просто повѣренные совѣта и получаютъ его приказанія черезъ секретарей, остающихся въ Іедо.

Князья должны жить въ Іедо одинъ годъ изъ двухъ, или шесть мѣсяцевъ изъ года; только въ это время могутъ они наслаждаться жизнію въ семействѣ, которое остается всегда, какъ залогъ, въ столицѣ. Когда они живутъ въ своихъ владѣніяхъ, вдали отъ своихъ семействъ, законныхъ или незаконныхъ, имъ особенно запрещено имѣть самыя невинныя сношенія съ особами прекраснаго пола. Дѣла и церемоніи, занимающія у нихъ все время, какъ у сіюгуна, распредѣлены напередъ въ столицѣ. Они выходятъ изъ границъ своего дворца въ опредѣленныхъ случаяхъ, и притомъ съ назначенной свитой. Даже часть вставать и часть ложиться спать назначены совѣтомъ. Князья и всѣ ихъ окружающіе знаютъ, что малѣйшее нарушеніе этихъ правилъ непре-

мѣнно будетъ извѣстно совѣту, потому что шпионамъ нѣтъ числа. Увѣряютъ однакожь, что несчастные шпионы занимаютъ свои должности и исполняютъ свои обязанности съ опасностію жизни; кажется, что изъ Сацумы возвращается ихъ очень мало. Центральное правительство, непризнающее ихъ, никогда не справляется о томъ, что съ ними стало и не ищетъ вовсе средствъ отмстить за нихъ.

Но и такія строгія мѣры предосторожности неполниѣ успокоиваютъ совѣтъ. Боясь, чтобы князья, не жалѣя о своихъ семействахъ, не соединились противъ сіюгуна, не позволяютъ сосѣднимъ князьямъ жить одновременно въ ихъ владѣніяхъ; исключаютъ изъ этого правила только тѣхъ, которые въ явной враждѣ, и въ такомъ случаѣ безпрестанно стараются доставлять имъ новые предметы для распрей и зависти.

Почти вся военная служба лежитъ на князьяхъ. Они должны содержать войско, сообразно съ величиною своихъ владѣній; они даже обязаны поставлять гарнизоны въ императорскія провинціи, которыя находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ совѣта. Въ городѣ Нагазаки, который уже двѣсти лѣтъ служитъ единственнымъ центромъ иностранной торговли, всѣ барыши достаются сіюгуну, совѣтникамъ, губернаторамъ и ихъ челяди;

для этой цѣли городъ названъ императорскимъ и отдѣленъ отъ удѣла, къ которому принадлежалъ; но защита залива ввѣрена князьямъ *Фицена* и *Тикузена*, которыхъ владѣнія онъ омываетъ. Армія значительно уменьшена, потому что Японія наслаждается миромъ уже двѣсти лѣтъ, въ слѣдствіе системы отчужденія. Отъ уменьшенія арміи произошло значительное уменьшеніе въ издержкахъ; но имъ не пользуются ни князья, ни ихъ вассалы. Число войскъ, дѣйствительно, уменьшено, но князья платятъ въ казну *сіюгуна* всѣ тѣ суммы, которыя теперь не тратятся на армію.

Нерѣдко князья живутъ въ *Іедо* съ необыкновенною роскошью и вовлекаются въ безумные расходы и безграничныя щедроты. Въ случаѣ немилости *сіюгунъ* ѣдетъ обѣдать къ своему богатому вассалу, въ его дворецъ въ столицѣ, или выпрашиваетъ ему у *микадо* какую нибудь важную должность въ *даири*; въ обоихъ случаяхъ князь разоренъ. До сихъ поръ въ Японіи не было состоянія, которое могло бы устоять противъ обѣда *сіюгуна* или противъ принятія должности при дворѣ духовнаго императора (*).

(*) Когда первостепенные князья ведутъ себя дурно, *сіюгунъ* не имѣетъ права предать ихъ смертной казни; онъ только можетъ, съ согласія *микадо*, заставить

Положеніе дворянъ очень похоже на положеніе князей; ихъ удѣлы—маленькія княжества, управляемыя точно такъ же, какъ и княжескія владѣнія. Поэтому было бы бесполезно распространяться, какъ о дворянахъ, такъ и объ ихъ имѣніяхъ.

Провинціи и города, принадлежащія къ императорскимъ имуществамъ, управляются губернаторами; ихъ назначаетъ совѣтъ. Въ вѣрности губернаторовъ убѣждаются тѣми же средствами. Въ каждой провинціи ихъ два (*).

Одинъ изъ нихъ живетъ въ Іедо, гдѣ также держатъ въ залогъ семейство отсутствующаго; оба они живутъ поочередно, годъ въ Іедо, годъ въ провинціи. Подвержены они такому же строгому присмотру какъ и князья; власть у нихъ почти такая же,

ихъ отказаться отъ своего званія. Такъ въ 1772 г., когда сіюгуну не понравился князь *Kiy*, сіюгунъ жаловался духовному императору, который тотчасъ же лишилъ *Kiy* званія *цзюнагуна* (государственного совѣтника 2-го класса въ *даири*). Когда князь *Kiy* сталъ простымъ княземъ, *сіюгунъ* отрѣшилъ его и запретилъ ему выѣзжать изъ Іедо. Дядѣ было поручено управлять во время малолѣтства его сына. Въ это же время, князь получилъ приказаніе распороть себѣ брюхо! (Такъ увѣряетъ Титсингъ). О раздѣленіи первыхъ сановниковъ на два класса (на князей и дворянъ) можно найти довольно подробностей въ книгѣ Титсинга, *Cérémonies du Japon*, Paris, 1822.

(*) Иногда бываетъ даже *три*.

хотя обязанности ихъ очень похожи на обязанности секретарей, которымъ поручено управленіе княжествами. Вся разница въ томъ, что князья сами собою могутъ привести смертный приговоръ въ исполненіе, а губернаторы должны просить и ждать утвержденія изъ Іедо. Но тѣ и другіе стараются не произносить смертныхъ приговоровъ; такой приговоръ всегда влечетъ за собой важныя неудобства: начальника непременно обвинять за то, что у него случилось происшествіе, давшее поводъ къ такому страшному и жестокому наказанію (*).

Губернаторъ отдаетъ часть занятій своимъ канцеляріямъ, куда чиновники назначаются совѣтомъ; они подчинены тѣмъ же правиламъ. Число ихъ весьма значительно. Для примѣра возьмемъ управленіе Нагазаки, единственное, о которомъ Голландцы могли собрать вѣрныя свѣдѣнія.

У губернатора два секретаря и нѣсколько *гобаніози* или главныхъ полицейскихъ чиновниковъ (**).

Каждому поручена особенная часть, за

(*) За преступниковъ часто отвѣчаютъ и судьи и родственники, какъ въ Японіи, такъ и въ Китаѣ; съ ними поступаютъ чрезвычайно жестоко, особенно въ Китаѣ, гдѣ правосудіе неумолимѣе чѣмъ въ Японіи.

(**) Можетъ быть только въ Нагазаки называютъ вообще чиновниковъ *гобаніози*: Японцы, претерпѣвшіе

которую онъ отвѣчаетъ. Ниже ихъ стоятъ *баніози*, простые полицейскіе офицеры. Всѣ эти чиновники въ прямой зависимости отъ губернатора. Есть другіе, нѣсколько отъ него независимыя; напримѣръ: казначей, въ маломъ видѣ министръ финансовъ, который идетъ непосредственно за губернаторомъ; при немъ состоитъ бухгалтеръ. Послѣ казначея идетъ военный коммандантъ города и округа. Изъ всѣхъ этихъ чиновниковъ только казначей и коммандантъ могутъ держать свои семейства въ Нагазаки; но всѣ равно окружены шпионами.

Но пора сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ этого шпионства, этой главной пружины японскаго правительства. Слово *мечіуке*, которымъ называютъ шпиона, значитъ, по толкованію Зибольда, *неумолимый наблюдатель*; по объясненію голландскихъ переводчиковъ, *человѣкъ, смотрящій въ сторону*. Шпионы бываютъ изъ всѣхъ сословій, но только не изъ князей. Самые гордые дворяне берутся за эту должность, иногда для исполненія приказанія, отъ котораго могутъ отклониться, только распорѣвъ себѣ брюхо,

крушеніе въ Макао, вовсе не знали этого имени. *Го* значитъ правительственный; *бан* значитъ беречь, охранять, судить (*Бан-но-іе* или *бан-ія* значитъ караульня); *зи* переводится офицеромъ. Стало *гобаніози* значитъ правительственный охраняющій офицеръ.

иногда изъ честолюбія, въ надеждѣ получить доходное мѣсто того чиновника, на котораго они донесутъ. Въ Нагазаки шпионы, состоящіе при губернаторѣ, могутъ просить у него аудіенціи во всякое время дня и ночи, и бѣда ему, если донесеніе ихъ дойдетъ въ Іедо не черезъ него, потому что онъ отказался принять ихъ. Притомъ же за нимъ самимъ смотрятъ «неумолимые наблюдатели», вовсе ему неизвѣстные. Слѣдующее событіе случилось въ провинціи *Мацмай*, далеко отъ голландской факторіи; стало быть, члены ея не могли быть очевидцами; но все таки можно считать его неподлежащимъ сомнѣнію, и понять, по этому одному примѣру изъ тысячи, какую роль играютъ эти *наблюдатели* въ японскомъ управленіи.

Поступила жалоба на губернатора провинціи *Мацмай*. Совѣтъ собралъ справки и убѣдился, что жалоба основательна. Губернатора тотчасъ отставили. Но какъ удивились жители *Мацмая*, когда увидѣли преемникомъ его поденьщика, который рѣзалъ табакъ, и назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ отъ своего хозяина. Поденьщикъ былъ дворянинъ той же провинціи; онъ нарочно пошелъ въ работники, чтобы скрыть роль *наблюдателя*, для которой былъ посланъ въ *Мацмай*.

Кромѣ этихъ чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, въ Нагазаки есть город-

скія власти, совѣтъ *Девяти*, которому поручены дѣла города, мѣстное управленіе и полиція. Эти городскія должности переходятъ по наслѣдству; рѣшенія совѣта должны быть единогласныя; въ случаѣ разногласія, рѣшеніе докладывается губернатору. Подъ начальствомъ городского совѣта состоитъ полкъ изъ *оттоновъ* и *касхировъ*, которые наблюдаютъ за спокойствіемъ и чистотою на улицахъ; они запираютъ уличныя ворота въ извѣстный часъ, и потомъ уже никто не можетъ показываться на улицѣ безъ особеннаго позволенія *касхира* или *оттона*.

Но такого строгаго устройства не довольно. Дома раздѣлены по пяткѣмъ, и жители, состоящіе въ одномъ пяткѣ, отвѣчаютъ другъ за друга; каждый обязанъ доводить до свѣдѣнія *касхира* всякое преступленіе или необыкновенное событіе, случившееся у четырехъ его сосѣдей; *касхиръ* передаетъ извѣстіе *оттону*, а тотъ городовому совѣту; такъ что мало сказать, что одна половина націи наблюдаетъ за другою; вся нація смотритъ за собой въ сотни тысячъ глазъ. Главы семейства должны смотрѣть безпрестанно за тою частію улицы, которая прилегаетъ къ ихъ дому; малѣйшій случай, побои, ссора между посторонними,—приписываются ихъ нерадѣнію. Кто забудетъ сдѣлать самое незначительное донесеніе, того приговариваютъ

къ штрафу, тѣлесному наказанію, тюрьмѣ, или къ домашнему аресту. Это послѣднее наказаніе гораздо строже въ Японіи, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ: все семейство виновнаго лишается позволенія имѣть сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было; двери и окна дома запираются, чтобы предупредить бѣгство. Если виноватъ чиновникъ, то его отрѣшаютъ отъ должности и лишаютъ жалованья на все то время, пока онъ долженъ сидѣть подъ арестомъ; если купецъ или ремесленникъ, то дѣла его пріостанавливаются; притомъ же всѣмъ мужчинамъ въ арестованномъ домѣ запрещается бриться, что столько же постыдно, сколько и неудобно. Не можемъ сказать, какимъ образомъ семейство арестованнаго добываетъ себѣ пищу въ продолженіе заключенія.

При такой системѣ взаимнаго подсматриванія, необходимо было дозволить выбирать сосѣдей. Поэтому никто не можетъ переехать на новое мѣсто, не получивъ отъ прежнихъ сосѣдей одобрительнаго свидѣтельства, а отъ новыхъ формальнаго согласія на принятіе его въ ту улицу, гдѣ онъ намѣренъ поселиться. Увѣряютъ, что преступникъ не можетъ найти убѣжища или пристанища въ цѣлой имперіи, и что во всемъ мірѣ нѣтъ страны, гдѣ кражи случались бы такъ рѣдко; въ Японіи можно спать съ открытыми

дверями и не бояться воровъ. Но надобно признаться, что эта безопасность покупается слишкомъ дорогою цѣною.

Цифра японскаго народонаселенія неизвѣстна въ точности; мнѣнія писателей очень различны объ этомъ предметѣ. Иные говорятъ, что во всей имперіи только пятнадцать милліоновъ жителей; другіе насчитываютъ до сорока. Бургеръ, долго жившій въ Японіи и изучавшій ее вмѣстѣ съ Зибольдомъ ученымъ образомъ, убѣжденъ, что во всей Японіи не болѣе тридцати трехъ или тридцати четырехъ милліоновъ жителей; то есть, народонаселеніе Японской Имперіи равняется народонаселенію Франціи.

Японцы дѣлятся на восемь классовъ, почти наследственныхъ. Японецъ обязанъ всю жизнь свою оставаться въ томъ классѣ, въ которомъ родился; подняться можно только по особенному случаю, почти необыкновенному; всякая попытка выйти изъ своей касты возбуждаетъ неблагопріятные толки; выскочку безжалостно преслѣдуетъ общее презрѣніе.

Первый классъ состоитъ изъ *коксиу* или князей; сюда входятъ, и *даиміо* и *самміо*, различіе которыхъ намъ уже извѣстно.

Второй классъ состоитъ изъ *кининъ* или дворянъ. Эти люди, какъ уже сказано выше, обладаютъ удѣлами, и обязаны военною

службою князьямъ, которыхъ они вассалы, или сіюгуну, если владѣнія ихъ находятся въ императорской провинціи. Число солдатъ, ими содержимыхъ, соразмѣрно пространству и богатству ихъ владѣній. Вассаламъ своимъ, отправляемымъ въ военную службу, платятъ они землю. Изъ этихъ *кининъ* выбираютъ министровъ (есть министры и изъ князей), главныхъ чиновниковъ, губернаторовъ, генераловъ и пр.

Третій классъ состоитъ изъ жрецовъ син-ту и буддистовъ. О нихъ подробно будетъ говорено, когда дѣло дойдетъ до религіи.

Въ четвертомъ классѣ всѣ *самораи* или военные; это вассалы дворянъ. Служба ихъ давно уже только тѣнь военной службы; вся японская армія занята доставленіемъ стражи къ микадо, сіюгуну и къ принцамъ, поддержаніемъ внутренняго спокойствія и охраненіемъ береговъ.—Но прежде, когда Японія не отказывалась еще отъ сношеній съ чужеземцами, и жители ея могли выѣзжать за границу, они во всей Азіи слыли за безстрашныхъ и опытныхъ воиновъ, и охотно опредѣлялись въ службу къ первому князю, который имѣлъ въ нихъ нужду. Нынѣ выѣзды запрещены, и потому нельзя сказать ничего рѣшительнаго о значеніи японской арміи, тѣмъ болѣе, что она уже два вѣка не имѣла случая показать себя. Кромѣ этихъ

самораи, *сіогунъ* содержитъ военный отрядъ солдатъ, называемыхъ *дозининъ*; ихъ считаютъ ниже *самораи* (хотя они принадлежатъ къ тому же классу).

Головнинъ, въ книгѣ своей объ Японіи, говоритъ, что солдаты *сіогуна* содержатся несравненно лучше солдатъ княжескихъ, такъ что простыхъ солдатъ изъ первыхъ ему случалось принимать за офицеровъ. Въ голландскихъ писателяхъ не встрѣчается ничего похожаго на такую замѣтку. Головнинъ немного, могъ видѣть, потому что содержался въ тюрьмѣ въ отдаленной провинціи; переводчикомъ у него былъ грубый Курилецъ; но онъ былъ окруженъ военными, которые стерегли его; постоянно жилъ среди военныхъ, и потому нельзя не согласиться, что замѣчаніе его должно быть вѣрно (*).

Эти четыре класса считаются высшими въ Японіи; только они имѣютъ завидное право носить по двѣ сабли и *гакама*.

Пятый классъ состоитъ изъ высшаго слоя мѣщанства. Сюда относятся низшіе чиновники и люди, занимающіеся леченіемъ. Онъ пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ; члены

(*) Зибольдъ отдастъ полную справедливость пронацательности Головнина, и особенно его замѣчаніямъ на счетъ японскаго правительства. Поэтому нельзя отвергать Головнина, какъ это дѣлали иные.

его имѣюгъ право носить саблю и панталоны.

Шестой классъ состоитъ изъ важнѣйшихъ торговцевъ; хотя ихъ презираютъ въ высшей степени, однакожъ въ ихъ рукахъ находятся всѣ богатства Японіи. Въ отношеніи къ роскоши, они счастливѣе первыхъ классовъ: она имъ строжайше запрещена.

Мы уже говорили, какою низостию богатѣйшіе купцы покупаютъ право подражать дворянамъ; подлостью могутъ они достигнуть до того, что имъ позволятъ носить саблю, но панталонъ—никогда!

Къ седьмому классу принадлежатъ мелкіе торговцы, ремесленники и (это покажется у насъ страннымъ) артисты. Только одна вѣтвь промышленности подверглась исключенію, и мы сейчасъ поговоримъ о ней.

Трудно дать понятіе, какимъ уваженіемъ пользуется этотъ многочисленный классъ: сколько разныхъ ремеслъ, сколько разныхъ ступеней. Такимъ образомъ живописцы и брильянтики стоятъ гораздо выше плотниковъ и кузнецовъ; но вѣроятно нѣтъ никакого различія между живописцами и малярами.

Къ восьмому классу принадлежатъ поселяне и поденьщики. Они чрезвычайно бѣдны. Даже самые зажиточные, держащіе земли на откупъ, находятся въ жалкомъ положеніи.

Однакожъ, вообще народъ доволенъ своею участью. Японцы низшихъ классовъ довольствуются очень малымъ, и болѣе думаютъ о чести (разумѣется, объ японской чести), объ удовольствіяхъ и разсѣяніяхъ, которыя они находятъ въ публичныхъ праздникахъ, процессіяхъ, театрахъ, чѣмъ о матеріальномъ благосостояніи и объ обилии или выборѣ съѣстныхъ припасовъ. Впрочемъ, путешественники весьма мало занимались нравами, средствами къ существованію, обычаями этой низшей части народонаселенія, и изъ ихъ извѣстій нельзя предложить вѣрныхъ выводовъ.

Къ этимъ восьми классамъ, офиціально признаннымъ, можно прибавить девятый, куда мы относимъ несчастныхъ, исключенныхъ изъ седмаго класса, то есть кожевниковъ и всѣхъ, кто занимается приготовленіемъ и продажею кожъ. Ученіе Синту поражаетъ омерзѣніемъ всѣхъ, кто дотрогивается до того, что убито смертію; изъ этого проистекаетъ предразсудокъ, по которому кожевники становятся настоящими паріями Японіи. Имъ запрещено жить съ другими людьми; они должны строить себѣ особые селенія. Въ прочія селенія они входятъ только какъ тюремщики или палачи, и хозяева чайныхъ домовъ должны помогать имъ, если случится надобность! Имъ строжайше запрещено входить въ гостинницы и общественныя заведе-

нія; во время переходовъ, они на улицѣ ѣдятъ купленный ими обѣдъ, и трактирщикъ скорѣе разобьетъ, чѣмъ согласится взять обратно, чашку, изъ которой пилъ одинъ изъ этихъ несчастныхъ (*).

Ихъ не вносятъ въ народную перепись и, что всего страннѣе, ихъ села, построенныя на большихъ дорогахъ, не считаются въ длину дороги; на нихъ смотрятъ какъ на что-то несуществующее. Путешественники, платящіе за переносчиковъ и выучный скотъ, за пройденное пространство, даромъ проходятъ черезъ селенія, гдѣ живутъ эти несчастные, занимающіеся выработкою кожи (**).

Японскіе законы кровожадны; они почти не знаютъ разныхъ степеней вины; напримѣръ, если рассматриваютъ воровство, то во-

(*) Все это говорятъ Жансины, не принимая въ соображеніе, что общее презрѣніе къ кожевникамъ въ Японіи достается не лично, а по наследству. Человѣкъ, котораго презираютъ за званіе отца, всегда имѣетъ утѣшеніе, потому что въ этомъ случаѣ несправедливость людская слишкомъ явна, а чужой несправедливости нечего стыдиться; еще глупѣе было бы огорчаться такою несправедливостію.

(**) Стоило бы розыскать причину такого страннаго и нечеловѣчнаго положенія дѣлъ. Вѣроятно омерзѣніе къ кастѣ кожевниковъ вышло изъ Индіи, съ береговъ Ганга; однакожъ утверждать этого положительно никакъ нельзя. Во всякомъ случаѣ, откуда бы ни взялся этотъ обычай, трудно приискать приличное слово для его порицанія.

все не обращаютъ вниманія, при какихъ обстоятельствахъ оно совершено. Штрафъ полагается только за незначительные проступки противъ правилъ городской полиціи; японскіе законодатели полагаютъ, что наказанія такого рода могутъ дать несправедливое преимущество богатому передъ бѣднымъ (*).

Чрезвычайно стараются дать понятіе о законахъ всѣмъ вообще классамъ. Въ городахъ и селеніяхъ объявляются новые законы съ возвышенія, окруженнаго деревянной рѣшеткой; потомъ прибываютъ къ нему новый законъ, чтобы его могли знать и тѣ, кто не присутствовалъ при его объявленіи. На этомъ возвышеніи постоянно вывѣшены всѣ полицейскія постановленія и объявленія.

Правосудіе оказывается всякому безъ различія званій и состояній. Но преступленіе противъ безопасности государства наказывается гораздо строже, чѣмъ преступленія противъ частныхъ лицъ. Это происходитъ отъ того, что люди, обязанные наказывать пре-

(*) Японскіе законодатели совершенно правы. Богачи не чувствуютъ наказанія штрафомъ, потому что слишкомъ богаты и имъ ничего не стоитъ заплатить деньги; бѣдные же тоже не боятся штрафа, потому что съ нихъ взять нечего. Вообще штрафы — хорошее наказаніе въ странахъ образованныхъ; а въ странахъ варварскихъ—это просто обманъ, который всѣмъ понятенъ, и надъ которымъ всѣ смѣются.

ступленія перваго рода, вѣрно будутъ казнены смертію, если нестрога поступать съ виновными; между тѣмъ какъ частныя преступленія преслѣдуются только обиженнымъ, который часто не хочетъ или не можетъ, изъ одного удовольствія мщенія, прибавлять издержки уголовного судопроизводства къ множеству другихъ непріятностей, которыя онъ уже перенесъ.

Маловажныя жалобы приносятся *отто-намъ*, которые замѣняютъ судъ первой инстанціи, при помощи и подѣ надзоромъ шпионовъ. Все производство дѣла и самый приговоръ — тайна. Но можно жаловаться на нихъ въ публичныя суды. Чтобы избѣжать публичности, этимъ городскимъ чиновникамъ поручено наказывать нѣкоторыя легкіе проступки *наибонъ*, то-есть, въ тихомолку. Такимъ образомъ оберегаютъ честь и самолюбіе не одного провинившагося въ чемъ нибудь неважномъ. Засѣданія публичныхъ судовъ очеь торжественны; говорятъ, что они не тянутъ дѣлъ и хорошо ведутъ ихъ; рѣдко истина скроется отъ нихъ; жаль только, что въ случаѣ неимѣнія доказательствъ, они употребляютъ пытку! При такомъ страшномъ средствѣ, можно всегда раскрыть дѣло, но всегда ли будетъ въ немъ видна истина? Не найдется ли такихъ несчастныхъ, которые, для избѣжанія физической мучи-

тельной боли, сознаются въ небывалыхъ преступленіяхъ, оговорають и друзей и недруговъ, только бы отсрочить свиданіе съ палачемъ хоть на нѣсколько дней? Тамъ, гдѣ существуетъ пытка, плохое правосудіе. Вотъ почему надобно съ крайнею осторожностію вѣрить тѣмъ путешественникамъ, которые такъ горячо расхваливаютъ японское правосудіе и судопроизводство. Притомъ же на рѣшенія публичныхъ судовъ нѣтъ аппелляцій.

Смертная казнь влечетъ за собою конфискацію имѣнія осужденнаго преступника и опалу всего его семейства. Поэтому всякой преступникъ (изъ высшихъ классовъ) предупреждаетъ приговоръ, налагая самъ на себя руки. (*)

Если его схватили такъ скоро, что онъ не успѣлъ прибѣгнуть къ послѣднему рѣшительному средству, и если семейство его внушаетъ столько участія, что судьи и начальники тюрьмы рѣшаются подвергнуться

(*) Вотъ какъ негѣпныя начала въ законодательствѣ ведутъ къ самымъ губельнымъ послѣдствіямъ. Наказывая жену и дѣтей преступника, часто невинныхъ, японскій законъ заставляетъ людей посягать на самоубійство! Волосы становятся дыбомъ, когда подумаешь, что тридцать пять милліоновъ людей живутъ въ такомъ страшномъ положеніи, которое Европеецъ не снесъ бы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, не сойдя съ ума.

опасности въ пользу его, есть еще два средства умереть *найбонъ* (тайкомъ) прежде произнесенія приговора. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, ему передаютъ саблю и онъ распарываетъ себѣ брюхо; но это средство употребляется очень рѣдко, потому что другъ, передающій оружіе, подвергается почти неизбѣжной опасности. Второй способъ употребляется чаще: подсудимаго подвергаютъ пыткамъ, какъ бы желая что нибудь вывѣдать изъ него, и приказываютъ палачу умертвить его прежде, чѣмъ онъ успѣетъ отвѣчать. Въ обоихъ случаяхъ распускаютъ слухъ, что подсудимый умеръ отъ сильнаго припадка болѣзни, и такъ какъ его нельзя признать виновнымъ, потому что онъ не сужденъ, то возвращаютъ трупъ его семейству, и оно такимъ образомъ не подвергается страшнымъ послѣдствіямъ, сопровождающимъ смертную казнь.

Когда осужденный не заслуживаетъ такого участія, его связываютъ, сажаютъ на лошадь и везутъ на мѣсто казни, то есть, на открытую площадь внѣ города. На знамени написано его преступленіе; герольды провозглашаютъ вину, вездѣ, гдѣ преступникъ проѣзжаетъ. Каждый можетъ, во время злобщаго перехода, предлагать осужденному угощеніе, но почти никто не пользуется этимъ позволеніемъ. Судьи и всѣ члены суда запи-

мають почетныя мѣста на площади казни; они окружены знаками судейскаго званія и обнаженными мечами. Палачъ предлагаетъ чашу *заки*, сушеную или соленую рыбу, коренья, грибы, фрукты или пирожное осужденному, который можетъ раздѣлить этотъ послѣдній обѣдъ съ друзьями. Потомъ кладутъ его на циновку между двумя грудями песку и отрубають мечемъ голову.

Голову втыкають на коль; а надъ нимъ надпись съ означеніемъ преступленія. Только черезъ три дня могутъ родственники прибрать трупъ, или лучше сказать, остатки, обѣденные хищными птицами.

Такъ голландскіе путешественники описываютъ смертную казнь, которую сами видѣли въ Нагазаки. Но должно думать, что эта форма употребляется только съ преступниками низшаго класса. Несмотря на всю свою опредѣленность, японскіе законы позволяютъ судѣ выбирать форму казни. Какъ бы то ни было, описанная нами форма принадлежитъ къ числу самыхъ милостивыхъ. Извѣстно, что преступниковъ часто подвергаютъ публичной пыткѣ, и что ловкость палача измѣряется числомъ ударовъ, которые онъ можетъ нанести своей жертвѣ, не убивъ ея. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ дать не больше шестнадцати ударовъ. Говорятъ, что въ такихъ случаяхъ молодые

Японцы даютъ палачу новое свое оружіе для пробы и принимаютъ живѣйшее участіе въ этихъ кровавыхъ казняхъ, особенно когда къ нимъ прибавляется пытка. Изъ зрѣлищъ этого рода самое забавное для нихъ *пляска смерти*; такъ называютъ они казнь, во время которой несчастного обвиненнаго одѣваютъ въ рубашку изъ тростника и поджигаютъ: онъ, разумѣется, страшно пляшетъ.

Тюрьмы для обыкновенныхъ преступниковъ устроены довольно сносно. Та, въ которой содержался Головнинъ и его товарищи, состояла изъ ряда келій, выстроенныхъ въ сараѣ. Изъ разсказа Головнина видно, что кельи были топлены и чисты; плѣнниковъ кормили хорошо, если согласиться, что японское кушанье можетъ понравиться европейскому желудку. Многія обстоятельства доказываютъ, что Головнина содержали въ обыкновенной тюрьмѣ. Объ этомъ предупредили его заранѣе, и онъ видѣлъ въ тюрьмѣ Японца, приговореннаго къ тѣлесному наказанію. Притомъ, словомъ *ройя* (кѣтка), которое употребляетъ Головнинъ, Кемпферъ означаетъ японскую тюрьму.

Но все это нисколько не относится къ тюрьмамъ, въ которыхъ содержатся важные преступники прежде или послѣ суда. Онѣ не напрасно называются *гокюйя* или *гокуйя* (адъ). Въ этихъ тюрьмахъ, находящихся въ

зданіи губернаторскаго управленія, помѣщаютъ по пятнадцати и по двадцати человѣкъ въ одномъ покоѣ, въ который свѣтъ и воздухъ проходятъ черезъ небольшое отверстіе, продѣланное въ потолокъ и прикрытое рѣшеткою. Дверь отворяется только для выпуска или впуска преступниковъ. Имъ не даютъ ни книгъ, ни табаку, не допускаютъ ни малѣйшаго развлеченія. Постелей нѣтъ. Въмѣсто шелковыхъ или тонкихъ холстинныхъ поясовъ надѣваютъ на нихъ пояса соломенные, знакъ безчестія. Въ одну дыру подаютъ кушанье и принимаютъ нечистоты. Кормятъ ихъ самыми дурными припасами, и хотя имъ позволено получать кушанье изъ дому, однакоже они не могутъ пользоваться этою милостію, если присылаемаго кушанья недостаточно на всѣхъ заключенныхъ: обитатели этихъ адскихъ мѣстъ преданы полному своеволію самыхъ гнусныхъ страстей, и отнимаютъ другъ у друга что хотятъ. Изъ этого выходитъ, что самые злые господствуютъ въ этихъ убѣжищахъ преступленія, и слабые въ совершенной зависимости у сильныхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЯПОНИИ.

	<i>Стр.</i>
Переѣздъ изъ Батавіи въ Японію	1
Географическая и статистическая картина острова	
Банка	27
Необходимыя общія свѣдѣнія	61
Общія географическія свѣдѣнія	67
Политическое раздѣленіе	75
Геологическое устройство	83
Климатъ	93
Главные произведенія	96
Общія этнографическія свѣдѣнія	105
Первыя впечатанія въ Японіи	111
Исторія голландскаго заведенія въ Децимѣ	137
Поѣздка голландской депутаціи въ Іедо	203
Описаніе Іедо.—Пребываніе тамъ голландской мис-	
сiи.—Аудиенція у сіюгуна, и пр.	245
Возвращеніе голландской миссiи въ Дециму . . .	293
Очеркъ японской исторiи.	335
Политическое состояніе Японіи	357